

ISSN 2079-1003 2500-2902

URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 1 (60) 2026

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 1 (60) 2026

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 1 (60) 2026

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

CONTENTS

No 1 (60) 2026

Anna Danilova. Converbs in Tatyshly Udmurt	7
Sofia A. Oskolskaya. Marking the subject of a dependent clause with a participle head in Nanai.....	28
Alina A. Russkikh. Universal quantification in Poshkart Chuvash in typological perspective	42
Daria Sidorkina. Forest Nenets evidential <i>-mæ</i> : evidence contra double scope.....	66
Author guidelines	91

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1 (60) 2026

А. А. Данилова. Деепричастия татышлинского говора удмуртского языка	7
С. А. Оскольская. Маркирование подлежащего зависимой предикации с вершиной причастием в нанайском языке	28
А. А. Русских. Семантика конструкций со значением всеобщности в малокарачкинском говоре чувашского языка в типологической перспективе	42
Д. С. Сидоркина. Непрямая эвиденциальность в лесном ненецком — свидетельства против двойной сферы действия.....	66
Информация для авторов	91

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН, Институт системного программирования РАН)

Ответственный секретарь

М. П. Безенова

(к.ф.н., Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Институт системного программирования РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., университет Берлина им. Гумбольдта)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Executive secretary

Maria Bezenova

(Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Humboldt University of Berlin), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Talmas Garipov (M. Aknulla Bashkir State Pedagogical University), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Converbs in Tatyshly Udmurt

Anna A. Danilova, University of Cambridge (Cambridge, UK); anndanilova1870@gmail.com

The purpose of this paper is two-fold. Firstly, I present a typological account of non-finite adjunct clauses and verbal forms that head them in Tatyshly Udmurt (FINNO-UGRIC, Russia). I describe the morphosyntactic and semantic properties of four converbs: the converb ending in *-sa*, a multifunctional form expressing manner, attendant circumstance and cause; its negative counterpart, the converb ending in *-tek*; the converb ending in *-kâ*, which denotes relative present tense; and the converb ending in *-č'č'ož*, whose meaning is comparable to English *while/until*. To the best of my knowledge, there are no detailed descriptions of non-finite verbal adjuncts in Tatyshly Udmurt, while existing accounts of Standard Udmurt leave several properties relevant for typological comparison insufficiently specified.

Secondly, I demonstrate how converbs expressing relative present tense can be distinguished from those denoting attendant circumstance. Although both semantic types are widely discussed in typological literature, clear diagnostics for assigning individual verb forms to one of these categories remain lacking. By applying discourse-based and syntactic criteria, I argue that these meanings represent distinct functional types in Tatyshly Udmurt rather than overlapping interpretations.

The analysis is based primarily on elicited fieldwork data collected from native speakers, supplemented by corpus examples [TUC]. I follow the typological approach to converbs set out in [Haspelmath 1995; König 1995; Nedjalkov 1995].

Keywords: Udmurt language, converbs, non-finite clauses, relative tense, attendant circumstance, clause linkage

ДЕЕПРИЧАСТΙΑ ТАТЫШЛИНСКОГО ГОВОРА УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Данилова Анна Алексеевна, Кембриджский университет (Кембридж, Великобритания); anndanilova1870@gmail.com

Настоящая статья преследует две цели. Во-первых, в ней представлен типологический обзор нефинитных обстоятельственных клауз и глагольных форм, которые их возглавляют, в татышлинском говоре удмуртского языка. Рассматриваются морфосинтаксические и семантические свойства четырёх деепричастий (конвербов): деепричастия на *-sa* — полифункциональной формы со значениями образа действия, сопровождающего обстоятельства и причины; его отрицательного аналога — деепричастия на *-tek*; деепричастия на *-kâ*, выражающего таксисное значение одновременности, а также деепричастия на *-č'č'ož*, значение которого сопоставимо с русскими союзами *пока, до того, как*. Насколько нам известно, в научной литературе отсутствуют подробные описания нефинитных глагольных адьюнктов в татышлинском удмуртском, тогда как существующие работы по литературному удмуртскому недостаточно освещают ряд свойств, важных для типологического сопоставления деепричастий.

Во-вторых, в статье демонстрируется, каким образом деепричастия, выражающие таксисное значение одновременности, могут быть разграничены с формами, обозначающими сопровождающее обстоятельство. Хотя оба семантических типа широко обсуждаются в типологической литературе, чёткие критерии отнесения конкретной глагольной формы к одному из них отсутствуют. С опорой на дискурсивные и синтаксические критерии показано, что данные значения представляют собой различные функциональные типы в татышлинском удмуртском, а не пересекающиеся интерпретации.

Исследование основано преимущественно на данных элицитации, полученных в ходе полевой работы с носителями языка, и дополнено примерами из корпуса [TUC]. В статье используется типологический подход к описанию деепричастий, изложенный в [Haspelmath 1995; König 1995; Nedjalkov 1995].

Ключевые слова: удмуртский язык, деепричастия, нефинитные клаузы, зависимый таксис, сопровождающее обстоятельство, связь клауз

1. Introduction

1.1. Aim and scope of the paper

This paper provides a typologically-informed description of non-finite adjunct clauses and their associated verbal forms (so-called *converbs*) in Tatyshly Udmurt, an Udmurt (< FINNO-UGRIC, Russia) variety spoken in the Republic of Bashkortostan, Russia. The study focuses on four converbial forms: the multifunctional converb ending in *-sa*, the negative converb ending in *-tek*, the converb of simultaneity ending in *-kâ*, and the temporal limitative converb ending in *-č'č'ož*.

Although converbs have been discussed for Standard Udmurt, existing accounts leave a number of morpho-syntactic and semantic properties unspecified (see [Perevoshchikov 1959; GSUJA 1962: 274—289; Shutov 2002: 43—49, 62—65, 74—78, 87—90; Georgieva 2018]). Tatyshly Udmurt converbs, in turn, have received almost no dedicated treatment, amounting to only brief discussions in previous publications [Baidullina 2003: 102—104]. The present study offers a detailed description based on original data. As a result, the analysis occasionally provides more extensive evidence for Tatyshly Udmurt than is currently available for Standard Udmurt, which limits comparison between the two varieties in some domains.

The analysis presented in this paper covers several core aspects of the grammar of these converbs: the structural relationship between converbial and main clauses, their range of semantic functions, their temporal interpretation relative to the finite clause, and their behaviour in clause-chaining constructions. I examine both same-subject and different-subject contexts, with special attention to how the actional class of the dependent verb and its interaction with the main clause influence the interpretation of converbial constructions.

Alongside a more detailed description of the data, I also address a typological gap, namely the lack of well-established criteria for distinguishing between converbs that express relative present tense and those that denote attendant circumstance. Although these semantic types are commonly attested and described across languages, formal criteria for distinguishing them in specific linguistic contexts are not developed. Moreover, many studies treat the notions of *attendant circumstance* and *simultaneity* as synonymous or overlapping. In this paper, I argue that they represent distinct semantic types. By applying discourse-based and morphosyntactic diagnostics, I demonstrate that these two meanings are functionally and distributionally separate in Tatyshly Udmurt, and that conflating them obscures important structural and interpretive differences.

By analyzing converbs in both same-subject and different-subject contexts, with particular attention to how their interpretation depends on the actional class of the dependent verb, its relation to the finite clause, and the structural properties of clause-chaining, I aim to broaden the typological discussion on the nature and classification of adverbial clauses.

The paper is organized as follows: section 1 introduces Tatyshly Udmurt and its converbs, outlines the typological framework, and describes where and how the data were obtained. Section 2 deals with the polyfunctional converb ending in *-sa*. In section 3, simultaneity converb ending in *-kâ* is described. Section 4 is concerned with the differences between the two. Section 5 describes the negative converb ending in *-tek*. Section 6 is dedicated to the “while, until” converb ending in *-č'č'ož*. Finally, section 7 provides a conclusion.

1.2. Overview of the language

Tatyshly Udmurt is a variety of Udmurt language (PERMIC < FINNO-UGRIC < URALIC) spoken by around 21,000 people. Tatyshly Udmurt belongs to the Peripheral-Southern variety of the Southern dialectal group (for details on the dialect classification, see [Kel'makov 1998: 42—43]). Udmurt is also part of the *Volga-Kama Sprachbund*, which is characterized by close interaction of Uralic and Altaic languages. Tatyshly Udmurt specifically demonstrates strong contact influence from neighboring Bashkir and Tatar (TURKIC, Russia).

Tatyshly Udmurt is spoken in ethnically and linguistically homogeneous rural settlements in the north of the Republic of Bashkortostan (Russia). Its use is prevalent in all aspects of everyday life. According to [Toulouze 2013], most native speakers possess equally good command of Tatyshly Udmurt and Russian, however, some older speakers are noticeably less fluent in Russian. There are signs of gradual language loss in favour of Russian among young people. Three quarters of the population reside in rural areas [Sadikov 2016: 89]. In rural schools, Standard Udmurt is generally taught as a mother tongue.

Tatyshly Udmurt is of particular interest due to the resettlement of its speakers to a peripheral geographic area, isolated from the core Udmurt-speaking regions. In addition, Tatyshly Udmurt has been subject to sustained contact with neighbouring Turkic languages. These factors have led to the emergence of features that are different from Standard Udmurt. The most detailed source on Tatyshly Udmurt is [Baidullina 2003], a Master's thesis dedicated to all aspects of the vernacular, but lacking detail on clause linkage. Some fragmented information can be obtained from dialectological papers, see e.g. [Kel'makov 1998].

With respect to main typological parameters, [Edygarova 2022] identifies the following typological features in Udmurt: it is a synthetic pro-drop language with nominative-accusative alignment. It generally has dependent marking, often with double- or zero-marked nouns. The basic word order is SOV, although SVO is becoming more frequent, presumably due to the Russian influence. Word order varies greatly based on information structure.

Tatyshly (as well as Standard) Udmurt displays a vast array of specialized non-finite verb forms. Four of them are exclusively used as verbal adjuncts. These so-called converbs have been studied in Standard Udmurt by [Perevoshchikov 1959; GSUJA 1962: 274—289; Shutov 2002: 43—49, 62—65, 74—78, 87—90; Georgieva 2018], and their general properties are well-established.

The first one, the converb in *-sa* (Standard Udmurt cyrillic script *-ca*), is described either as a temporal converb of precedence or simultaneity [Georgieva 2018: 129], or with reference to three non-taxis semantic relations: manner, attendant circumstance and cause [Shutov 2002: 74—78, 87—90; Perevoshchikov 1959: 233]. An example of its use in Tatyshly Udmurt is provided in (1). Since its somewhat unconventional properties pose theoretical interest and spark some debate (see sections 2 and 3), it is the most well-studied converb out of the four.

- (1) *kreslo-ân pukâ-sa ataj kn'iga lâž'i-z.*
 armchair-LOC sit-CVB father book read-PST-3SG
 'Sitting in the armchair, the father was reading a book.'

The converb in *-tek* (for Standard Udmurt in cyrillic script *-mэк*) is usually referred to as a negative counterpart of the converb in *-sa*, denoting lack of action (2).

- (2) *kes'a-s'kâ-tek turi-jos lob-i-zâ.*
 cry-DETR-CVB.NEG crane-PL fly-PST-3PL
 'The cranes flew by without crying.'

The converb in *-kâ* (Standard Udmurt *-ku*, in cyrillic script *-кү*) denotes relative present tense (3).

- (3) *izhevsk-ân ulâ-kâ-z adrijana lafkač'i uža-ø-z.*
 Izhevsk-LOC live-CVB.SIM-POSS.3SG Adrijana shop.assistant work-PST-3SG
 'While living in Izhevsk, Adrijana worked as a shop assistant.'

The meaning of the converb in *-č'č'ož* (Standard Udmurt *-toz'*, in cyrillic script *-тозб*) is comparable to the English “while, until” (4).

- (4) *šâd sija-č'č'ož mon taban' s'i-i-ø.*
 soup cool.down-CVB.LIM I taban eat-PST-1SG
 'While the soup was cooling down, I ate tabani [a type of pastry].'

1.3. Typological overview of converbs

This study concerns four forms which are exclusively used as verbal adjuncts. Following the typological tradition, I will refer to them as *converbs*.

Most definitions of a converb include two features: non-finiteness and adverbiality [Nedjalkov 1998: 421—422]. Non-finiteness is understood as the inability of the verb form to be the head of a simple independent sentence without ellipsis. Adverbiality means that converbs modify a verb phrase or a main clause without being a syntactic argument [Nedjalkov 1995: 97]. However, due to the heterogeneity of forms and functions associated with converbs, and the existence of multiple strategies for encoding circumstantial relations across languages, the structural definition from above has faced some criticism [Rapold 2010]. As a result, some researchers use a definition that primarily relies on function, viewing a converb as a dependent verb form used for clause linkage [Coupe 2006: 145].

One of the key typological parameters is the ability of the subordinate clause with a converb (henceforth ‘converb clauses’) to have its own subject, different from that of the finite clause. Converb clauses can be divided into same-subject (when the subject of the converb clause is always coreferential to the subject of the main clause), different-subject (when they always differ) and variable-subject (when the subject of the converb clause may or may not coincide with the subject of the finite clause) [Nedjalkov 1995: 110]. The subject can be phonologically overt, covert, or its surface realization can be possible, but not necessary [Haspelmath 1995: 9—10]. There is a correlation between these two parameters: in same-subject contexts the subject is not expressed in the non-finite clause, while in different-subject constructions its overt expression is often obligatory [Haspelmath 1995: 10—11].

It is common to divide converbs into temporal, non-temporal and mixed [Nedjalkov 1995: 106—108, Nedjalkov 1998: 423—424] (note that Vladimir and Igor' Nedjalkov employ the term *taxis*, widespread in Russian linguistics.

Following Comrie [1985: 56], I will use *dependent time* and *relative tense* instead). Non-temporal meanings include purpose, cause, condition, concession, manner and mode of action, attendant circumstance, etc. Mixed converbs can express both temporal and non-temporal meanings, depending on various properties of the construction.

In general, converb clauses demonstrate the subordinate relationship to the main clause [Haspelmath 1995: 8, 12—17; Weisser 2015: 72—77]. However, in some languages, constructions with converbs may have signs of coordinate constructions [Grashchenkov 2015: 40—55].

1.4. Data and methodology

I collected the material in the villages of Staryj Kyzyl-Yar, Nizhnebaltachevo, Ivanovka, Novye Tatyshly and Starokalmijarovo of the Tatyshlinsky district of Bashkortostan during three field trips in 2021—2023. The vast majority of examples was elicited during interviews with native speakers. I presented them with a variety of tasks: translation from Russian into Tatyshly Udmurt and vice versa, an acceptability judgment task of Udmurt stimuli, paraphrasing of Udmurt sentences and free production of sentences with a given expression/pair of verbs. On average, I tested each example on five speakers. In case their judgements differed significantly, I increased the number of responses to seven or nine. For simple constructions whose acceptability is attested in other sources (e.g. a modified corpus sentence or an example from an article on another Udmurt variety), three concurring opinions were collected.

In this paper, examples are accompanied by a symbol indicating their degree of acceptability, based on native speaker judgments. An asterisk (*) marks a sentence that was rejected by at least 85 % of speakers. Two question marks (??) indicate that a sentence was judged marginally acceptable: between 50 % and 85 % of speakers rejected it. A single question mark (?) denotes intermediate status — more than 50 % of speakers accepted the sentence, but the judgment was not necessarily uniform. I do not employ the percent sign (%) because there were no unanimous marginal judgements: most dubious examples display a minor to moderate degree of interspeaker variability. Therefore, using both the question mark and the percent sign would be redundant. Sentences with no symbol were accepted by all or all but one speaker.

A corpus of Tatyshly Udmurt was also used [TUC] (ca. 54,800 word entries in March 2025). Whenever a corpus example is provided, a reference to the text in the corpus appears under it. No special notes are provided for elicited sentences. Examples from Tatyshly Udmurt are given in the phonological transcription based on [Baidullina 2003], while in examples cited from other sources the original orthography/transcription is preserved. If the original source's orthography is in Cyrillic, I duplicate it in roman script.

2. Converbs in *-sa*

2.1. Non-temporal meaning

This subsection provides an overview of non-temporal semantics of converbs in *-sa*. There has been some discussion on the meaning of the converbs in *-sa* in existing literature on Standard Udmurt. The main debate concerns the role of temporal and non-temporal aspects. Most scholars include both when describing the meaning/function of this converbial marker, but remain fairly ambiguous. To start with, both [Perevoshchikov 1959: 233] and [GSUJA 1962: 274—275] include some notion of non-temporal semantics in the definition of converbs in *-sa*. For example, they say that the action expressed by the converb in *-sa* either occurs before or together with the main action, and that the two actions *can* be causally related. Winkler [2001: 59] describes it as a converb of manner and temporal relations, with the meanings of consecutiveness and simultaneity. Shutov [2002: 74—78, 87—90] states that converbs in *-sa* are “semantically multi-faceted”, i.e. they denote simultaneity, consecutiveness, condition, cause and manner of action. Moreover, he classifies it as both a causal adverbial and a temporal adverbial (used in “after”-type clauses). However, he does not categorize it as a pure adverbial of simultaneity. Baidullina [2003: 102] defines it as a complementary action that accompanies another action or occurs before another action.

Contrary to the authors just mentioned, Georgieva [2018: 129] postulates that clauses with converbs in *-sa* have a pure temporal meaning, and that the causal interpretation might be an implicature. She supports this with the fact that temporal mismatch between the two clauses is impossible. According to her, example (5) is unacceptable because the [FUT] feature of the finite clause clashes with the [PST] feature of the non-finite clause.

(5) UDMURT (DIALECT UNKNOWN)

*[*Tolon pešanaj dor-j vetlj-sa*] čukaže um vetle.

yesterday grandmother at-ILL go-CVB tomorrow NEG.FUT.1 go[PL]

Intended: ‘Visiting grandma yesterday, we won’t visit her tomorrow.’ [ibid.]

I now turn to the functions of converbs in *-sa* in Tatyshly Udmurt. To start with, the converb in *-sa* is used as a lexical verb in complex verb constructions with an aspectual (6) or directional meaning (7). This use will not be considered further, because such grammaticalised constructions demonstrate a high degree of fusion between the converb and the finite verb and this paper focuses only on the study of verbal adjuncts, i.e. entities with a higher degree of syntactic freedom. For the use of the converb in *-sa* as a part of a complex verb, see [Kashkin 2024] for Tatyshly Udmurt and [GSUJA 1970: 136—138; Kel'makov 1975] for Standard Udmurt.

(6) *pünä ütä-sa lez'-i-z.*
dog bark-CVB let-PST-3SG
'The dog started barking.' [Kashkin 2024: 659]

(7) *uja-sa koškâ-nâ*
swim-CVB leave-INF
'to swim away (lit.: to swimming leave)' [Baidullina 2003: 104]

In addition to these complex verb constructions, converbs in *-sa* can be used in same-subject contexts with the meaning of manner (8). In these cases two verbs describe different aspects of the same situation, with the converb specifying the way the action of the finite verb is carried out [König 1995: 64—66]. Most importantly, the dependent action cannot proceed independently of the main one (e.g. “walk/stumble”, “sleep/snore”).

(8) *uč'kâ-Ø, s'üres vâl-ti pes'ataj č'utâ-sa mân-e.*
look-IMP road up-PROL grandpa limp-CVB go-PRS.3SG
'Look, an old man on the road is limping (lit.: is walking limping).'

Apart from these, its use as an attendant circumstance¹ (9) is equally widespread. In attendant circumstance constructions, two actions proceed together in space and time, but are conceptually independent of each other and can be stopped separately [König 1995: 64—66].

(9) *kâld-is'kâ-Ø, s'üres vâl-ti pes'ataj kârž'a-sa mân-e.*
listen-DETR-IMP road up-PROL grandpa sing-CVB walk-PRS.3SG
'Listen, an old man is walking on the road and singing.'

The action of the converb in *-sa* can precede that of the main verb (10).

(10) *pet'a dor-a-z bertâ-sa s'i-s'k-i-z.*
Petya side-LOC/ILL-POSS.3SG come.home-CVB eat-DETR-PST-3SG
'Petya came home and ate.'

Converbs in *-sa* can furthermore be used in different-subject constructions (with both temporal relations of simultaneity and precedence). This function has a number of restrictions, however. First of all, the two actions need to have a causal relation. We observe that a different-subject sentence where the causation is pragmatically impossible is either judged unacceptable (11a) or receives a pragmatically anomalous interpretation, shown in (12b). Same-subject constructions with no causal relationship are well-formed (11b).

(11) a. **pet'a pukon vâl-ân pukâ-sa maša gitara-jen šâd-i-z.*
Petya chair up-LOC sit-CVB Masha guitar-INS play-PST-3SG
Intended: 'When Petya was sitting in the chair, Masha was playing the guitar.'

b. *pet'a pukon vâl-ân pukâ-sa gitara-jen šâd-i-z.*
Petya chair up-LOC sit-CVB guitar-INS play-PST-3SG
'Petya was sitting in the chair and playing the guitar.'

(12) a. *kart tros uks'o bas'tâ-sa, mon tros dis' bič'ä-s'ko-Ø.*
husband many money take-CVB I many clothes collect-PRS-1SG
'My husband earns a lot of money, and I buy lots of clothes.'

b. *#kart tros uks'o bas'tâ-sa, mon öžät uks'o bas't-is'ko-Ø.*
husband many money take-CVB I little money take-PRS-1SG
Intended: 'My husband earns a lot of money, but I make little money.'
Observed: 'My husband earns a lot of money, and because of that I make little money.'

¹ In section 4 I explain why I claim that same-subject clauses headed by converbs in *-sa* have the meaning of attendant circumstance, and not relative present tense.

The second factor that impacts the acceptability of different-subject sentences is relations of possession (see [Koptjevskaja-Tamm 2003: 621] for the background on possession). The cross-linguistic acceptability of same-subject converbs in different-subject constructions with possessive relations was noted already by Haspelmath [1995: 29—30] and later described in detail, especially for Udmurt, by Bárány and Nikolaeva [2019]. In English as well, [Kortmann 1991: 47—76] describes numerous factors that allow English adverbial clauses without a syntactic subject to have a logical subject different from the subject of the matrix clause. Among those, he notes that possessors give rise to different-subject constructions [*ibid.*: 60]. Tatyshly Udmurt also has complex sentences with a possessor-possessee connection between the subjects. If there is no causal connection and the subjects of the finite and the non-finite clauses are inalienable possessors/possesseees (i.e. the body parts in (13) and kinship relations in (12b)) — the sentence is judged as grammatically correct and interpretable, but pragmatically odd. If neither whole-part nor cause-consequence relations can be established, then the sentence is unacceptable (11a) and native speakers do not give it any interpretation.

- (13) [#]*vas'a t'el'efon-en vera-s'kâ-sa kôt-ez vis'â-nâ bašla-Ø-z.*
 Vasya telephone-INS speak-DETR-CVB stomach-POSS.3SG hurt-INF begin-PST-3SG
 Intended: ‘When speaking on the phone, Vasya’s stomach started to hurt.’
 Observed: ‘Because of speaking on the phone, Vasya’s stomach started to hurt.’

However, inalienable possession is not a requirement for well-formedness: a suitable circumstantial relation suffices: counterfactual causation in (14), causation in (29).

Finally, in most idiolects converbs in *-sa* can denote ‘counterfactual causation’ (14), see [Lewis 1973; Dowty 1979: 99—110]. This is different from regular causation because the dependent action does not cause the main action per se, but if the dependent action did not happen, the main action would not have happened.

- (14) [?]*pet'a kureg-ze vandâ-sa maša so-les' šâd pöz'-t-i-z.*
 Petya chicken-ACC.POSS.3SG cut-CVB Masha that-GEN2 soup stew-CAUS-PST-3SG
 ‘After Petya had slaughtered the chicken, Masha made a soup out of it.’

To sum up, converbs in *-sa* exhibit a wide array of meanings. The most grammaticalised one is as a part of a complex verbal compound. Their freer usages in same-subject contexts include those of manner and mode of action, attendant circumstance and precedence. When used in different-subject constructions, they always yield a causal relation. In its absence, they are judged ungrammatical or pragmatically anomalous, depending on the absence or presence of inalienable possession between the two subjects respectively. To the best of my knowledge, these restrictions on different-subject uses of converbs in *-sa* have not been formulated in the literature on Tatyshly Udmurt yet. However, possessive relations between the subjects, as well as causative/conditional relations between the events, have been observed to license different-subject usages for generally same-subject *-p* converbs in Mishar Tatar [Pazel'skaya et al. 2017: 509—511] and Balkar [Privoznov 2021: 61—63].

2.2. Temporal meaning

In this section I turn to the details of the temporal meaning of the converb in *-sa*. I adopt the classification of actional classes set out in [Tatevosov 2002; 2015]. Tatevosov’s rationale for developing a system different from that of, say, Vendler [1957; 1967], is that the Vendlerian 4-way classification does not account for cross-linguistic variation in actional classes. According to Tatevosov, aspectual meaning is more nuanced than that described by Vendler. Some actional classes are absent in some languages, while the same meaning is expressed by verbs of different classes in different languages. Therefore, to describe and compare aspectual systems cross-linguistically requires a more refined framework.

I chose Tatevosov’s system because it allows for cross-linguistic comparison. Aspectual classification for Tatyshly Udmurt was carried out mainly by Mordashova and Belova [2024]. Under Tatevosov’s approach, each verb is assigned an actional characteristic in the form of a tuple $\langle A; B \rangle$, where *A* is a set of one or more actional interpretations in the preterite and *B* is a set of zero or more actional interpretations in the present. For the purpose of this paper, there are three relevant actional interpretations:

- S — state. A verb form with this interpretation denotes a situation that does not change with time and is true for every point within the interval.
- P — process. This is a situation that remains stable with time, but there exists a minimal interval over which it holds.
- ES — entry into a state. A verb form has this interpretation if it denotes a culmination after which the resulting state takes place.

I have studied verbs of five groups. It is not an exhaustive list, but the classes below comprise 82 % of Tatyshly Udmurt verbs [ibid.: 11]. These are:

- stative verbs <S; S>, e.g. ‘sleep’ — this is the only group that directly corresponds to a class within the Vendlerian system; those are Vendler’s states
- atelic verbs <P; P>, e.g. ‘walk’
- weak telic verbs <ES P; P> e.g. ‘draw (a circle)’ — verbs of this aspectual class have two interpretations in the preterite: process and entry into a state
- strong telic verbs <ES; P> e.g. ‘die’
- punctual verbs <ES; —> e.g. ‘find’ — verbs of this class have no actual-durative interpretation in the present, only the habitual one

The primary diagnostic for determining the actional class of a verb is its interpretation in the present and preterite. For example, in (15) the action is interpreted as both a process and an entry into a state.

- (15) *maša kn'iga lă'ž'-i-z.*
 Masha book read-PST-3SG
 ‘Masha was reading a book.’
 ‘Masha has read a book.’

Compatibility with temporal adverbials serves as an additional diagnostic. Verbs that combine naturally with *for*-type adverbials, which denote duration, are interpreted as stative or processual (16a). In contrast, verbs that are acceptable with *in*-type adverbials, which imply completion within a bounded interval, are taken to express entry into a state (16b).

- (16) a. *ta kn'iga-jez mon kâk sâgât lă'ž'-i-∅.*
 this book-ACC I two hour read-PST-1SG
 ‘I was reading this book for two hours.’
 b. *ta kn'iga-jez mon kâk sâgât-sân lă'ž'-i-∅.*
 this book-ACC I two hour-TMPR read-PST-1SG
 ‘I read this book in two hours.’

The verb *lă'ž'ânâ* ‘read’ in (16) thus has the interpretation of <ES P> in the preterite and belongs to the weak telic class. Contrast this with strong telic verbs like *žad'ânâ* ‘get tired’, which have only one interpretation available in the preterite: it is incompatible with *for*-type adverbials (17a), but acceptable with *in*-type adverbials (17b).

- (17) a. **ol'a kün' sâgât žad'-i-z.*
 Olya three hour get.tired-PST-3SG
 Intended: ‘Olya was getting more and more tired over the course of three hours.’
 b. *ol'a kün' sâgât-sân žad'-i-z.*
 Olya three hour-TMPR get.tired-PST-3SG
 ‘Olya got tired in three hours.’

Returning to the Udmurt converb in *-sa*. For Standard Udmurt, it has been noted before that it can denote simultaneous or consecutive actions. The factors at play here remain unexplored, however, Perevoshchikov [1959: 238] points out that in Standard Udmurt the contemporaneous reading arises with verbs that “denote an incomplete action”, but provides no further details.

There are typological observations that suggest which factors play a role. In a number of languages, a converb can express more than one temporal meaning. In such cases, the temporal meaning may depend on the context, on the lexical and/or categorical semantics of the converb and/or the main verb or on their linear order. In some languages of the Volga-Kama Sprachbund, one form usually encompasses the meanings of simultaneity and precedence (when the dependent action comes before the main action). It has been observed that the choice between the two interpretations depends on actional characteristics of the verbs, see [Pazel'skaya et al. 2017: 500—503] for Mishar Tatar and [Danilova 2023] for Hill Mari.

I drew on the work of Pazel'skaya and Danilova and applied their findings to Tatyshly Udmurt. I investigated the temporal properties of converbs relying on the theory of relative time (*taxis* in the Russian terminological tradition) set out in [Khrakovskii 2009]. In Tatyshly Udmurt, the main factor contributing to the simultaneous/anterior interpretation of converbs in *-sa* is the actional class of the main and the dependent verbs. If the dependent verb belongs to the class of statives or processes, then it is interpreted as contemporaneous to the action of the main verb (18).

- (18) *ferma-jân uža-sa urom-e vil' sapeg bas't-i-z.*
 farm-LOC work-CVB friend-POSS.1SG new boot take-PST-3SG
 ‘When working on the farm, my friend bought a new pair of boots.’

The interpretation of weak telic verbs varies. When used with statives in the main clause, they have a simultaneous interpretation (19).

- (19) *ataj kn'iga lă'ž'â-sa kreslo-ân puk-i-z.*
 father book read-CVB armchair-LOC sit-PST-3SG
 ‘The father was sitting in the chair, reading a book / *having read a book.’

A weak telic verb in the non-finite clause and a processual verb in the finite clause can have simultaneous and/or consecutive interpretation depending on the verb and the speaker (20).

- (20) *šokolad s'iâ-sa maša koč'âš-en šâd-i-z.*
 chocolate eat-CVB Masha cat-INS play-PST-3SG
 ?‘Having eaten a chocolate bar, Masha was playing with the cat.’
 ?‘While eating a chocolate bar, Masha was playing with the cat.’

A combination of a weak telic verb and a weak telic/strong telic/punctual one gives rise to a consecutive reading (21).

- (21) *šâd pöz'-tâ-sa anaj pun'â bas't-i-z.*
 soup stew-CAUS-CVB mother spoon take-PST-3SG
 ‘Having made / *while making the soup, the mother took a spoon.’

Strong telic and punctual verbs in the non-finite clause have the consecutive reading irrespective of the actional class of the main verb, as shown in (22).

- (22) *dis'-se muz-e kuštâ-sa, žad'-em ataj iz'-i-z.*
 clothes-ACC.POSS.3SG ground-ILL throw-CVB get.tired-PTCP.PST father sleep-PST-3SG
 ‘Having thrown his clothes on the floor, the tired father slept.’

To conclude, atelic (stative, processual) dependent verbs have a simultaneous reading, while telic (strong telic, punctual) verbs give rise to the consecutive interpretation. If the dependent verb has both interpretations (i.e. it is a weak telic verb), it can have one or both interpretations depending on the telicity of the main verb. To my knowledge, the dependence of temporal meaning on actional class has not been described for Udmurt (Standard or Tatyshly) before.

2.3. Type of connection to the main clause

I will now turn to a topic that, to my knowledge, has not been explored in Udmurt — how the clauses are linked to each other.

Traditionally, clause linking strategies have been divided into coordination and subordination, which have been viewed as strongly distinct from one another. Haspelmath [1995: 12—17] and Weisser [2015: 7—17] propose five criteria for distinguishing between subordination and coordination: deranking, extraction, clause-internal word order, variable position, backwards pronominal anaphora.

First, subordinate clauses are usually morphologically deranked. Deranking means that the verb form in the subordinate clause lacks certain morphology that is expressed on the finite verb, for example, tense and person-number features [Diessel 2001: 438]. The second criterion is extraction. In a subordinating construction, it is possible to move an element out of the main clause only (or out of the subordinate clause only). The next property of subordinate clauses is their variable position, i.e. the ability of the dependent clause to come before or after the main one preserving the original (temporal, causal or otherwise) meaning. This is called extraposition. Similarly, in a subordinate construction it is possible that the dependent clause is linearly embedded inside the main clause. Finally, backwards pronominal anaphora are felicitous in subordinate constructions, since the pronoun in the subordinate clause is c-commanded by a full NP in the superordinate clause.

Coordinate constructions behave differently. First, verbs in coordinate constructions are morphologically independent from one another: each of the finite verbs bears its own tense and person-number features. Secondly, it is impossible to extract out of one conjunct in a coordinate structure — it is one of the so-called “Island Constraints” (see [Ross 1967: 161, 449]). Next, the meaning of coordinate constructions is sensitive to the linear order of their constituents. For example, the temporal order of events has to match the linear order of ‘and’-

conjoined clauses. In a similar way, conjuncts in a coordinate construction are not part of each other, which means that their forms cannot intersect. Finally, in coordinate constructions a pronoun cannot be bound by a following antecedent, since there is no c-command relationship between them.

However, some clauses demonstrate mixed properties: the so-called “medial clauses” [Longacre 2007: 375, 398—417; Weisser 2015: 15]. Medial clauses are non-final clauses that depend on the final finite clause and participate in narrative discourse. Crucially, the five aforementioned tests, when applied to medial clauses, give different results: medial clauses are deranked and extracted out of just like subordinate clauses, but backwards pronominal anaphora, centre embedding and extraposition are infelicitous.

While Weisser [2015: 72—77] and Haspelmath [1995: 12—17] argue that converbs are consistently subordinate, a number of language-specific studies have shown that some converb clauses exhibit properties characteristic of coordination. For instance, in certain Turkic languages, different-subject clauses headed by the multifunctional *-p* converb display features typical of coordinate constructions (see [Grashchenkov 2015: 40—49] for Kyrgyz and Kazakh; [Ermolaeva 2013: 420—426] for Kyrgyz). In Korean, adverbial clauses formed with *-ko* are analysed as coordinate when expressing simultaneity, but as subordinate when indicating consecutiveness [Rudnitskaya 1997]. Similarly, in Tsakhur (NAKH-DAGHESTANIAN, Russia, Azerbaijan), converb clauses are subordinate in same-subject or causal contexts, but function as coordinate structures in other cases [Kazenin, Testelets 2004].

However, these authors only checked for embedding and/or extraposition. Since Tatyshly Udmurt experiences strong contact influence from the neighboring Turkic languages (mainly, Tatar), it is reasonable to check whether the multifunctional converb in *-sa* of Tatyshly Udmurt exhibits any coordinate properties. Even though the coordinate properties of converb clauses in Turkic languages have been observed for different-subject constructions, I start with same-subject contexts for consistency. Same-subject contemporaneous constructions with converbs in *-sa* behave like a subordinate construction, i.e. the non-finite clause can be placed within the finite one (23). Extraction is also possible: in (24), the relativized constituent *t'el'evizor* ‘TV / TV set’ is extracted out of its base position in the finite clause.

(23) [*mon ta kn'iga-jez [šundâ šor-ân zagorat' karâ-sa] lâʒʒ'-i-∅*].
 I this book-ACC sun middle-LOC sunbathe do-CVB read-PST-1SG
 ‘I read this book while sunbathing.’

(24) *tin'i so t'el'evizor kud-ze mon koč'âš-ez majal'l'a-sa ___ aʒʒ'-i-∅*.
 there that television that-ACC.POSS.3SG I cat-ACC pet-CVB see-PST-1SG
 ‘That is the TV that I watched while petting the cat.’

In addition, same-subject consecutive constructions allow for embedding (25) and relativization (26).

(25) *maša šâd kureg-ze vandâ-sa pöz'-t-i-z*.
 Masha soup chicken-ACC.POSS.3SG cut-CVB stew-CAUS-PST-3SG
 ‘Having slaughtered the chicken, Masha cooked soup.’

(26) *tin'i so šâd kud-ze maša kureg-ze vandâ-sa pöz'-t-i-z*.
 there that soup that-ACC.POSS.3SG Masha chicken-ACC.POSS.3SG cut-CVB stew-CAUS-PST-3SG
 ‘That is the soup that Masha cooked, having slaughtered the chicken.’

Different-subject constructions with converbs in *-sa* vary in their acceptability. First, linearly embedded clauses with subjects that denote time intervals are accepted by native speakers (27), and so are constructions where one element is moved out of its base position (28).

(27) *mi sevok tulâs viâ-sa mertt-i-m*.
 we sevok spring come-CVB sow-PST-1PL
 ‘When spring came, we sowed sevok [a type of onion].’

(28) *mar ti tulâs viâ-sa ___ mertt-i-dâ?*
 what you.PL spring come-CVB sow-PST-2PL
 ‘What did you sow when spring came?’

The question of two subjects denoting discrete entities is more complex. In (29)—(30), when the non-finite clause is placed within the finite one, it lowers the evaluation from acceptable to borderline unacceptable.

(29) [*pet'a tros vù kis'ka-sa] [sugon s'is'm-i-z]*.
 Petya many water pour-CVB onion rot-PST-3SG
 ‘Petya watered too much, and the onion has rotted.’

- (30) [?][*sugon [pet'a tros vü kis'ka-sa] s'is'm-i-z*].
 onion Petya many water pour-CVB rot-PST-3SG
 ‘Petya watered too much, and the onion has rotted.’

In (31)—(32), such linear order turns a marginally acceptable sentence into completely unacceptable.

- (31) [?][*pet'a kureg-ze vandâ-sa [maša so-les' šâd pöz'-t-i-z]*.
 Petya chicken-ACC.POSS.3SG cut-CVB Masha that-GEN2 soup stew-CAUS-PST-3SG
 ‘After Petya had slaughtered the chicken, Masha made a soup from it.’
- (32) * [*maša [pet'a kureg-ze vandâ-sa] so-les' šâd pöz'-t-i-z*].
 Masha Petya chicken-ACC.POSS.3SG cut-CVB that-GEN2 soup stew-CAUS-PST-3SG
 Intended: ‘Masha, after Petya had slaughtered the chicken, made a soup from it.’

Extraction from one of the two clauses via relativization is possible. Such examples are accepted by the majority of my consultants (33).

- (33) [?]*tin'i so šâd kud-ze pet'a kureg-ze vandâ-sa, maša pöz'-t-i-z*.
 there that soup that-ACC.POSS.3SG Petya chicken-ACC.POSS.3SG cut-CVB Masha stew-CAUS-PST-3SG
 ‘That is the soup that Masha made, and before that Petya had slaughtered the chicken.’

The reverse order of the two clauses is accepted by a half of native speakers; the original meaning where the dependent action precedes the main one is preserved (34).

- (34) [?][*maša šâd pöz'-t-i-z, [pet'a kureg-ze vandâ-sa]*.
 Masha soup stew-CAUS-PST-3SG Petya chicken-ACC.POSS.3SG cut-CVB
 ‘Masha made a soup after Petya had slaughtered the chicken.’

Backwards pronominal anaphora are impossible in such contexts, as shown in (35).

- (35) **fizkul'tura-ja dâšet-is' so-je biz'â-lâ-tâ-sa vas'a žad'-i-z*.
 physical.education-ADV teach-PTCP.ACT that-ACC run-ITER-CAUS-CVB Vasya get.tired-PST-3SG
 Intended: ‘Having made him run, the physical education teacher has tired Vasya.’

Overall, same-subject constructions with converbs in *-sa* consistently behave as subordinate clauses. In contrast, different-subject constructions yield mixed results. Clauses headed by a converb with a non-agentive subject (e.g., time intervals) pattern clearly as subordinate. However, when both clauses have agentive subjects, the constructions exhibit properties more typical of coordination. In those cases, center embedding and extraction become only marginally acceptable or entirely ungrammatical, and word-order rigidity increases. These findings suggest that different-subject clauses with converbs in *-sa* occupy a structurally-ambiguous space, and in a noticeable number of native speakers’ linguistic systems, they behave as coordinate rather than subordinate.

These patterns mirror observations from other languages, in particular, Mishar Tatar from a geographically close area [Pazel'skaya 2017: 513—514], where multifunctional converbs blur the line between subordination and coordination. The more semantically independent the non-finite clause is, the more likely it is to exhibit structural independence as well. For example, manner converbs, which are semantically dependent on the main action, are syntactically subordinate. On the contrary, a converb clause with an independent overt agentive subject shows some syntactic independence. In the latter cases, coordinate-like behaviour becomes more prominent.

2.4. Clause-chaining

In some languages, certain verb forms can combine into narrative chains of three or more items, denoting a rapid change of events and moving the discourse forward. The phenomenon of such narrative chains is called *clause-chaining* [Haspelmath 1995: 20—27; Longacre 1985/2007: 374—376; 398—417]. Sometimes, the forms that are used in such chains are converbs, in that case they are called *narrative converbs* [Nedjalkov 1995: 109].

Narrative chains are a feature shared by converbs in several languages within the Volga-Kama Sprachbund, see the Mishar Tatar *-p* converb in [Pazel'skaya et al. 2017: 506—507], Hill Mari *-n* converb in [Danilova 2023]. They are also attested for converbs in *-sa* of Udmurt [Shluinskii 2002: 100—101]. The converb in *-sa* behaves differently in same-subject and different-subject contexts. In the first case, it is possible to form narrative chains and such constructions are found in the corpus (36).

- (36) *so-je dor-e vajâ-sa kâšet ž'alâk iz'a-sa*,
 that-ACC side-ILL bring-CVB headscarf headscarf put.on-CVB

č'alkât dis'e-s'kâ-sa, so žuk-en mi dor-ân noš kur-is'k-is'ko-m.
 clean wear-DETR-CVB that porridge-INS we side-LOC again ask-DETR-PRS-1PL
 ‘We bring it [the porridge] home, we put on a headscarf, we put on clean clothes, and with that porridge, we pray again at home.’ [TUC: ANF-072019_VI_relig-ex]

However, the converb in *-sa* is unacceptable in different-subject narrative chains (37).

- (37) **pet'a kureg-ze vandâ-sa, maša so-les' šâd*
 Petya chicken-ACC.POSS.3SG cut-CVB Masha that-GEN2 soup
pöz'-tâ-sa, s'emja s'i-s'kâ-sa, saša posuda-jez mis'k-i-z.
 stew-CAUS-CVB family eat-DETR-CVB Sasha dishes-ACC wash-PST-3SG
 Intended: ‘Petya slaughtered the chicken, Masha made the soup, the family ate, and Sasha washed the dishes.’

The acceptability of converb chains that indicate a series of simultaneous actions is marginal (38). Their use in these contexts is not attested in the corpus as well.

- (38) ?*pet'a pukon vâl-ân pukâ-sa kn'iga lâ'ž'â-sa rad'io kâld-is'k-i-z.*
 Petya chair up-LOC sit-CVB book read-CVB radio listen-DETR-PST-3SG
 ‘Petya was sitting in the chair, reading a book and listening to the radio.’

Overall, converbs in *-sa* in same-subject contexts can be used in narrative chains denoting a succession of actions.

To sum up the discussion on converbs ending in *-sa*, it is a polyfunctional converb used in constructions with aspectual and directional semantics, mode and manner of action, attendant circumstance, precedence. It is a varying-subject converb, but different-subject constructions are licit only when a causal relation can be inferred between the events, in which case it largely exhibits coordinating properties. On the contrary, the same-subject converb is consistently subordinate. The same-subject converb in *-sa* can be used in narrative chains, while the different-subject one cannot.

3. Converb in *-kâ*

3.1. Temporal meaning

Unlike converb in *-sa*, the meaning of converbs in *-kâ* (Standard Udmurt *-ku*, in cyrillic orthography *-кy*) is much less controversial: works on both Standard and Tatyshly Udmurt describe it as a temporal converb of simultaneity [Perevoshchikov 1959: 274; GSUJA 1962: 283; Winkler 2001: 60; Shutov 2002: 43—49; Baidullina 2003: 102; Georgieva 2018: 90]. Given that converbs in *-kâ* function exclusively as markers of simultaneity, they do not require a separate discussion of semantic variation; I discuss its temporal semantic properties here.

In Tatyshly Udmurt, converbs ending in *-kâ* can freely occur in same-subject (39) and different-subject (40) contexts.

- (39) *azbar-ân pukâ-kâ, mon kn'iga lâ'ž'-i-Ø.*
 yard-LOC sit-CVB.SIM I book read-PST-1SG
 ‘While I was sitting in the yard, I was reading a book.’
- (40) *pet'a gitara-jen šâdâ-kâ maša ekt-e.*
 Petya guitar-INS play-CVB.SIM Masha dance-PRS.3SG
 ‘While Petya is playing the guitar, Masha is dancing’.

The temporal meaning of converbs in *-kâ* depends on the telicity of the verbs. Dependent predicates with atelic interpretations (stative, processual, weak telic) always have simultaneous reading (41).²

- (41) #*n'ân' bas'tâ-kâ-z, pi-je šâd s'i-i-z.*
 bread take-CVB.SIM-POSS.3SG son-POSS.1SG soup eat-PST-3SG
 Intended: ‘After my son has bought some bread, he ate soup.’
 Observed: ‘While my son was buying bread, he ate soup.’

² The converb in *-kâ* allows for optional attachment of agreement markers with its subject. For more on agreement markers, see [Kuznetsova 2022] in Tatyshly Udmurt and [Edygarova 2010: 86—87, 97, 146—152; Georgieva 2017] in other varieties.

Strictly telic verbs (strong telic, punctual), when combined with the main verbs of the same classes, are reinterpreted as an immediate sequence of events, shown in (42a). Example (42b) shows the same but with explicit temporal distance between two events, which is unacceptable. This reinterpretation, to the best of my knowledge, has not been mentioned in the literature on Standard Udmurt.

- (42) a. *pes'aj-ez-les'*   *uks'o-ze*   *bas'tâ-kâ-z,*   *vnuk*   *râ'mät šü-i-z.*
 grandma-POSS.3SG-GEN2 money-ACC.POSS.3SG take-CVB.SIM-POSS.3SG grandson thanks say-PST-3SG
 'When the grandson took the money from the grandma, he said thank you.'
 b. **pes'aj-ez-les'*   *tolon*   *uks'o-ze*
 grandma-POSS.3SG-GEN2 yesterday money-ACC.POSS.3SG
bas'tâ-kâ-z,   *vnuk*   *tünne râ'mät šü-i-z.*
 take-CVB.SIM-POSS.3SG grandson today thanks say-PST-3SG
 Intended: 'Yesterday the grandson took the money from the grandma, and after that he said thank you today.'

The combination of a strictly telic dependent predicate and a strictly atelic main predicate is unacceptable (43). Again, as far as I am aware this restriction has not been formulated elsewhere for the converb in *-kâ*.

- (43) **küz'kuk-ez*   *č'apkâ-kâ,*   *kóräš*   *mis'-t-is'k-i-z.*
 mosquito-ACC squish-CVB.SIM neighbor wash-CAUS-DETR-PST-3SG
 Intended: 'When the neighbor squished a mosquito, she was washing clothes.'

3.2. Type of connection to the main clause

In both same-subject (44) and different-subject (45) contexts, it is possible to linearly place the dependent clause inside the main one.

- (44) [*mon ta kn'iga-jez [šundâ šor-ân zagorat' karâ-kâ] lâ'ž'-i-∅*].
 I this book-ACC sun middle-LOC sunbathe do-CVB.SIM read-PST-1SG
 'I read this book while sunbathing.'
 (45) [*maša [pet'a pukon vâl-ân pukâ-kâ] gitara-jen šâd-i-z*].
 Masha Petya chair up-LOC sit-CVB.SIM guitar-INS play-PST-3SG
 'When Petya was sitting in a chair, Masha was singing.'

Relativization is also allowed in both cases (46)–(47).

- (46) *tin'i so t'el'evizor kud-ze mon koč'âš-ez majal'l'a-kâ*   *a'ž'-i-∅*.
 there that television that-ACC.POSS.3SG I cat-ACC pet-CVB.SIM see-PST-1SG
 'That is the TV that I watched while petting the cat.'
 (47) *tin'i so t'el'evizor kud-ze pes'ataj koč'âš-ez majal'l'a-kâ mon*   *a'ž'-i-∅*.
 there that television that-ACC.POSS.3SG grandpa cat-ACC pet-CVB.SIM I see-PST-1SG
 'That is the TV that I watched while grandpa was petting the cat.'

To conclude, clauses headed by converbs in *-kâ* are clearly subordinate according to the two diagnostics which were used. Since they do not contradict each other and produce the same result, I did not perform the remaining three tests. As far as I am aware, these diagnostics have not been performed on Udmurt converbs before.

4. On the difference between relative present tense and attendant circumstance

From what we know about the semantics of the converbs in *-sa* and in *-kâ*, their meanings intersect. They can both denote events that happen at the same time as the main action. Therefore, the contexts in which they can be used also overlap: those are same-subject constructions of temporal simultaneity, also known as relative present tense (48).

- (48) *šundâ šor-ân zagorat' karâ-sa / karâ-kâ mon ta kn'iga-jez lâ'ž'-i-∅*.
 sun middle-LOC sunbathe do-CVB do-CVB.SIM I this book-ACC read-PST-1SG
 'I read this book while sunbathing.'

This raises the following question: when both converbs are allowed, do the utterances have the same meaning? And, in general, do the two converbs share the meaning of simultaneity? In principle, there are two possible per-

spectives when two events happen at the same time. The first one is the temporal one, which is only concerned with the temporal localization of the syntactically dependent situation with respect to the syntactically independent event. The second perspective concerns various circumstantial relations, such as manner or cause. From this point of view, a construction with two events in spatial-temporal unity contains a converb of attendant circumstance. Attendant circumstance is understood as a semantic relation where the dependent clause describes an additional action that takes place alongside the main event [König 1995: 66].

At first glance, the two approaches describe the same thing in different words. However, I propose that it is possible to differentiate the functions of converbs in *-sa* and in *-kâ*, and, therefore, between converbs of attendant circumstance and of relative present tense.

Murav'ev [2017: 71—86, 88—95] proposes a distinction between two types of temporal relations that denote simultaneous events. The first one is *temporalis*, and the situation expressed by a non-finite clause has a background role in discourse (49). It conveys given information and sets a time reference point for the new situation expressed by the finite clause. The second type of relative present tense is called *cooccursive*, and it is identical to attendant circumstance. Its key difference from the previous type is that the dependent situation plays a descriptive role in discourse (50). It does not localize the main event, but instead, it introduces a new situation that additionally characterizes the current state of affairs.

(49) *While living there, she met her future husband.*

(50) *She ran out crying.*

My data match these typological observations. Converbs in *-kâ* are possible when denoting an event that is suitable for being a point of reference: in (51a), the temporal localization of the situation of being at school is conventionally well-established and performs as a backdrop for the repetitive actions of getting bad grades (“2” in the Russian grade scale) and fighting. Converbs in *-sa*, on the other hand, cannot fulfill that function. When discussing (51b), native speakers try to infer a causal relationship between the two situations, which fails because schools are not built with the purpose of students fighting in them.

- (51) a. *pet'a škola-jân ukâ-kâ-z kâk bič'a-s' no žug-is'k-is' val.*
 Petya school-LOC study-CVB.SIM-POSS.3SG two gather-PTCP.ACT ADD hit-DETR-PTCP.ACT be.PST
 ‘When Petya was at school, he used to get bad grades and fight.’
 b. **pet'a škola-jân ukâ-sa kâk bič'a-s' no žug-is'k-is' val.*
 Petya school-LOC study-CVB two gather-PTCP.ACT ADD hit-DETR-PTCP.ACT be.PST
 Intended: ‘When Petya was at school, he used to get bad grades and fight.’

Furthermore, examples similar to (51b) which do not contradict the (counterfactual) causal interpretation are acceptable (52).

- (52) *pet'a škola-jân ukâ-sa danak kn'iga lăž-i-z.*
 Petya school-LOC study-CVB many book read-PST-3SG
 ‘When Petya was at school, he read many books.’

We have just seen that converbs in *-kâ* can perform a background role in discourse, while converbs in *-sa* cannot. I will now show that converbs in *-kâ* cannot play a descriptive role in discourse, while converbs in *-sa* can. In (53a), the converb in *-sa* functions as a manner adverb, which means it characterizes how the main action is executed and therefore has a descriptive role in discourse. In (53b), on the other hand, it does not have a backgrounding function.

- (53) a. *tolon pet'a sârongâtâ-sa iz'-i-z.*
 yesterday Petya snore-CVB sleep-PST-3SG
 ‘Yesterday Petya snored.’
 b. *??tolon pet'a iz'â-sa sârongât-i-z.*
 yesterday Petya sleep-CVB snore-PST-3SG
 ‘Yesterday Petya snored.’

Similarly, converbs in *-kâ* cannot fulfill the role of a manner adverbial (54a), i.e. it cannot perform a descriptive role in discourse. Instead, it functions as a backdrop for the situation of the main clause (54b).

- (54) a. **tolon pet'a sârongâtâ-kâ-z iz'-i-z.*
 yesterday Petya snore-CVB.SIM-POSS.3SG sleep-PST-3SG
 Intended: ‘Yesterday Petya snored.’

- b. *tolon pet'a iz'â-kâ-z sârongât-i-z.*
 yesterday Petya sleep-CVB.SIM-POSS.3SG snore-PST-3SG
 'Yesterday Petya snored while sleeping.'

The one point where my data differs from Murav'ev's observations is the presuppositional/assertional status of the dependent clause. According to his predictions, attendant circumstance falls within the scope of negation of the main clause, while relative present tense with a background role in discourse escapes it. As can be seen from (55) and (56), both types do not fall within the scope of negation located in the main clause, therefore they are both in presupposition.

- (55) *pet'a pukon vâl-ân sâlâ-sa kârž'a-n ôz kârž'a.*
 Petya chair up-LOC stand-CVB sing-VN NEG.PST.3 sing
 'Petya stood on the chair and didn't sing.'
 *'Petya didn't stand on the chair and didn't sing.'

- (56) *maša turân turna-kâ ôz kârž'a.*
 Masha grass mow-CVB.SIM NEG.PST.3 sing
 'Masha didn't sing while mowing the grass.'
 *'Masha didn't mow the grass and didn't sing.'

On the other hand, converbs in *-sa* with a manner meaning are part of the assertion, as shown in (57). This suggests that the observed differences in presuppositional/assertional status of converb clauses are due to other factors, and do not pertain to the figure/ground distinction per se.

- (57) *pes'ataj-mâ ě'utâ-sa ug mânâ.*
 grandpa-POSS.1PL limp-CVB NEG.PRS.3 go
 'Our grandpa doesn't stumble when he walks.'

To sum up, I argue that converbs in *-sa* and in *-kâ* represent two different meanings. First, the action expressed by the converb in *-kâ* is the reference point for the action of the finite clause. Therefore, most often such forms are used in contexts where the event of the dependent clause is a situation whose temporal localization has a conventional framework or is known to the interlocutors. Such an event is the background for the event of the main clause, which is the figure in Talmy's [1972:11] notions of 'figure' and 'ground'. Therefore, the converb in *-kâ* is a temporal converb of simultaneity that denotes a reference point for another event.

As for the meaning of attendant circumstance, the action expressed by the finite clause is the reference point for the action of the non-finite clause. The dependent action cannot set a reference point for the main action, therefore its use in prototypically background contexts is not allowed. Essentially, the non-finite clause is the figure and the finite one is the ground. This corresponds to the converb in *-sa*, which denotes an action complementary to the action of the finite clause.

The distinction between ground-denoting and figure-denoting converb clauses has rarely been dealt with in the existing literature. Apart from Murav'ev's work, I am unaware of typological papers that tackle it; and even from his work, it is not clear how to distinguish between the two meanings. I suggest that the tests that I applied in this section (i.e. functioning as manner adverbs and in contexts with an established timeframe) can be helpful in determining the meaning of a converb in cross-linguistic studies.

5. Converbs in *-tek*

5.1. Non-temporal meaning

The converb in *-tek* expresses the absence of the dependent action and indicates that the main situation takes place at a time when the dependent one does not. It is often called the negative counterpart of the converb in *-sa* (see [Perevoshchikov 1959: 253—272] for the corresponding converb in *-tek* (cyrillic script *-тэк*) of Standard Udmurt).

Just like converbs in *-sa*, converbs in *-tek* form part of a complex verb construction (58). Since this use is highly grammaticalised and does not constitute free adverbs, I will not consider it further.

- (58) STANDARD UDMURT
Пустыня-ын гужем дыръя толэз-ен толэз-ен зоры-тэк ул-э.
pustj'n'a-jn guž'em dirja tolez'-en tolez'-en zori-tek ul-e
 desert-LOC summer during month-INS month-INS rain-CVB.NEG live-PRS.3SG
 'In desert during summer it doesn't rain for months (lit.: not raining lives).' [Perevoshchikov 1959: 258]

The converb under discussion can function as a manner adverbial (59a), but it cannot set a reference point for another action (59b). In fact, (59b) is a grammatical sentence that expresses a pragmatically odd situation of Petya being awake and snoring, while, as pointed out by my consultants, people only snore when they sleep.

- (59) a. *tolon pet'a s̄rongâtâ-tek iz'-i-z.*
 yesterday Petya snore-CVB.NEG sleep-PST-3SG
 'Yesterday Petya didn't snore.'
 b. **tolon pet'a iz'â-tek s̄rongât-i-z.*
 yesterday Petya sleep-CVB.NEG snore-PST-3SG
 Intended: 'Yesterday Petya snored when awake.'

Converbs in *-tek* also appear in contexts of attendant circumstance:

- (60) *maša pukon vâl-ân pukâ-tek gitara-jen šâd-i-z.*
 Masha chair up-LOC sit-CVB.NEG guitar-INS play-PST-3SG
 'Not sitting in the chair, Masha played the guitar.'

Their use in different-subject contexts is permissible, but limited by a set of rules akin to those for converbs in *-sa*. First of all, the event of the non-finite clause might be the cause (61) or a necessary condition (62) for the event of the finite clause.

- (61) *pet'a vü kis'ka-tek kijar-jos kuas'm-i-zâ.*
 Petya water pour-CVB.NEG cucumber-PL dry.out-PST-3PL
 'Petya didn't water the cucumbers and they have dried out.'
 (62) *pet'a kureg-ez vandâ-tek, maša šâd ôz pöz'-tâ.*
 Petya chicken-ACC cut-CVB.NEG Masha soup NEG.PST.3 stew-CAUS
 'Not until Petya slaughtered the chicken, Masha made the soup.'

Alternatively, the different-subject converb in *-tek* is possible in contexts which allow for a concessive reading for the majority of native speakers (63).

- (63) [?]*pet'a gitara-jen šâdâ-tek maša ekt-e.*
 Petya guitar-INS play-CVB.NEG Masha dance-PRS.3SG
 'Even though Petya isn't playing the guitar, Masha is dancing.'

Utterances where it is impossible to establish either relationship are usually judged as unacceptable (64).

- (64) ^{??}*pet'a pukon vâl-ân pukâ-tek, maša gitara-jen šâd-i-z.*
 Petya chair up-LOC sit-CVB.NEG Masha guitar-INS play-PST-3SG
 Intended: 'While Petya wasn't sitting in a chair, Masha played the guitar.'

5.2. Temporal meaning

Existing descriptions of Standard Udmurt report both simultaneous and consecutive interpretations of sentences containing converbs in *-tek* [Perevoshchikov 1959: 254—256, 262; Shutov 2002: 89, 100—101]. However, these studies do not specify the factors that determine their semantic interpretation.

The temporal meaning of constructions with converbs in *-tek* follows a pattern similar to that of converbs in *-sa*. Namely, atelic dependent verbs denote events that are simultaneous to those in the main clause (65).

- (65) *uža-tek mon lumbât t'el'evizor az'-ân puk-i-∅.*
 work-CVB.NEG I all.day television front-LOC sit-PST-1SG
 'I sat in front of the TV all day, not working [although there was work].'

For weak telic verbs, the telicity of the main verb is important. With atelic main verbs, they denote simultaneous events (66). With telic main verbs, they give rise to the consecutive reading (67).

- (66) *mon ki-jos-me šona-tek kepâra-sa gine ekt-i-∅.*
 I arm-PL-ACC.POSS.1SG wave-CVB.NEG be.shy-CVB only dance-PST-1SG
 'I was dancing modestly without waving my arms.'
 (67) *vil' šâd pöz'-tâ-tek mon tollo šâd-ez s'i-i-∅.*
 new soup stew-CAUS-CVB.NEG I yesterday's soup-ACC eat-PST-1SG
 'Without making a new soup, I ate yesterday's.'

Strictly telic dependent verbs have a simultaneous interpretation in combination with stative verbs (68). With main verbs of other actional classes (namely, an atelic process in (69) and a weak telic verb in (70)) strict telic dependent verbs are interpreted consecutively.

- (68) *lumbât prilavok šor-ân žad'â-tek sâl-i-∅.*
all.day counter middle-LOC get.tired-CVB.NEG stand-PST-1SG
'I've been standing behind the counter tirelessly all day.'
- (69) *mon uŝ-is' koškâ-tek ujbât uža-j-∅.*
I work-EL leave-CVB.NEG all.night work-PST-1SG
'I didn't leave work and worked all night.'
- (70) *kofta-jez bas'tâ-tek, mon užanti-ja-m kânm-i-∅.*
jacket-ACC take-CVB.NEG I workplace-LOC/ILL-POSS.1SG freeze-PST-1SG
'Without taking a jacket with me, I was freezing at work.'

5.3. Type of connection to the main clause

The same-subject clauses with converbs in *-tek* pass the subordination tests. They can be placed within the main clause (71) and extraction out of one of the two clauses is possible (72).

- (71) [*pes'ataj prazdn'ik [vina ž'üä-tek] or'č'â-t-i-z*].
grandpa holiday alcohol drink-CVB.NEG pass-CAUS-PST-3SG
'The grandpa spent the holiday not drinking.'
- (72) *tin'i so t'el'evizor kud-ze mon koč'âš-ez majal'l'a-tek a'ž'i-∅.*
there that television that-ACC.POSS.3SG I cat-ACC pet-CVB.NEG see-PST-1SG
'That is the TV that I watched while not petting the cat.'

Different-subject converbs in *-tek* are also clearly subordinate (73)—(75), although some utterances, just like with converbs in *-sa*, are not universally accepted by native speakers (74).

- (73) [*kijar-jos [pet'a vü kis'ka-tek] kuas'm-i-zâ*].
cucumber-PL Petya water pour-CVB.NEG dry.out-PST-3PL
'Petya didn't water the cucumbers and they have dried out.'
- (74) ?*[maša, [pet'a kureg-ez vandâ-tek], šâd ôz pöz'-tâ*].
Masha Petya chicken-ACC cut-CVB.NEG soup NEG.PST.3 stew-CAUS
'Not until Petya slaughtered the chicken, Masha made the soup.'
- (75) *tan'i ta kijar-jos kud-iz-ke pet'a vü kis'ka-tek kuas'm-i-zâ.*
there this cucumber-PL that-POSS.3SG-INDEF Petya water pour-CVB.NEG dry.out-PST-3PL
'These are the cucumbers that Petya didn't water, and they dried out.'

To sum up, the converb in *-tek* is a multifunctional converb of negation, i.e. it denotes the absence of the dependent action. It is used in contexts of manner and mode of action, attendant circumstance, cause and concession. Clauses headed by converbs in *-tek* are subordinate. Different-subject clauses must bear special semantic relationship to the main clause, while same-subject clauses have no such restrictions. The temporal meaning of converbs in *-tek* depends on telicity of the finite and the non-finite verbs. A substantial proportion of its properties has not been described in Udmurt before: temporal meaning, restrictions on different-subject uses, subordination.

6. Converbs in *-č'č'ož*

6.1. Temporal meaning

Converbs in *-č'č'ož* denote temporal relations of “while, until” type, which matches the converb in *-mozь* of Standard Udmurt described in [Georgieva 2018: 91—92]. Their precise temporal meaning depends on the aspect: the imperfective dependent situation marks the end of the main situation with its end (the “while” type)³ (76), and the perfective dependent situation restricts the independent situation with the achievement of the end state (the “until” type) (77). This temporal meaning is called *contemporaneous adlimitive* in [Murav'ev 2017: 140—154].

³ Similarly to converbs in *-kâ*, converbs in *-č'č'ož* can optionally bear agreement markers with their own subject, cf. [Kuznetsova 2022] for Tatyshly Udmurt and [Edygarova 2010: 86—87, 97, 146—152; Georgieva 2017] for other varieties.

- (76) *pet'a s'üres vâl-ti mân-ič'č'ož-az, kârž'a-n kârž'a-Ø-z.*
 Petya road up-PROL walk-CVB.LIM-POSS.3SG sing-VN sing-PST-3SG
 'While Petya was walking by the road, he sang.'
- (77) *pet'a bertâ-sa vü-ič'č'ož-az, kârž'a-n kârž'a-Ø-z.*
 Petya come.home-CVB come-CVB.LIM-POSS.3SG sing-VN sing-PST-3SG
 'Until Petya came home, he sang.'

Note that dependent verbs which have both telic and atelic meanings (weak telic, <ES, P; P> type under Tatevosov's classification) express the "while"-type interpretation (78).

- (78) *vuž-ze kn'iga-jez lâž'ž-ič'č'ož, mon bibl'iot'eka-is' bas't-i-Ø vil'-ze.*
 old-ACC.POSS3SG book-ACC read-CVB.LIM I library-EL take-PST-1SG new-ACC.POSS3SG
 'While I was reading the old book [i.e. without finishing it], I took a new one from the library.'

As one can see from (76)—(78), converbs in *-č'č'ož* can be used in same-subject contexts. Their use is equally allowed in different-subject constructions (79) and is not restricted by any additional semantic factors, just like converbs in *-kâ*, but unlike converbs in *-sa* and *-tek*.

- (79) *mon bertâ-sa vü-ič'č'ož nâłpi-jos t'el'evizor uč'k-i-zâ.*
 I come.home-CVB come-CVB.LIM child-PL television watch-PST-3PL
 'Until I came home, the children were watching TV.'

6.2. Type of connection to the main clause

Both same-subject and different-subject clauses with converbs in *-č'č'ož* can appear inside the main clause (80)—(81).

- (80) [*mon alma gâne [zarplat bas't-ič'č'ož] s'i-i-Ø*].
 I potato only salary take-CVB.LIM eat-PST-1SG
 'I only ate potatoes until I got my paycheck.'
- (81) [*nâłpi-jos [mon bertâ-sa vü-ič'č'ož] t'el'evizor uč'k-i-zâ*].
 child-PL I come.home-CVB come-CVB.LIM television watch-PST-3PL
 'Until I came home, the children were watching TV.'

It is possible to extract an argument from one clause only (82)—(83).

- (82) *tin'i so t'el'evizor kud-ze mon koč'âš-ez majal'l'a-č'č'ož až'i-i-Ø.*
 there that television that-ACC.POSS.3SG I cat-ACC pet-CVB.LIM see-PST-1SG
 'That is the TV that I watched while petting the cat.'
- (83) *tin'i so t'el'evizor kud-ze pes'ataj koč'âš-ez majal'l'a-č'č'ož mon až'i-i-Ø.*
 there that television that-ACC.POSS.3SG grandpa cat-ACC pet-CVB.LIM I see-PST-1SG
 'That is the TV that I watched while the grandpa was petting the cat.'

Both tests suggest that clauses headed by converbs in *-č'č'ož* are subordinate, a property that previous descriptions of Udmurt have not explicitly noted.

7. Conclusion

In this article I provided a comprehensive overview of converbs in Tatyshly Udmurt, shedding light on several previously unexplored aspects of their syntactic and semantic properties.

First, I addressed the coordination vs. subordination question, which has not been dealt with before for Udmurt: the converb clauses have been assumed to be subordinate, which turned out to not necessarily be the case for converbs in *-sa*. Concerning the temporal meaning of converbs in *-sa* and in *-tek*, I have demonstrated its dependence on actional characteristics, which has only been hinted at in the previous research. Furthermore, the temporal reinterpretation of converbs in *-kâ* constitutes novel information. Finally, the semantic restrictions under which different-subject constructions with converbs in *-sa* and in *-tek* are licit were not formulated previously.

A typological takeaway of this study is the distinction between ground-denoting (pure relative present tense) and figure-denoting (attendant circumstance) converbs. Figure-denoting converbs give additional descriptive context, while ground-denoting ones provide a time reference for events described by the main verb. In Tatyshly

Udmurt, two distinct verb forms are used in these contexts: the first function is covered by the converb in *-sa*, while the second meaning is expressed by the converb in *-kâ*. In other languages, the distribution may be different.

Comparison with Standard Udmurt is somewhat limited because existing descriptions leave some properties of converb constructions unspecified. Where comparable information is available, it aligns with the Tatyshly Udmurt patterns reported here. Most importantly, Standard Udmurt converbs have the same semantic functions as observed in Tatyshly Udmurt, and the temporal interpretation of converbs in *-kâ* and *-č'č'ož* matches.

The table below sums up the individual properties of converbs in Tatyshly Udmurt.

converbs in	<i>-sa</i>	<i>-kâ</i>	<i>-tek</i>	<i>-č'č'ož</i>
meaning	manner, attendant circumstance, consecutiveness	simultaneity	manner, attendant circumstance, consecutiveness	“while” and “until”-type temporal meaning
restrictions on different-subject usages	possession, cause	no	possession, cause, condition	no
connection type	same-subject: subordination different-subject: mixed	subordination	subordination	subordination
figure/ground	figure	ground	no data	no data
temporal meaning:				
atelic verbs	simultaneous	simultaneous	simultaneous	“while”-type
weak telic verbs	variable	simultaneous	variable	“while”-type
telic verbs	consecutive	immediately consecutive	consecutive	“until”-type

Converbs in *-sa* are multifunctional and can be used in complex verb constructions, as an adverbial of manner and attendant circumstance, and in contexts of temporal anteriority. This converb serves a descriptive role in discourse, i.e. it does not provide a time reference for the main event, but rather relies on it for its temporal localization. Same-subject converbs in *-sa* bear no special semantic relation to the independent situation, while the acceptability of different-subject contexts is restricted semantically (simple and counterfactual causation). Another difference between the two is subordination: while same-subject clauses are definitely subordinate, different-subject clauses show mainly coordinating properties. On the same note, same-subject converbs are used in clause-chaining, but different-subject ones are not. The temporal meaning of the converb in *-sa* is underspecified and depends on the actional classes of the non-finite and finite verbs, with atelic verbs generally giving rise to the simultaneous interpretation, and telic verbs mostly producing the consecutive reading.

Converbs in *-tek* denote the absence of the dependent action, express manner and mode of action, attendant circumstance, temporal anteriority, cause, and concession. Just like converbs in *-sa*, they are acceptable in different-subject contexts only if certain semantic requirements, such as cause, condition or concession, are fulfilled. However, in both of their uses, these clauses behave like subordinate. Converbs in *-tek* are temporally underspecified, and the choice between simultaneity and precedence is determined by the actional classes of the two verbs, similar to converbs in *-sa*.

Converbs in *-kâ* are temporal converbs of simultaneity. However, a pair of strictly telic verbs is reinterpreted as an immediate succession of events, and a strictly telic converb cannot combine with a strictly atelic main verb. Unlike converbs in *-sa* and *-tek*, converbs in *-kâ* operate as a background in discourse, in relation to which the event of the finite clause is established. The converb in *-kâ* can be freely used in same-subject and different-subject contexts without any observable difference in semantics between the two groups. It is also consistently subordinate.

Converbs in *-č'č'ož* are temporal converbs expressing the meanings of “while” (for imperfective verb stems) and “until” (for perfective ones). Their similar use in same-subject and different-subject contexts matches the fact that both demonstrate subordinate properties.

Abbreviations

1, 2, 3 — 1, 2, 3 person
ACC — accusative
ACT — active (participle)
CAUS — causative
CVB — converb in *-sa*

CVB.LIM — converb in *-č'č'ož*
CVB.NEG — converb in *-tek*
CVB.SIM — converb in *-kâ*
DAT — dative
DETR — ditransitive

EL — elative	NEG — negation
EMPH — emphatic particle	PL — plural number
ENIM — enimitive (uncontroversial information)	POSS — possessive
GEN2 — second genitive (ablative)	PROL — prolative
ILL — illative	PRS — present tense
IMP — imperative	PST — past tense
INDEF — indefinite	PTCL — particle
INF — infinitive	PTCP — participle
INS — instrumental	SG — singular number
LOC — locative	TMPR — temporalis
NMLZ — nominalization	VN — deverbal noun

References

- Baidullina 2003 — *A. Baidullina*. Tatyshlinskii govor udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya. Magisterskaya dissertatsiya. Tartu: Universitet Tartu, 2003. {*A. Baidullina*. The Tatyshly dialect of the Udmurt language: phonetics and morphology. Master's thesis. Tartu: University of Tartu, 2003.}
- Bárány, Nikolaeva 2019 — *A. Bárány, I. Nikolaeva*. Possessors in switch-reference. In: *Glossa: a journal of general linguistics*. 2019, 4 (1). P. 81.
- Comrie 1985 — *B. Comrie*. Relative tense. In: *Tense*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 56—82.
- Coupe 2006 — *A. R. Coupe*. Converbs. In: *Encyclopedia of Language & Linguistics*. Elsevier, 2006. P. 145—152.
- Danilova 2023 — *A. A. Danilova*. Obstoimatel'stvennye konstruksii s deeprichastiyami na *-n*. In: *E. V. Kashkin* (otv. red.). *M. Eh. A. Vinkler, T. I. Davidyuk, V. V. D'yachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova*. Ehlementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Moskva: Buki Vedi, 2023. {*A. A. Danilova*. Adverbial constructions with converbs in *-n*. In: *E. V. Kashkin* (ed.-in-chief), *M. E. A. Vinkler, T. I. Davidyuk, V. V. D'yachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova*. Elements of the Hill Mari language in a typological perspective. Moscow: Buki Vedi, 2023.}
- Diessel 2001 — *H. Diessel*. The Ordering Distribution of Main and Adverbial Clauses: A Typological Study. In: *Language*. 2001, 77 (3). P. 433—455.
- Dowty 1979 — *D. Dowty*. *Word Meaning and Montague Grammar*. Dordrecht, Holland: D. Reidel Publishing Company, 1979.
- Edygarova 2010 — *S. Edygarova*. Kategoriya possessivnosti v udmurtskom yazyke. Doktorskaya dissertatsiya. Tartu: Universitet Tartu, 2010. {*S. Edygarova*. The category of possessivity in the Udmurt language. Doctoral dissertation. Tartu: University of Tartu, 2010.}
- Edygarova 2022 — *S. Edygarova*. Chapter 27. Udmurt. In: *M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik* (eds.). *The Oxford Guide to the Uralic languages*. Oxford: Oxford University Press, 2022.
- Ermolaeva 2013 — *M. B. Ermolaeva*. Podlezhashchee v raznosub"ektnykh konstruksiyakh s deeprichastiem na *-p* v kirgizskom yazyke i misharskom dialekte tatarskogo yazyka. In: *Materialy Desyatoi konferentsii po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei*. 2013, XII (2). S. 417—427. {*M. B. Ermolaeva*. The subject in different-subject constructions with the converb in *-p* in Kyrgyz and the Mishar dialect of Tatar. In: *Proceedings of the Tenth conference on typology and grammar for young scholars*. 2013, XII (2). P. 417—427.}
- Georgieva 2017 — *E. Georgieva*. Person agreement on converbs in Udmurt. In: *F. Kiefer, J. Blevins, H. Bartos* (eds.). *Perspectives on Morphological Organization: Data and Analyses*. Leiden: Brill, 2017. P. 86—122.
- Georgieva 2018 — *E. Georgieva*. Non-finite adverbial clauses in Udmurt. Doctoral dissertation. Szeged: University of Szeged, 2018.
- Grashchenkov 2015 — *P. V. Grashchenkov*. Tyurkskie konverby i serializatsiya: sintaksis, semantika, grammatikalizatsiya. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. {*P. V. Grashchenkov*. Turkic converbs and serialization: syntax, semantics, grammaticalization. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015.}
- GSUJA 1962 — *P. N. Perevoshchikov* (otv. red.). *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Fonetika i morfologiya*. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. {*P. N. Perevoshchikov* (ed.). *Grammar of the modern Udmurt language. Phonetics and morphology*. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962.}
- GSUJA 1970 — *V. I. Alatyrev* (otv. red.). *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Sintaksis prostogo predlozheniya*. Izhevsk: Udmurtiya, 1970. {*V. I. Alatyrev* (ed.). *Grammar of the modern Udmurt language. Syntax of the simple sentence*. Izhevsk: Udmurtiya, 1970.}
- Haspelmath 1995 — *M. Haspelmath*. The converb as a cross-linguistically valid category. In: *M. Haspelmath, E. König* (eds.). *Converbs in cross-linguistic perspective*. Berlin, NY: Mouton de Gruyter, 1995. P. 1—55.

- Kashkin 2024 — *E. V. Kashkin*. Slozhnye glagol'nye komplekxy i skalyarnaya modifikatsiya (na materiale tatyshlinskogo govora udmurtskogo yazyka). In: *Vestnik ugrovedeniya*. 2024. T. 14, № 4 (59). S. 657—669. {E. V. Kashkin. Complex verbal constructions and scalar modification (based on the Tatyshly dialect of Udmurt). In: *Bulletin of Ugric studies*. 2024. Vol. 14, no. 4 (59). P. 657—669.}
- Kazenin, Testeleets 2004 — *K. I. Kazenin, Y. G. Testeleets*. Where coordination meets subordination: Converb constructions in Tsakhur (Daghestanian). In: *M. Haspelmath* (ed.). *Coordinating Constructions*. Amsterdam: John Benjamins, 2004. P. 227—239.
- Kel'makov 1975 — *V. K. Kel'makov*. Sparenyye glagoly v udmurtskom yazyke. In: *Voprosy udmurtskogo yazykoznaniiya*. 1975, 3. S. 90—105. {V. K. Kel'makov. Paired verbs in the Udmurt language. In: *Issues of Udmurt linguistics*. 1975, 3. P. 90—105.}
- Kel'makov 1998 — *V. K. Kel'makov*. *Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii*. Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta, 1998. {V. K. Kel'makov. A short course in Udmurt dialectology. Izhevsk: Udmurt university press, 1998.}
- Khrakovskii 2009 — *V. S. Khrakovskii*. Taksis: semantika, sintaksis, tipologiya. In: *V. S. Khrakovskii* (otv. red.). *Tipologiya taksisnykh konstruktov*. Moskva: Znak, 2009. S. 11—113. {V. S. Khrakovskii. Taxis: semantics, syntax, typology. In: V. S. Khrakovskii (ed.). *Typology of taxis constructions*. Moscow: Znak, 2009. P. 11—113.}
- König 1995 — *E. König*. The meaning of converb constructions. In: *M. Haspelmath, E. König* (eds.). *Converbs in cross-linguistic perspective*. Berlin, NY: Mouton de Gruyter, 1995. P. 57—95.
- Koptjevskaja-Tamm 2003 — *M. Koptjevskaja-Tamm*. Possessive noun phrases in the languages of Europe. In: *F. Plank* (ed.). *Noun phrase structure in the languages of Europe*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 621—722.
- Kortmann 1991 — *B. Kortmann*. *Free adjuncts and absolutes in English: problems of control and interpretation*. London: Routledge, 1991.
- Kuznetsova 2022 — *Yu. N. Kuznetsova*. Sub'ekt deeprichastnoi klauzy i soglasovanie deeprichastii na *-kâ* i *-č'č'ož* v tatyshlinskom udmurtskom. In: *Tret'ya konferentsiya po ural'skim, altaiskim i paleoaziatskim yazykam. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Sankt-Peterburg: ILI RAN, TSSO, 2022. S. 59—62. {Yu. N. Kuznetsova. The subject of the converb clause and agreement of converbs in *-kâ* and *-č'č'ož* in Tatyshly Udmurt. In: *Third conference on Uralic, Altaic and Paleoasiatic languages. Book of abstracts of the international conference*. Saint-Petersburg: Institute for linguistic studies of the Russian Academy of Sciences, 2022. P. 59—62.}
- Lewis 1973 — *D. K. Lewis*. *Contrafactuals*. Oxford, UK: Blackwell Publishing Ltd., 1973.
- Longacre 2007 — *R. E. Longacre*. Sentences as combinations of clauses. In: *T. Shopen* (ed.). *Language Typology and Syntactic Description* (2nd ed.). Cambridge University Press, 2007. P. 372—420. {R. E. Longacre. Sentences as combinations of clauses. In: T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description: Complex constructions*. Vol. 2. Cambridge University Press, 1985.}
- Mordashova, Belova 2024 — *D. D. Mordashova, D. D. Belova*. Sistema aktsional'nykh klassov predikatov v tatyshlinskom govore udmurtskogo yazyka. In: *XX Mezhdunarodnyi simpozium "Dialekty i istoriya permskikh yazykov vo vzaimodeistvii s drugimi yazykami"*. Izhevsk, 2024. {D. D. Mordashova, D. D. Belova. The system of actional classes of predicates in the Tatyshly dialect of Udmurt. In: *20th international symposium "Dialects and history of the Permic languages in interaction with other languages"*. Izhevsk, 2024.}
- Murav'ev 2017 — *N. A. Murav'ev*. Taksis i taksisnye formy v yazykakh mira: taksonomiya i tipologiya. Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva: MGU, 2017. {N. A. Murav'ev. Taxis and taxis forms in the languages of the world: taxonomy and typology. Doctoral dissertation. Moscow: Moscow State University, 2017.}
- Nedjalkov 1995 — *V. Nedjalkov*. Some typological parameters of converbs. In: *M. Haspelmath, E. König* (eds.). *Converbs in cross-linguistic perspective*. Berlin, NY: Mouton de Gruyter, 1995. P. 97—136.
- Nedjalkov 1998 — *I. Nedjalkov*. Converbs in the languages of Europe. In: *J. van der Auwera, P. Ó. Baoill Dónall* (eds.). *Adverbial constructions in the languages of Europe. Empirical approaches to language typology*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 421—456.
- Pazel'skaya et al. 2017 — *A. G. Pazel'skaya, A. B. Shluinskii, M. B. Ermolaeva*. Obstoitel'stvennyye predlozheniya. In: *S. G. Tatevosov, A. G. Pazel'skaya, D. Sh. Suleimanov*. *Ehlementy tatarskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Misharskii dialekt*. Moskva: Buki Vedi, 2017. S. 471—525. {A. G. Pazel'skaya, A. B. Shluinskii, M. B. Ermolaeva. Adverbial clauses. In: S. G. Tatevosov, A. G. Pazel'skaya, D. Sh. Suleimanov. *Elements of the Tatar language in a typological perspective: the Mishar dialect*. Moscow: Buki Vedi, 2017. P. 471—525.}
- Perevoshchikov 1959 — *P. I. Perevoshchikov*. *Deeprichastiya i deeprichastnye konstruktivnyye slozheniya v udmurtskom yazyke*. Izhevsk: Tipografiya ministerstva kul'tury UASSR, 1959. {P. I. Perevoshchikov. Converbs and converb constructions in the Udmurt language. Izhevsk: Printing house of the ministry of culture of the UASSR, 1959.}
- Privoznov 2021 — *D. Privoznov*. *A theory of two strong islands*. Doctoral dissertation. Massachusetts: MIT, 2021.
- Rapold 2010 — *C. J. Rapold*. Defining converbs ten years on — A hitchhikers' guide. In: *S. Völlmin, A. Amha, C. J. Rapold, S. Zaugg-Coretti* (eds.). *Converbs, medial verbs, clause chaining and related issues*. Frankfurter Afrikanistische Blätter 19 (2007). Rüdiger Köppe Verlag, 2010. P. 7—30.

- Ross 1967 — *J. Ross*. Constraints on variables in syntax. Doctoral dissertation. Massachusetts: MIT, 1967.
- Rudnitskaya 1997 — *E. L. Rudnitskaya*. Problema altaiskogo sochineniya v koreiskom yazyke. In: Voprosy yazykoznaniiya. 1997, 6. S. 89—99. {*E. L. Rudnitskaya*. The problem of Altaic coordination in Korean. In: Topics in the study of language. 1997, 6. P. 89—99.}
- Sadikov 2016 — *R. R. Sadikov*. Finno-ugorskie narody Respubliki Bashkortostan (istoriya, kul'tura, demografiya). Ufa: OOO "Pervaya tipografiya", 2016. {*R. R. Sadikov*. Finno-Ugric peoples of the Republic of Bashkortostan (history, culture, demography). Ufa: LLC "Pervaya tipografiya", 2016.}
- Shluinskii 2002 — *A. B. Shluinskii*. "Nasledovanie" grammaticheskikh znachenii v semanticheski sochinitel'noi konstruktsii: k tipologii glagol'nykh form. Diplomnaya rabota. Moskva: MGU, 2002. {*A. B. Shluinskii*. "Inheritance" of grammatical meanings in semantically coordinate constructions: toward a typology of verbal forms. Diploma thesis. Moscow: Moscow State University, 2002.}
- Shutov 2002 — *A. F. Shutov*. Puti razvitiya gipotakticheskikh otnoshenii v udmurtskom yazyke. Dis. ... dokt. filol. nauk. Izhevsk: UdmGU, 2002. {*A. F. Shutov*. Paths of development of hypotactic relations in Udmurt. Doctoral dissertation. Izhevsk: Udmurt State University, 2002.}
- Talmy 1972 — *L. Talmy*. Semantic structures in English and Atsugewi. Doctoral dissertation. California: University of California, Berkeley, 1972.
- Tatevosov 2002 — *S. Tatevosov*. The parameter of actionality. In: Linguistic Typology. 2002. Vol. 6, Issue 3. P. 317—401.
- Tatevosov 2015 — *S. G. Tatevosov*. Aktsional'nost' v leksike i grammatike. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. {*S. G. Tatevosov*. Actionality in lexicon and grammar. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015.}
- Toulouze 2013 — *E. Toulouze*. La langue oudmourte dans la diaspora orientale: étude de cas. In: Études finno-ougriennes [Online]. 2013, 45. S. 117—134. {*E. Toulouze*. The Udmurt language in the eastern diaspora: a case study. In: Études finno-ougriennes. 2013, 45. P. 117—134.}
- TUC — Tatyshly Udmurt Corpus. URL: http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/index_en.html (accessed on 19.05.2025).
- Vendler 1957 — *Z. Vendler*. Verbs and Times. In: The Philosophical Review. 1957, 66 (2). P. 143—160.
- Vendler 1967 — *Z. Vendler*. Verbs and Times. In: Linguistics in Philosophy. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1967.
- Weisser 2015 — *P. Weisser*. Derived Coordination: A Minimalist Perspective on Clause Chains, Converbs and Asymmetric Coordination. Berlin; München; Boston: De Gruyter, 2015.
- Winkler 2001 — *E. Winkler*. Udmurt. München: Lincom Europa, 2001.

Маркирование подлежащего зависимой предикации с вершиной-причастием в нанайском языке

Оскольская Софья Алексеевна, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва),
Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); sonypolik@mail.ru

В статье рассматриваются полипредикативные конструкции нанайского языка, в которых вершина зависимой предикации выражена причастием. В фокусе внимания находятся способы выражения субъекта зависимой предикации. Исследование выполнено на материале устных текстов, входящих в Корпус нанайского языка. Субъект в зависимой предикации может быть выражен отдельной именной группой и вызывать согласование на причастии. В конструкциях с сентенциальными актантами при кореферентности субъектов главной и зависимой предикации субъект в зависимой клаузе не получает отдельного выражения; в этом случае причастие оформляется рефлексивным показателем. В модальных контекстах используется безличное причастие. При некорреферентности субъектов подлежащее зависимой предикации обычно выражается номинативной формой (без падежных показателей), но в редких случаях зафиксирован подъем субъекта в главную предикацию, где он оформляется в соответствии с синтаксической позицией. В обоих случаях субъект вызывает лично-числовое согласование на причастии.

Относительные конструкции существенно отличаются от конструкций с сентенциальными актантами. При релятивизации подлежащего субъект зависимой предикации никак не выражен и не вызывает согласования на причастии. При релятивизации других синтаксических позиций субъект выражен номинативной формой и вызывает лично-числовое согласование на причастии. Определяемое имя обычно находится в главной предикации, однако в редких случаях оно зафиксировано в зависимой предикации и оформлено в соответствии со своей синтаксической позицией.

Ключевые слова: нанайский язык, полипредикация, причастие, относительные конструкции, конструкции с сентенциальными актантами, субъект зависимой клаузы

MARKING THE SUBJECT OF A DEPENDENT CLAUSE WITH A PARTICIPLE HEAD IN NANAI

Sofia A. Oskolskaya, The Pushkin State Russian Language Institute (Moscow),
Institute for Linguistic Studies RAS (St. Petersburg); sonypolik@mail.ru

The article deals with complex sentences in Nanai that have a participle as the head of a dependent clause. The study is based on oral texts from the Nanai corpus. It focuses on the expression of the subject of a dependent clause. The subject of a dependent clause may be expressed by a nominal phrase, which causes agreement with the participle, the head of the dependent clause. If a construction with a sentential argument has coreferent subjects in the main and dependent clauses, the subject is not expressed in the dependent clause; in this case, the participle is marked with a reflexive suffix. An impersonal participle form is preferred in modal contexts. If construction with a sentential argument has non-coreferent subjects in the main and dependent clauses, the subject of the dependent clause is usually expressed with a nominative form (i.e., without explicit case markers). However, sometimes the raising of a subject into the main clause is attested. In this case, it is marked according to its syntactic position in the main clause. Whether raised or not, the subject of a dependent clause agrees with the participle in person and number.

Relative clause constructions differ significantly from constructions with a sentential argument. The subject of a dependent clause is not expressed and does not agree with a participle when the subject is relativized. When other syntactic positions are relativized, the subject is expressed with a nominative form and agrees with the participle in person and number. A head nominal is normally expressed in the main clause; however, it has also been attested in the dependent clause, where it is marked according to its position in the dependent clause.

Keywords: Nanai, polypredication, participle, relative clause constructions, sentential argument constructions, dependent clause subject

1. Введение

В нанайском языке зависимые клаузы могут оформляться падежными формами причастий¹ (1) или деепричастными формами (2).

- (1) *mii=təni n'oan' un-ži-wə-ni otole-a-si*
 я=а он(а) сказать-PRS-ACC-3SG понимать-NEG-PRS.NEG
 'А я не понимаю, что она говорит!' [КНЯ, ssb_090900_kk&so_Chleb, Найхин, 2009].
- (2) *təj toxala nangala-oče-a-či enda-sal ži-məri sea-ri-či=go*
 тот глина бросить.PFV-CVB.COND-OBL-3PL собака-PL приходить-CVB.SIM.PL есть-PRS-3PL=PART
 'А когда ту глину выбросили, собаки прибежали и едят' [там же].

Как причастия, так и некоторые деепричастия могут иметь лично-числовые показатели, согласующиеся с подлежащим участником зависимой клаузы. Так, в примере (1) показатель 3-го л. ед. ч. *-ni* в глагольной форме *un-ži-wə-ni* 'говорит' согласуется с субъектом *n'oan'* 'она'.

Зависимые клаузы с деепричастиями и причастиями существенно различаются по структуре. При разносубъектных деепричастиях субъект выражен именем в именительном падеже, тогда как при односубъектных он в зависимой клаузе не выражается. В конструкциях же с причастиями в качестве вершины наблюдается вариативность в оформлении субъекта, поэтому именно они становятся предметом анализа в данной статье.

Помимо этого, в нанайском языке нет четкого синтаксического различия между сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями. В цепочках клауз или отдельных глаголов, которые семантически равноценны (например, описывают последовательность событий в нарративе), все глаголы, кроме последнего, могут быть выражены деепричастиями. Именно так оформлены глаголы, описывающие действия собак в примере (2): 'прибежали и едят'. Аналогичным образом все глаголы в подобных цепочках могут быть выражены и причастиями. Такие конструкции остаются за рамками настоящего исследования, хотя некоторые промежуточные случаи будут представлены в разделе 4.

В данной статье рассматриваются способы выражения подлежащего зависимой предикации с вершиной-причастием в нанайском языке. Основное внимание уделяется следующим аспектам: средствам кодирования субъекта зависимой предикации; условиям, при которых субъект может быть не выражен; использованию согласовательных лично-числовых показателей на глагольной вершине зависимой клаузы.

Исследование основано на материале естественных текстов, представленных в Корпусе нанайского языка [КНЯ]. На момент проведения работы объем корпуса составлял 13 339 словоупотреблений. В него вошли тексты из [Аврорин 1986], а также полевые записи, сделанные С. А. Оскольской и Н. М. Стойновой². Некоторые примеры были позаимствованы из трудов других исследователей. Для каждого примера в статье указан источник. Поскольку в рамках данного исследования не проводилась элицитация, ряд вопросов, особенно тех, что требуют получения отрицательного материала (т. е. данных о том, «как нельзя сказать»), остается открытым. Кроме того, мы не ставили перед собой цели исследовать диалектные различия. Большая часть доступного материала относится к найхинскому говору, который лег в основу литературного нанайского языка. Получить данные по редким конструкциям для большинства других говоров на основе текстов затруднительно. Таким образом, в настоящей работе представлены данные, характерные в первую очередь для литературного нанайского языка (найхинского говора).

Статья организована следующим образом. В разделе 2 представлен обзор типов конструкций с зависимой предикацией в нанайском языке. Раздел 3 посвящен маркированию подлежащего участника в зависимой предикации. В разделе 4 рассматриваются стратегии согласования субъекта с глагольной вершиной зависимой клаузы. Раздел 5 содержит основные выводы исследования.

¹ В современном нанайском языке одна и та же морфологическая форма глагола может выполнять функцию как сказуемого независимого предложения, так и вершины относительной клаузы. Исторически независимое употребление развилось из причастного. В данной статье под причастием понимается именно глагольная функция, а не особенная морфологическая форма, поэтому в глоссах причастная функция не отражена.

² Существует так называемый «Нанайский корпус» (см. <https://nanai.web-corpora.net/>), включающий материалы на кур-урмийском идиоме. Поскольку кур-урмийский сильно отличается от большинства нанайских диалектов, не взаимопонятен с ними и в современной лингвистике признается отдельным, смешанным, языком (см. [Janhunen 2005; Hölzl 2017]), данные этого корпуса в настоящем исследовании не учитывались.

2. Типы полипредикативных конструкций

Типы сложных предложений в нанайском языке были подробно исследованы в рамках Новосибирской синтаксической школы [Герасимова 2006]; их краткая классификация представлена также в статье [Стойнова 2018]. С функциональной точки зрения сложные предложения традиционно разделяются на три типа: 1) сложные предложения с относительными клаузами, 2) конструкции с сентенциальными актантами (далее — КСА) и 3) конструкции с сентенциальными сирконстантами (далее — КСС). Относительные клаузы выступают в роли определения к участнику главной предикации (далее — ГП), в то время как сентенциальные актантами (СА) и сирконстанты (СС) выполняют соответственно функции актантов и сирконстантов при сказуемом главной клаузы.

Относительные конструкции имеют специфическую синтаксическую структуру, особенности которой подробно описаны в подразделе 2.1. КСА и КСС очень похожи по синтаксической структуре и рассматриваются в подразделах 2.2 и 2.3.

В целом СА и СС с причастием в вершине обладают структурой, аналогичной структуре именной группы. Подлежащее зависимой клаузы оформляется так же, как и зависимое имя в посессивной именной группе, т. е. формой именительного падежа или, используя термин [Аврорин 1959: 142], «беспадежной формой». Причастие, как и вершина посессивной именной группы, оформляется падежным показателем в зависимости от позиции в предложении и лично-притяжательным показателем, согласующимся с подлежащим зависимой клаузы (или зависимым именем в именной группе (далее — ИГ)).

- (3) *tii [mapaŋca-kaan xəsə-wə-ni] xəm otoli-i-či*
 тот старик-DIM слово-ACC-3SG весь понимать-PRS-3PL
 ‘Речь старика всю понимают’ [КНЯ, Аврорин 1986, текст 39].

В примере (3) представлено простое предложение с посессивной ИГ ‘речь старика’ (букв. ‘слово старика’). Структура этого предложения идентична структуре КСА в (1): корень сказуемого *otole-* ‘понимать’ совпадает с корнем матричного предиката в (1); от сказуемого / матричного предиката зависит ИГ или клауза, в которых вершина оформлена винительным падежом; при вершине имеется зависимый элемент без выраженного падежного показателя — посессор *mapaŋcaakaan* ‘старик’ в (3) и субъект зависимой клаузы *n'oan* ‘он(а)’ в (1); в обоих случаях это зависимое вызывает согласование по 3-му л. ед. ч. на вершине.

Если посессор совпадает с подлежащим главной клаузы, то вершина (обладаемое) маркируется рефлексивным показателем (~ ‘свой’). Так, в примере (4) нарты принадлежат действующему лицу, которое является подлежащим всего предложения, поэтому при вершине используется показатель рефлексива, а не лично-притяжательный показатель, как в (3):

- (4) *gə totara=tani [toke-do-i] akpaŋ-ke-ni xəmdə-j ujsi*
 ну тогда=а нарты-DAT-REFL.SG лечь-PST-3SG живот-REFL.SG вверх
 ‘Вот, а потом на своих нартах он лёг животом вверх’ [КНЯ, nchb_120809_ns_SkazkaDvaStarika, Найхин, 2012].

Если в КСА или КСС субъекты матричной и зависимой клауз совпадают, то причастие — вершина СА или СС — также маркируется рефлексивным показателем, аналогично посессивной конструкции в (4):

- (5) *[ao-rii-du-j] tolkeče-xa-ni*
 спать-PRS-DAT-REFL.SG видеть.сон-PST-3SG
 ‘Когда он спал, он увидел сон’ [КНЯ, Аврорин 1986, текст 41].

В этом случае посессор в ИГ (4) или субъект зависимой предикации (5) не выражен, а на вершине ИГ или СА/СС употребляется рефлексивный показатель.

Ниже подробно рассмотрена наиболее частотная структура каждого из трех выделенных типов сложных предложений.

2.1. Предложения с относительной клаузой

В (6) представлено типичное предложение с относительной клаузой:

- (6) *tuə [žukə pəgiə-lə-ni bi] sogdata-sal-ba=da waa-re-i*
 зима лёд низ-LOC-3SG быть.PRS рыба-PL-ACC=ADD убить-PRS-1SG
 ‘Я зимой ловлю рыбу, которая находится подо льдом’ [КНЯ, nchb_090900_kk&so_Medved, Найхин, 2009].

В предложениях типа (6) относительная клауза предшествует определяемому слову. Само определяемое слово (в данном случае *sogdatasalba* ‘рыб’) занимает соответствующую позицию внутри главной клаузы (здесь — позицию прямого дополнения с показателем аккузатива в препозиции к глаголу). Вершина зависимой клаузы — причастие, занимающее последнюю позицию в клаузе. Находясь в препозиции к определяемому слову, такое причастие не маркируется падежным показателем. Схематично структуру предложения с относительной клаузой можно представить следующим образом (где NP — определяемое слово, PTCP — вершина зависимой клаузы):

(7) [...[...PTCP] NP-CASE ...]

В предложениях (6)—(7) структура относительной конструкции соответствует наиболее нейтральному в нанайском языке порядку слов SOV. Однако этот порядок не является строгим. Относительная клауза может находиться в постпозиции к определяемому слову, как в (8). В таком случае вершина относительной клаузы маркируется тем же падежным показателем, что и определяемый участник в главной клаузе, в данном примере — аккузативом:

(8) *mii toke-sal-ba ulən ta-go-j-i=goani [boja-xam-ba]*
я нарты-PL-ACC хорошо делать-REP-PRS-1SG=EMPH ломаться-PST-ACC
‘Я нарты сломанные хорошо чиню’ [КНЯ, nchb_090900_kk&so_Medved, Найхин, 2009].

Схематично этот тип относительных предложений можно представить в виде (9). Важно отметить, что его структура не зависит от того, разделены ли определяемое слово и относительная клауза сказуемым главной клаузы (как в (8)) или нет.

(9) [... NP-CASE (...)] [... PTCP-CASE]]

Причины отклонения от стандартного порядка слов пока не изучены до конца. Можно предположить, что в примерах типа (8) имеет место уточняющая информация, добавленная после произнесения основной части высказывания. Падежная форма уточнения может объясняться эллипсисом повторяющейся части предложения (‘нарты хорошо чиню’). Согласно другой интерпретации, здесь используется субстантивированное причастие, которое и приобретает падежное оформление. А. Н. Герасимова объясняет подобную перестановку актуальным членением предложения [Герасимова 2006: 172—175]. Так или иначе, на поверхностном уровне можно утверждать, что в постпозиции вершина относительной клаузы обязательно маркируется падежным показателем.

В относительных клаузах оформление участников происходит по тем же правилам, что и в простых предложениях. Так, если релятивизируется не подлежащее, то подлежащее зависимой предикации, как и в простом предложении, выражается номинативом и вызывает согласование на причастии:

(10) *duj-əčə xurən oja-la-ni=tani təj [ame-ni uŋ-ki-ni] moo*
четыре-ORD гора верх-LOC-3SG=a тот отец-3SG сказать-PST-3SG дерево
‘На вершине четвертой сопки дерево, о котором говорил отец’
[КНЯ, znb_110821_so_SkazkaZheleznajaPtitsa, Троицкое, 2011].

(11) *enda ii-xə-ni=kəs dalom-ba sea-rii=goan(i) [akson-do naj nəiči-j-wə-ni]*
собака входить-PST-3SG=PART корм-ACC есть-PRS=PART у.входа-DAT человек хранить-PRS-ACC-3SG
‘Когда собака заходит, она ест корм, который кто-то хранит у входа’ [Kazama 1995, Даерга, текст 3].

Напротив, при релятивизации подлежащего, как в (6) или (8), согласовательные лично-числовые показатели на причастии отсутствуют.

Сам релятивизируемый участник в зависимой клаузе обычно не выражен (хотя существуют некоторые исключения, которые будут обсуждаться ниже).

2.2. Конструкции с сентенциальными актантами

Сентенциальные актанты, выполняя функции подлежащего или дополнения, как правило, занимают позицию перед сказуемым главной клаузы:

(12) [*Koonči saman ja-i-wa-ni*] *doolže-xa-ni*
Кончи шаман камлать-PRS-ACC-3SG слышать-PST-3SG
‘{Он} услышал камлание шамана Кончи’ [КНЯ, Аврорин 1986, текст 40].

Вершина SA выражается причастием, которое маркируется падежным показателем в соответствии с синтаксической позицией всей зависимой клаузы. Так, в (12) причастие оформлено аккузативом, по-

скольку СА функционирует как прямое дополнение при сказуемом *doolžexani* ‘он услышал’. Кроме того, вершина СА имеет лично-числовой показатель, согласующийся с подлежащим зависимой клаузы. В примере (12) суффикс 3-го л. ед. ч. *-ni* указывает на подлежащее *Koonči saman*.

Если подлежащее зависимой клаузы совпадает с подлежащим главной, на вершине СА используются рефлексивные показатели, по аналогии с конструкциями (4) и (5):

- (13) *kasi-ə gələ-pi sagži-l-pu tolgeči-i*
 счастье-ACC искать-CVB.COND.SG старый-PL-1PL видеть.ВО.СНЕ-PRS
*bi-čii xoone=daa pulsi-gilə-j-i*³
 быть-РСТ как=ADD ходить-ДЕБ-PRS-REFL.SG

‘Помолившись, наши старики видели во сне, как нужно идти’ [КНЯ, Аврорин 1986, текст 43].

Таким образом, в односубъектных конструкциях с СА подлежащее зависимой клаузы не выражено. В разносубъектных конструкциях подлежащее зависимой клаузы обычно употребляется в форме номинатива (ср. *Koonči saman* в (12)). Некоторые возможные отклонения от этой модели будут рассмотрены в разделе 3. Схематично структуру КСА можно представить следующим образом:

- (14) а. Разносубъектные
 [... NP_i-NOM [NP_j-NOM ... PTCP-CASE-PERS] V]
 б. Односубъектные
 [... NP_i-NOM ... [PTCP-REFL] V]

2.3. Конструкции с сентенциальными сирконстантами

КСС, имеющие в качестве вершины причастие (а не деепричастие), по своей структуре похожи на КСА: СС, как правило, предшествует сказуемому главной клаузы, вершина СС оформляется падежной формой причастия или формой с послелогом, а субъект зависимой клаузы выражается номинативом, ср. пример (15):

- (15) *tuj təd-si-i-du-ə-ni naonžokaan sənə-rəə songo-lo-xa-ni*
 так сесть-IPFV-PRS-DAT-OBL-3SG мальчик проснуться-CVB.NSIM плакать-INCH1-PST-3SG
 ‘Когда он {Пугэ} так сидел, мальчик проснулся и заплакал’ [КНЯ, Аврорин 1986, текст 44].

В односубъектных конструкциях вершина зависимой предикации, как и ожидается по аналогии с пассивными именными группами (см. пример (5) выше), оформляется рефлексивным показателем.

В (16) сведена информация о наиболее типичных структурах сложных предложений с причастиями в вершине зависимых клауз.

(16) Относительные конструкции

Релятивизация подлежащего

- препозиция: [... [...PTCP] NP-CASE ...]
 постпозиция: [... NP-CASE (...)] [... PTCP-CASE]]

Релятивизация других позиций

- препозиция: [... [NP_i-NOM PTCP-PERS] NP_j-CASE ...]
 постпозиция: [... NP_i-CASE (...)] [NP_j-NOM PTCP-CASE-PERS]]

Конструкции с сентенциальными актантами⁴

- Один субъект: [NP-NOM [PTCP-CASE-REFL] V]
 Разные субъекты: [NP_i-NOM [NP_j-NOM ... PTCP-CASE-PERS] V]

Конструкции с сентенциальными сирконстантами

- Один субъект: [[PTCP-CASE-REFL] NP-NOM V]
 Разные субъекты: [[NP_j-NOM ... PTCP-CASE-PERS] NP_i-NOM V]

³ В примере (13) причастие в зависимой предикации (далее — ЗП) употреблено в форме единственного числа, несмотря на предполагаемый множественный субъект ЗП ‘наши старики’. Такое рассогласование по числу между субъектом и предикатом встречается в нанайском языке регулярно. Подробное описание этого явления требует отдельного исследования.

⁴ В КСА и КСС, как и в относительных конструкциях, ЗП может занимать как препозицию, так и постпозицию по отношению к главной клаузе. Причины выбора конкретной позиции детально не изучены и, вероятно, регулируются правилами информационной структуры. Однако, в отличие от относительных предложений, эта позиционная вариативность существенно не влияет на маркирование элементов конструкции.

Следует отметить, что в (16) приведены только ключевые структуры сложных предложений. Более полный перечень возможных конструкций — с дополнительными частицами, разными матричными предикатами и т. п. — представлен в [Герасимова 2006].

В последующих разделах основное внимание будет уделено отличным от этих базовых моделей вариантам сложных предложений, которые, однако, важны для анализа способов оформления подлежащего участника ЗП.

3. Маркирование субъекта зависимой предикации с вершиной-причастием

Подлежащее ЗП выражено эксплицитно в тех случаях, когда оно не совпадает с подлежащим главной предикации в КСА и КСС или не тождественно определяемому имени в относительных конструкциях (т. е. если релятивизируется не подлежащее). При этом подлежащее ЗП чаще всего не маркировано падежным показателем, что позволяет трактовать его как форму номинатива (т. е. немаркированную форму).

Особую сложность для определения формы и синтаксической позиции субъекта ЗП представляют конструкции, в которых субъект выражен рефлексивным показателем, ср.:

- (17) *nəu-wəəri*   *uŋ-kim-bə-ni*   *əčiə*   *doolže-a-či*
 мл.брат-REFL.PL   сказать-PST-ACC-3SG   NEG.PST   слышать-NEG-3PL
 ‘Они не услышали, что сказал их младший брат’ [КНЯ, Аврорин 1986, текст 40].

В рефлексивном склонении отсутствие падежного показателя характерно не для номинатива, а для аккузатива; собственно номинативная форма в этой парадигме отсутствует. В таблице 1 приведены некоторые падежные формы единственного числа для простого и рефлексивного склонений.

Таблица 1. Некоторые падежные формы простого и рефлексивного склонений слова *ogda* ‘лодка’ (по [Аврорин 1959: 163, 169])

Падеж	Простое склонение	Рефлексивное склонение
Именительный (NOM)	<i>ogda</i> ‘лодка’	—
Винительный (ACC)	<i>ogda-wa</i> ‘лодка-ACC’	<i>ogda-i</i> ‘лодка-REFL.SG’
Дательный (DAT)	<i>ogda-du</i> ‘лодка-DAT’	<i>ogda-do-i</i> ‘лодка-DAT-REFL.SG’
Творительный (INS)	<i>ogda-ži</i> ‘лодка-INS’	<i>ogda-že-i</i> ‘лодка-INS-REFL.SG’

Если исходить из фрагмента парадигмы, представленного в таблице 1, то подлежащее ЗП *nəu-wəəri* ‘их младший брат’ в примере (17) действительно имеет форму аккузатива. В таком случае структура этого предложения отклоняется от более типичной для сложных предложений модели. Наблюдаемое в (17) можно интерпретировать несколькими способами. Во-первых, данное предложение может быть примером подъема субъекта⁵ из зависимой клаузы в главную. Тогда более буквальным переводом было бы: ‘Они не услышали своего младшего брата, что он сказал’. Форма винительного падежа в этом случае объясняется моделью управления глагола *doolže-* ‘слышать’. Во-вторых, можно предположить, что субъект ЗП остается внутри зависимой предикации, но по каким-то причинам оформляется винительным, а не именительным падежом. Такая модель, например, зафиксирована в калмыцком языке [Сердобольская и др. 2016]. Наконец, третья возможная интерпретация заключается в том, что субъект ЗП в (17) стоит в форме не винительного падежа, а именительного, а парадигма имени в рефлексивном склонении требует уточнений.

Аргументом в пользу последней интерпретации может служить аналогия с посессивной ИГ, где посессор также не имеет выраженных падежных показателей (пример (3)), при этом в соответствующих контекстах он может маркироваться рефлексивным показателем:

⁵ Под подъемом субъекта ЗП понимается явление, подробно описанное для английского языка в работах [Postal 1970; 1974] и иллюстрируемое примерами типа *I believe him to be a wise man* ‘Я верю, что он умный человек’. Суть подъема заключается в том, что субъект ЗП (‘он’) приобретает синтаксические черты аргумента матричного предиката (в данном случае выражен в объектном падеже *him*), однако по ряду других признаков по-прежнему принадлежит ЗП (так, из полного полипредикативного предложения не следует истинность утверждения, полученного удалением СА: приведенный пример не влечет за собой *I believe him* ‘Я верю ему’).

- (18) *tuj waaxa-ni Puugə [aag-bi piktə-wə-ni]*
 так убить-PST-3SG Пугэ ст.брат-REFL.SG ребенок-ACC-3SG
 ‘Так Пугэ убил ребенка своего старшего брата’ [КНЯ, Аврорин 1986, текст 44].

Было бы нелогично предполагать, что в посессивной группе посессор с рефлексивным показателем имеет форму винительного падежа, а посессор без рефлексивного показателя — форму именительного. Это противоречие можно снять, уточнив парадигму рефлексивного склонения. Возможны два варианта ее описания.

Таблица 1'. Падежные формы простого и рефлексивного склонений слова *ogda* ‘лодка’. Вариант 1

Падеж	Простое склонение	Рефлексивное склонение
Именительный (NOM)	<i>ogda</i> ‘лодка’	<i>ogda-i</i> ‘лодка-REFL.SG’ (*только для некоторых контекстов)
Винительный (ACC)	<i>ogda-wa</i> ‘лодка-ACC’	<i>ogda-i</i> ‘лодка-REFL.SG’
...		

В. А. Аврорин предлагает иную трактовку, согласно которой в посессивной группе посессор оформляется «беспадежной формой». В простом склонении она совпадает с номинативом, а в рефлексивном — с аккузативом [Аврорин 1959]:

Таблица 1". Падежные формы простого и рефлексивного склонений слова *ogda* ‘лодка’. Вариант 2

Падеж	Простое склонение	Рефлексивное склонение
Именительный (NOM)	<i>ogda</i> ‘лодка’	—
Беспадежная форма	<i>ogda</i> ‘лодка’	<i>ogda-i</i> ‘лодка-REFL.SG’
Винительный (ACC)	<i>ogda-wa</i> ‘лодка-ACC’	<i>ogda-i</i> ‘лодка-REFL.SG’
...		

Таким образом, примеры типа (18) демонстрируют, что способность данной рефлексивной формы употребляться не только в функции прямого дополнения является ее общим свойством, а не особенностью КСА в (17).

При такой трактовке рефлексивный показатель и его антецедент (‘они’) оказываются в разных клаузах (первый — в ЗП, а второй — в ГП), что нетипично для многих языков. Однако, как показано в работе [Стойнова 2018], в нанайском языке граница клауз не является препятствием для связывания рефлексива. Н. М. Стойнова приводит элицитированный пример, структурно аналогичный (17):

- (19) *mapa taj gujsə-du [<^{OK}mən> tətə-ji bi-i-wə-ni] osese-i-ni*
 старик тот сундук-DAT <сам> одежда-REFL.SG быть-PRS-ACC-3SG не.хотеть-PRS-3SG
 ‘Старик, не хочет, чтобы свои вещи хранились в сундуке’ [там же: 81].

Следовательно, примеры типа (17), в которых субъект ЗП маркирован рефлексивным показателем, можно анализировать как наиболее типичную структуру, где субъект оформляется немаркированной — номинативной или «беспадежной» — формой (см. раздел 2.2). Интерпретацию, допускающую подъем субъекта в ГП, полностью исключать нельзя, поскольку в рефлексивном склонении форма аккузатива совпадает с предполагаемой немаркированной формой. Однако такой анализ представляется менее вероятным, учитывая, что в большинстве аналогичных случаев с именами в простом склонении подъем аргумента не происходит. Окончательно определить точную интерпретацию для каждого конкретного случая можно только с помощью дополнительных элицитационных тестов.

В корпусе и других материалах зафиксированы примеры, в которых субъект ЗП однозначно оформляется падежным показателем, как в (20):

- (20) *mii simbiə nuučī-du-i amen-žə-i pulsi-xəm-bə-si əžəčī-i*
 я ты.ACC маленький-DAT-REFL.SG отец-INS-REFL.SG ходить-PST-ACC-2SG помнить.PRS-1SG
 ‘Я помню, как ты в детстве приезжал к нам со своим отцом’ [Герасимова 2006: 211].

В (20) ожидалась бы форма *sii* ‘ты’ в качестве субъекта ЗП. Наличие аккузатива допускает три интерпретации структуры сложного предложения. Во-первых, это может быть относительная конструкция, где ЗП находится в постпозиции к определяемому имени (ср. рус. *Я помню тебя в детстве, приезжаю-*

Несмотря на формальное сходство с КСА, предложение (23) допускает иное прочтение. Если бы это действительно была КСА, ожидалась бы, например, такая интерпретация: ‘Он ударил своим шестом то, что шаман хотел ударить копьём’⁶. Однако из левого контекста очевидно, что Кичукту ударил шестом именно шамана. Таким образом, более релевантной для (23) оказывается трактовка как КСС. В пользу этого свидетельствуют, во-первых, то, что в нанайском языке обстоятельства времени могут оформляться аккузативом (24); во-вторых, в (23) ЗП целиком находится в препозиции к ГП, что косвенно указывает на менее тесную синтаксическую связь с глаголом по сравнению с КСА.

- (24) *aj bolo-ne-wa Maŋbo-du dawa xaži bi-či-ni*
 этот осень-3SG-ACC Амур-DAT кета голод быть-PST-3SG
 ‘В эту осень на Амуре кеты мало было (букв. ‘кетовый голод был’)’ [КНЯ, Аврорин 1986, текст 43].

При таком подходе предложение (23) корректнее переводить следующим образом: «Когда шаман хотел ударить (его) копьём, он ударил (того) своим шестом». Прямое дополнение в ГП при этом опущено — явление, в целом распространенное в нанайском языке.

А. Н. Герасимова описывает среди КСС случаи, в которых причастие маркировано аккузативом, т. е. структурно полностью аналогичные (23); ср. (25):

- (25) *tama tobogo-jča-j-wa-ni mənə žara-ra tobogo-xa-ni*
 старуха тащить-DES-PRS-ACC-3SG сам взять-CVB.NSIM тащить-PST-3SG
 ‘Старуха хотела унести (щуку) — он сам взял и потащил’ [Герасимова 2006: 117].

При этом исследовательница отмечает, что таким конструкциям свойственны семантические оттенки сопоставления, несоответствия и неожиданности. Оттенок неожиданности явно прослеживается и в примере (23): шаман собирался ударить Кичукту копьём, но, вопреки ожиданиям, Кичукту ударил его своим шестом.

Наряду с этим встречаются предложения, структурно подобные КСА, как в (23), однако в них ЗП находится внутри ГП:

- (26) *xaj-la ənə-xən=dəə n'oani [puntu-səl muədu-səl tugžə-səl buj-kim-bə-či] baa-rii bi-čin*
 что-LOC идти-PST=ADD он(а) панты-PL выдра-PL рысь-PL умирать-PST-ACC-3PL найти-PRS быть-PST
 {Так старуха и живёт без мужа. Ни в чём не нуждается.} ‘Куда бы она ни пошла, находила убитых (букв. ‘умерших’) изюбрей, выдр, рысей’. {И зимой, и летом находила.} [КНЯ, Аврорин 1986, текст 38].

Хотя по своей структуре предложение (26) является КСА, оно имеет иной смысл. Если бы это была обычная КСА, ожидалось бы значение [#]‘Куда бы она ни пошла, она находила, как умирают изюбры, выдры, рыси’, однако контекст такую интерпретацию исключает.

Трактовка (26) как КСС, в отличие от (23), также маловероятна. Во-первых, ЗП находится в препозиции к глаголу *baa-* ‘найти’ и непосредственно предшествует ему, что указывает на тесную связь с глаголом и, с высокой вероятностью, на актантную функцию. Во-вторых, семантически в данном контексте сирконстантное прочтение довольно затруднительно: [?]‘Куда бы она ни пошла, когда изюбри, выдры, рыси умирали, она их находила’. Наконец, в (26) отсутствует значение неожиданности, характерное для подобных сирконстантов (см. [Герасимова 2006: 116—118]).

Наиболее приемлемой для (26) представляется интерпретация, свойственная относительным конструкциям и отраженная в переводе на русский язык. Однако по своей синтаксической структуре это предложение отличается от типичных относительных конструкций. Последние могли бы выглядеть одним из следующих способов:

- (26') *xaj-la ənə-xən=dəə n'oani puntu-səl-bə muədu-səl-bə tugžə-səl-bə*
 что-LOC идти-PST=ADD он(а) панты-PL-ACC выдра-PL-ACC рысь-PL-ACC
 [buj-kim-bə] baa-rii bi-čin
 умирать-PST-ACC найти-PRS быть-PST

- (26'') *xaj-la ənə-xən=dəə n'oani [buj-kin puntu-səl-bə*
 что-LOC идти-PST=ADD он(а) умирать-PST панты-PL-ACC
muədu-səl-bə tugžə-səl-bə] baa-rii bi-čin
 выдра-PL-ACC рысь-PL-ACC найти-PRS быть-PST

⁶ Такая интерпретация также допустима, если рассматривать пример (23) как субстантивированную относительную конструкцию, в которой опущено определяемое имя (см. [Аврорин 1961: 82]).

В (26') и (26'') определяемые имена маркируются падежным показателем аккузатива. Кроме того, в (26'') причастие — вершина относительной клаузы — не имеет лично-притяжательного показателя; там также отсутствует падежный маркер.

Подобные промежуточные конструкции, как в (26), А. Н. Герасимова квалифицирует как определительные причастные конструкции (ОПК) с интерпозицией определяемого имени (ОИ) [Герасимова 2006: 175—183], а В. С. Харитонов в своей магистерской диссертации — как относительные предложения с внутренней вершиной [Харитонов 2017: 46—49]. При этом в материалах А. Н. Герасимовой по нанайскому языку примеров, которые можно было бы однозначно интерпретировать как «ОПК с интерпозицией ОИ», не обнаружено. Исследовательница, однако, отмечает, ссылаясь на работу [Malchukov 1996], что в других тунгусо-маньчжурских языках подобные примеры зафиксированы.

В (26) представлена относительная конструкция с внутренней вершиной, в которой релятивизируется подлежащее. Такие конструкции в нанайском языке возможны и при релятивизации других позиций, например прямого дополнения:

- (27) *mii [mapaačan žarem-bə žare-xa-ni] žare-j-i*
я старик песня-ACC петь-PST-3SG петь-PRS-1SG
'Я пою песню, которую пел старик' [Харитонов 2017: 46, элицитация].

В [КНЯ] из 52 примеров, полученных в результате поиска КСА (поисковые запросы были приведены выше), девять предложений относятся к данным промежуточным типам. По своей внутренней синтаксической структуре они совпадают с конструкцией, типичной для оформления КСА, однако по функции являются либо конструкцией с относительным предложением, либо КСС.

4. Согласование субъекта с вершиной зависимой предикации

Как показано в разделе 2, причастие — вершина ЗП — согласуется по лицу и числу со своим субъектом. Если субъекты ЗП и ГП не совпадают или если, в случае относительных предложений, релятивизируется не подлежащее, то причастие оформляется лично-притяжательными показателями (см. примеры (10)—(12)). Иначе обстоит дело при совпадении субъектов. При релятивизации подлежащего в относительном предложении причастие не имеет согласовательного (притяжательного) показателя (ср. (6) и (8)). В КСА и КСС логичным было бы оформление причастия рефлексивным показателем. В КСС это действительно регулярно происходит (см. (5)). В КСА же более частотной оказывается конструкция с безличным причастием, лишенным каких-либо согласовательных показателей, ср. (28) и (29):

- (28) *a tigər=təni žuliə osesi ta-xa-ni=goa naj-sal-či era-g-o-ri-wa*
а тигр=а раньше не.хотеть.PRS делать-PST-3SG=PART человек-PL-DIR нести-REP-IMPS-PRS-ACC
'А тигр сначала не хотел относить (детей) к людям'
[КНЯ, znb_110821_so_LegendaTigrPraroditeljXalat, Троицкое 2011].

- (29) {...} *tyj⁷ axoon-sal muru-psiŋ-ki-či [asi piktə-wə ore-wa tātu-əm-bu-ri-wə]*
тот семья-PL думать-INCH2-PST-3PL жена ребенок-ACC ори-ACC надевать-CAUS-IMPS-PRS-ACC
'Родственники вздумали надеть на девушку ори (кольцо на шею)' [КНЯ, Аврорин 1986, текст 40].

В [КНЯ] обнаружено девять примеров КСА, в которых субъекты ЗП и ГП совпадают. В таблице 2 представлено распределение этих примеров по типу конструкции (безличное причастие или причастие с рефлексивным показателем) и по времени.

Таблица 2. Формы причастий в КСА при кореферентном субъекте (данные [КНЯ])

	Безличное причастие (IMPS)	Причастие с рефлексивом (REFL)
Настоящее время	7	1
Прошедшее время	∅	1

Данные таблицы 2 показывают, что в прошедшем времени зафиксирована только одна конструкция — стандартная, с рефлексивным причастием. В настоящем времени, напротив, чаще встречается менее

⁷ Словарная форма этого местоимения — *təj*. В примере дана запись, соответствующая [Аврорин 1986] и отражающая некоторые фонетические особенности произношения.

ожидаемая конструкция с безличным причастием, хотя в одном примере все же представлена и рефлексивная форма (см. пример (13) в разделе 2.2).

Основная функция безличного причастия в нанайском языке — собственно имперсональная. Оно употребляется, когда субъект по каким-либо причинам отсутствует, как в (30):

- (30) *tətu-wə-č*   *təj* *xoroŋkola* *moo-ži*   *aŋgo-o-xan*
 одежда-ACC-3PL тот дуб   дерево-INS делать-IMPS-PST
 ‘Их одежда из дерева дуба сделана (кто-то сделал их одежду из дуба)’
 [КНЯ, vao_090900_kk&so_gaery, Найхин, 2009].

При этом остальные аргументы сохраняют ту же синтаксическую позицию, что и в личных конструкциях, где субъект выражен. Так, в (30) аргумент ‘их одежда’ остается прямым дополнением.

Безличное причастие может употребляться как в прошедшем, так и в настоящем времени, однако в форме настоящего времени оно приобретает дополнительную модальную функцию [Стойнова 2016: 683]:

- (31) *əj* *sinəži-i*   ... *mapa-wa=tani* *era-go-o-ri*   *žog-či*
 этот бедствовать-PRS   старик-ACC=a   нести-REP-IMPS-PRS дом-DIR
 ‘Этого бедного ... старика нужно отвезти домой’ [КНЯ, nchb_120809_ns_SkazkaDvaStarika, Найхин, 2012].

Вероятно, высокая частотность безличных причастий в СА настоящего времени с кореферентным субъектом объясняется тем, что КСА часто используются для выражения модальных значений (‘захотел сделать X’, ‘должен сделать X’ и под.). Действительно, в предложении (28) употреблен модальный матричный предикат *osese-* ‘не хотеть’, а пример (29) также допускает модальную интерпретацию: ‘Родственники решили, что надо надеть на девушку ори’; к тому же сам предикат ‘решить’ содержит модальный компонент значения.

Однако в единственном примере с рефлексивной формой (13) тоже присутствует модальное значение: ‘наши старики видели, как нужно идти’. Здесь оно выражено глагольным суффиксом долженствования. Вопрос о том, в каких случаях употребляется личное причастие с суффиксом долженствования, а в каких — безличное причастие, требует отдельного исследования, не связанного напрямую с полипредикативными конструкциями.

Показательно, что среди семи примеров с безличным причастием в СА есть один, в котором модальное значение вряд ли можно предположить:

- (32) *Difənti*   *čawa*   *kajra-mi*   [*Sižəkə* *tama-wa*
 Дыфэнты этот.ACC жалеть-CVB.SIM.SG Сидекэ старуха-ACC
naŋgala-go-o-ri-wa]   *turuu-gu-xə-ni*
 бросить.PFV-REP-IMPS-PRS-ACC   остановить-REP-PST-3SG
 {Старуха Сидекэ хотела оставить у себя свою волшебную вещь.} ‘Дыфэнты, жалея эту вещь, отложил свой уход от старухи Сидекэ’ [КНЯ, Аврорин 1986, текст 44].

Наконец, особую группу составляют примеры, промежуточные между КСА и конструкциями, близкими к сложносочиненным (см. раздел 1). В последних цепочка глаголов может быть представлена последовательностью глагольных форм, которые в нанайском языке употребляются как в функции сказуемого, так и в функции причастия. На всех этих глагольных формах, кроме последней, обычно отсутствуют лично-притяжательные показатели:

- (33) *gə* *ənə-xə*   *ičə-xə-ni*   *keokto*   *əgži-wə-ni*
 ну идти-PST видеть-PST-3SG шиповник много-ACC-3SG
 ‘Вот он пошёл и увидел много шиповника’ [КНЯ, nchb_120809_ns_SkazkaDvaStarika, Найхин, 2012].

Интересующие нас промежуточные случаи синтаксически устроены как сочинение клауз, а семантически ближе к КСА:

- (34) *buə* *saa-re-pu*   [*əj* *Maŋbo* *kera-do-a-ni=tani*   *xaj* *taoŋžoan* *xaa-re-ni=goa*]
 мы знать-PRS-1PL этот Амур берег-DAT-OBL-3SG=a что толстолоб причалить-PRS-3SG=PART
 ‘Мы знаем, что к берегу Амура толстолобы пристают’ [КНЯ, nchb_090900_kk&so_Amur, Найхин, 2009].

Так, в (34) есть матричный предикат *saa-* ‘знать’, а вторую клаузу можно семантически интерпретировать как дополнение этого предиката. Вероятно, предложение (34) представляет собой конструкцию, аналогичную прямой речи: ‘Мы знаем: к берегу Амура толстолобы пристают’.

5. Заключение

В нанайском языке наблюдается вариативность в способах оформления субъекта ЗП и в наличии согласования с ним. В (35) собраны все рассмотренные в статье типы конструкций:

(35) Относительные конструкции

Релятивизация подлежащего

препозиция: [...[...PTCP] NP-CASE ...] (6)

постпозиция: [...NP-CASE (...)] [... PTCP-CASE]] (8)

ОК с внутренней вершиной (определяемое имя внутри ЗП):

[... [NP-NOM ... PTCP-CASE-PERS]...] (26)

Релятивизация других позиций

препозиция: [...[NP_i-NOM PTCP-PERS] NP_j-CASE ...] (10)

постпозиция: [... NP_i-CASE (...)] [NP_j-NOM PTCP-CASE-PERS]] (11)

ОК с внутренней вершиной (определяемое имя внутри ЗП):

[...[NP_i-NOM NP_j-CASE PTCP-PERS] ...] (27)

Конструкции с синтаксическими актантами

Один субъект: [NP-NOM [PTCP-CASE-REFL] V] (13), (32)

Модальная интерпретация: [NP-NOM [PTCP-IMPS-CASE] V] (28), (29)

Разные субъекты:

Подъем субъекта ЗП: [NP_i-NOM NP_j-CASE [... PTCP-CASE-PERS] V] (20), (22)

Сочинение клауз/предикатов: [NP_i-NOM PTCP-PERS [NP_j-NOM ... PTCP-PERS]] (34)

Нейтральное: [NP_i-NOM [NP_j-NOM ... PTCP-CASE-PERS] V] (1), (12), (16), (19)

Конструкции с синтаксическими сирконстантами

Разные субъекты:

КСС со значением неожиданности: [[NP_j-NOM ... PTCP-ACC-PERS] NP_i-NOM V] (23), (25)

Нейтральное: [[NP_j-NOM ... PTCP-CASE-PERS] NP_i-NOM V] (15)

Один субъект: [[PTCP-CASE-REFL] NP-NOM V] (5)

Перечень охватывает все полипредикативные конструкции с причастием в вершине зависимой клаузы, проанализированные в статье. Курсивом выделены конструкции, которые отклоняются от наиболее типичных образцов, описанных в разделе 2. Порядок перечисления несколько отличается от принятого в (16): это связано с тем, что промежуточные конструкции располагаются ближе к границам соответствующих групп. Так, КСС со значением неожиданности занимают первую позицию среди КСС, поскольку структурно они близки к нейтральным КСА, а нейтральная КСА, в свою очередь, помещена последней в своей группе. После каждой структурной схемы в круглых скобках указаны номера примеров из статьи, иллюстрирующие данную конструкцию.

Синтаксически относительные конструкции существенно отличаются от КСА и КСС. В относительных конструкциях при релятивизации подлежащего субъект ЗП никак не выражен и не вызывает согласования на причастии — вершине ЗП. При релятивизации других синтаксических позиций субъект ЗП выражается номинативной (или «беспадальной») формой и может, в частности, иметь рефлексивный показатель; при этом субъект ЗП согласуется с причастием — вершиной ЗП. В редких случаях определяемое имя может находиться не в ГП, а в ЗП (ОК с внутренней вершиной); тогда оно оформляется в соответствии со своей синтаксической ролью внутри ЗП. Так, при релятивизации подлежащего оно стоит в номинативе. Синтаксически такие конструкции совпадают с разносубъектными КСА.

В КСА и КСС при кореферентности субъектов ГП и ЗП субъект в ЗП не выражен. Причастие в ЗП при этом оформляется рефлексивом. В КСА в модальных контекстах часто используется безличная форма причастия. При разносубъектности субъект ЗП, как правило, выражается номинативной («беспадальной») формой внутри самой ЗП. Эпизодически в КСА наблюдается подъем субъекта ЗП в главную клаузу; тогда он оформляется в соответствии с синтаксической позицией, занимаемой им в ГП. Иногда в контекстах, типичных для КСА (т. е. с матричными предикатами и семантически связанными с ними «зависимыми» предикациями), употребляются конструкции, синтаксически представляющие собой сочинение глаголов или клауз. В таких случаях причастие в предполагаемых ЗП не получает падежного оформления.

Некоторые из рассмотренных конструкций, отклоняющихся от типичных полипредикативных предложений, уже описывались в литературе по нанайскому языку. Так, относительные конструкции с внутренней вершиной упоминаются в работе [Харитонов 2017], а КСС со значением неожиданности — в диссертации [Герасимова 2006]. В настоящем исследовании, помимо введения ранее не анализирова-

шихся типов (например, конструкций с подъемом или с модальной интерпретацией), все конструкции рассмотрены в единой системе с акцентом на способах маркирования субъекта ЗП.

Следует отметить, что рассмотренные конструкции существенно различаются по частотности употребления. Так, односубъектные КСА с модальным значением употребляются даже чаще, чем «нейтральная» КСА с рефлексивным показателем. Также регулярно в корпусном материале встречаются КСА с сочинением клауз/предикатов и КСС со значением неожиданности, хотя не всегда можно однозначно определить, какой именно тип конструкции представлен. Конструкции с подъемом субъекта ЗП редки: в [КНЯ] обнаружен только один бесспорный пример, поэтому остальные случаи потребовали привлечения дополнительных источников. ОК с внутренней вершиной также довольно редки: в корпусе встретилось семь примеров, причем все они принадлежат одному информанту. ОК с внутренней вершиной при релятивизации не-подлежащих позиций в корпусе не зафиксированы, что, вероятно, объясняется низкой частотностью таких конструкций. Однако материал элицитации в [Харитонов 2017] показывает, что они также возможны.

Сокращения

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	IPFV — имперфектив
ACC — аккузатив	LOC — локатив
ADD — аддитивная частица	NEG — отрицание
ADJ — адъективизатор	NOM — номинатив
CASE — падежный показатель	NP — именная группа
CAUS — каузатив	OBL — косвенный падеж
CVB.COND — условное деепричастие	ORD — порядковое числительное
CVB.NSIM — одновременное деепричастие	PART — частица
CVB.SIM — одновременное деепричастие	PERS — лично-числовой показатель
DAT — датив	PFV — перфектив
DEB — дебитив	PL — множественное число
DES — дезидератив	PRS — настоящее время
DIM — диминутив	PST — прошедшее время
DIR — директив	PTCP — причастие
EMPH — эмфатическая частица	REFL — рефлексив
IMPS — безличность	REP — рефактив
INCH1 — инхоатив <i>-IO</i>	SG — единственное число
INCH2 — инхоатив <i>-psEN</i>	V — глагол
INS — инструменталис	VBLZ — вербализатор

Литература

- Аврорин 1959 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1959.
- Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1961.
- Аврорин 1986 — В. А. Аврорин. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986.
- Герасимова 2006 — А. Н. Герасимова. Полипредикативные конструкции нанайского языка в сопоставлении с ульским. Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2006.
- КНЯ — С. А. Оскольская, А. С. Шрейбер, А. И. Якубой. Корпус нанайского языка. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ, 2024. URL: <https://lingconlab.ru/nanai/>
- Сердобольская и др. 2016 — Н. В. Сердобольская, П. М. Аркадьев, М. В. Шкапа. К типологии подъема и смежных явлений: неканоническое маркирование актантов в актантных и обстоятельственных предложениях // *Rhema*. Рема 2016, 1. С. 74—91.
- Стойнова 2016 — Н. М. Стойнова. Имперсональные конструкции в нанайском языке: актантные преобразования, модальность, хабишуалис // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2016, 12 (1). С. 679—691.
- Стойнова 2018 — Н. М. Стойнова. Контактно-обусловленная реорганизация грамматической системы в ситуации утраты языка: контроль рефлексивов в полипредикации в нанайском языке // *Вопросы языкознания* 2018, 2. С. 71—98.
- Харитонов 2017 — В. С. Харитонов. Относительные предложения в нанайском языке. Магистерская диссертация. М.: МПГУ, 2017.

- Hölzl 2017 — A. Hölzl. Kilen: Synchronic and diachronic profile of a mixed language. Presented at the 24th LIPP Symposium. Language in Contact. Yesterday — Today — Tomorrow. Ludwig-Maximilians-Universität München, 2017.
- Janhunen 2005 — J. Janhunen. Tungusic: an endangered language family in Northeast Asia // International Journal of the Sociology of Language. 2005, 173. P. 37—54.
- Kazama 1995 — S. Kazama. Nanai folktales and legends (Tungusic Language and Culture Studies 5). Otaru: Otaru University of Commerce Language Center, 1995.
- Malchukov 1996 — A. L. Malchukov. Internal relative clauses in Tungusic languages in a synchronic and a diachronic perspective // STUF — Language Typology and Universals. 1996, 49 (4). P. 358—382.
- Oskolskaya, Stoinova 2023 — S. Oskolskaya, N. Stoinova. Ablatives in Nanaic Languages // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2023, 3 (41). P. 71—89.
- Postal 1970 — P. M. Postal. On Coreferential Complement Subject Deletion // Linguistic Inquiry. 1970, 1 (4). P. 439—500.
- Postal 1974 — P. M. Postal. On raising: one rule of English grammar and its theoretical implications (Current Studies in Linguistics Series 5). Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1974.

References

- Avrorin 1959 — V. A. Avrorin. Grammatika nanaiskogo yazyka. T. 1. Moskva; Leningrad: Izd. AN SSSR, 1959. {V. A. Avrorin. A Nanai grammar. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR, 1959.}
- Avrorin 1961 — V. A. Avrorin. Grammatika nanaiskogo yazyka. T. 2. Moskva; Leningrad: Izd. AN SSSR, 1961. {V. A. Avrorin. A Nanai grammar. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR, 1961.}
- Avrorin 1986 — V. A. Avrorin. Materialy po nanaiskomu yazyku i fol'kloru. Leningrad: Nauka, 1986. {V. A. Avrorin. Materials on the Nanai language and folklore. Leningrad: Nauka, 1986.}
- Gerasimova 2006 — A. N. Gerasimova. Polipredikativnye konstruksii nanaiskogo yazyka v sopostavlenii s ul'chskim. Dis. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk: Institut filologii SO RAN, 2006. {A. N. Gerasimova. Polypredicative constructions in Nanai in comparison with Ulcha. PhD Thesis. Novosibirsk: Institute of Philology SD RAS, 2006.}
- Hölzl 2017 — A. Hölzl. Kilen: Synchronic and diachronic profile of a mixed language. Presented at the 24th LIPP Symposium. Language in Contact. Yesterday — Today — Tomorrow. Ludwig-Maximilians-Universität München, 2017.
- Janhunen 2005 — J. Janhunen. Tungusic: an endangered language family in Northeast Asia. In: International Journal of the Sociology of Language. 2005, 173. P. 37—54.
- Kazama 1995 — S. Kazama. Nanai folktales and legends (Tungusic Language and Culture Studies 5). Otaru: Otaru University of Commerce Language Center, 1995.
- Kharitonov 2017 — V. S. Kharitonov. Otnositel'nye predlozheniya v nanaiskom yazyke. Magisterskaya dissertatsiya. Moskva: MPGU, 2017. {V. S. Kharitonov. Relative sentences in Nanai. Master Thesis. Moscow: MPSU, 2017.}
- Malchukov 1996 — A. L. Malchukov. Internal relative clauses in Tungusic languages in a synchronic and a diachronic perspective. In: STUF — Language Typology and Universals. 1996, 49 (4). P. 358—382.
- KNYA — S. A. Oskol'skaya, A. S. Shreiber, A. I. Yakuboi. Korpus nanaiskogo yazyka. Moskva: Mezhdunarodnaya laboratoriya yazykovoi konvergentsii, NIU VSHE, 2024. URL: <https://lingconlab.ru/nanai/> {S. A. Oskolskaya, A. S. Shreiber, A. I. Yakuboy. Corpus of the Nanai language. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, NRU HSE, 2024.}
- Oskolskaya, Stoinova 2023 — S. Oskolskaya, N. Stoinova. Ablatives in Nanaic Languages. In: Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2023, 3 (41). P. 71—89.
- Postal 1970 — P. M. Postal. On Coreferential Complement Subject Deletion. In: Linguistic Inquiry. 1970, 1 (4). P. 439—500.
- Postal 1974 — P. M. Postal. On raising: one rule of English grammar and its theoretical implications (Current Studies in Linguistics Series 5). Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1974.
- Serdobol'skaya i dr. 2016 — N. V. Serdobol'skaya, P. M. Arkad'ev, M. V. Shkapa. K tipologii pod"ema i smezhnykh yavlenii: nekanonicheskoe markirovanie aktantov v aktantnykh i obstoyatel'stvennykh predlozheniyakh. In: Rhema. Rema 2016, 1. S. 74—91. {N. V. Serdobolskaya, P. M. Arkadyev, M. V. Shkapa. Towards the typology of raising and related phenomena: non-canonical marking of arguments in argument clauses. In: Rhema. Rema 2016, 1. P. 74—91.}
- Stoinova 2016 — N. M. Stoinova. Impersonal'nye konstruksii v nanaiskom yazyke: aktantnye preobrazovaniya, modal'nost', khabitualis. In: Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN. 2016, 12 (1). S. 679—691. {N. M. Stoinova. Impersonal in Nanai. In: Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies RAS. 2016, 12 (1). P. 679—691.}
- Stoinova 2018 — N. M. Stoinova. Kontaktno-obuslovlennaya reorganizatsiya grammaticheskoi sistemy v situatsii utraty yazyka: kontrol' reflektivov v polipredikatsii v nanaiskom yazyke. In: Voprosy yazykoznaniya. 2018, 2. S. 71—98. {N. M. Stoinova. Reflexives in dependent clauses in Modern Nanai: Contact-induced structural change and language attrition. In: Topics in the study of language. 2018, 2. P. 71—98.}

Семантика конструкций со значением всеобщности в малокарачкинском говоре чувашского языка в типологической перспективе

Русских Алина Алексеевна, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва); allruss@list.ru

Настоящая статья посвящена конструкциям со значением всеобщности в малокарачкинском говоре чувашского языка. В рассматриваемом говоре выделяются пять универсальных кванторных слов — *por*, *mēnbor*, *pēdēm*, *kazni* и *vec*, — которые могут сочетаться с аддитивной и эмфатической клитиками, посессивным показателем или инструментальным падежом. Мы описываем семантическую дистрибуцию конструкций со значением всеобщности, учитывая вклад как лексических, так и грамматических элементов. В основе анализа лежит классификация ключевых кванторных значений, предложенная в типологическом исследовании [Татевосов 2002].

Анализ конструкций со значением всеобщности показывает, что универсальные кванторные слова задают базовое распределение между зонами универсальной квантификации, тогда как грамматические элементы накладывают дополнительные ограничения. Конструкции с аддитивной клитикой не используются для кодирования универсальной квантификации с едиными сущностями. Посессивный маркер, выполняющий функцию показателя определённости, не употребляется в генерических контекстах, несовместимых с определённым референциальным статусом множества. Инструментальный маркер служит для обозначения полного охвата неодушевлённых целостных объектов.

Мы уточняем классификацию универсальных кванторных значений за счёт выделения промежуточной зоны, включающей неисчисляемые, собирательные и абстрактные имена, которые демонстрируют переходные свойства между квантификацией множеств и единых объектов. Учёт этих значений позволяет показать, что с точки зрения кодирования универсальной квантификации различные промежуточные типы значений образуют континуум между множествами и едиными объектами.

Ключевые слова: универсальная квантификация, аддитивная частица, чувашский язык, тюркские языки

UNIVERSAL QUANTIFICATION IN POSHKART CHUVASH IN TYPOLOGICAL PERSPECTIVE

Alina A. Russkikh, HSE University (Moscow); allruss@list.ru

This paper examines constructions that express universal quantification in the Poshkart variety of the Chuvash language. This variety has five quantifier words for universals: *por*, *mēnbor*, *pēdēm*, *kazni*, and *vec*. These words may combine with an additive or emphatic clitic, a possessive marker, or the instrumental case. The paper describes the semantic distribution of universal constructions, taking into account the contributions of both lexical items and grammatical markers. The analysis is grounded in the typological classification of core quantificational meanings proposed by Tatevosov [2002].

The study shows that universal quantifier words establish the primary division across major domains of universal quantification, while grammatical elements introduce additional semantic restrictions. Constructions with the additive clitic do not encode universal quantification over single entities, as they require semantic plurality. The possessive marker functions as a marker of definiteness and is excluded from generic contexts, which are incompatible with a definite referential interpretation of the set. The instrumental marker expresses exhaustive coverage of inanimate holistic entities.

We refine the classification of universal quantificational meanings by identifying an intermediate domain comprising mass, collective, and abstract nouns, which exhibit transitional properties between quantification over sets and over single entities. Recognizing this domain clarifies the semantics of individual elements of the constructions and shows that universal quantification is organized along a continuum between sets and single entities.

Keywords: universal quantification, additive particle, Chuvash, Turkic languages

Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Мы выражаем искреннюю благодарность М. А. Холодиловой и участникам чувашской экспедиции за ценные советы и обсуждения в процессе работы над исследованием, а также двум анонимным рецензентам — за внимательное прочтение текста. Мы также признательны всем жителям села Малое Карачкино, без чьей помощи эта статья не была бы написана.

1. Введение

Настоящая статья посвящена описанию семантических свойств конструкций со значением всеобщности в малокарачкинском говоре чувашского языка (< болгарские < тюркские). В рассматриваемом говоре семантика таких конструкций и их дистрибуция прежде не были систематически описаны.

В малокарачкинском говоре чувашского языка можно выделить пять универсальных кванторных слов (далее также УКС и кванторное слово), которые используются для квантификации множеств и совокупностей: *por* 'все', *mën-bor* [что-все] 'все', *pëdëm* 'весь, все', *kažni* 'каждый' и *vee* 'всё'. Каждое из них может входить в состав различных конструкций. Однако, как будет показано ниже, семантическая дистрибуция конструкций со значением всеобщности определяется не только выбором кванторного слова, но и взаимодействием грамматических элементов, входящих в состав конструкции, — аддитивной и эмфатической клитик, посессивного показателя и инструментального маркера.

Ключевыми понятиями при описании семантики конструкций со значением всеобщности выступают (не)исчисляемость и (не)дискретность кодируемых объектов, множеств и совокупностей. В основе анализа лежит классификация кванторных значений, предложенная в типологическом исследовании [Татевосов 2002], где принципиальным является противопоставление множеств индивидов и единичных целостных объектов, а также различие их референциального статуса. В настоящей работе эта классификация уточняется: выделяется промежуточная зона, включающая неисчисляемые, собирательные и абстрактные имена, которые демонстрируют переходные свойства между квантификацией множеств и квантификацией единичных объектов.

Статья структурирована следующим образом. В разделе 2 приведены общие сведения о рассматриваемом идиоме и методологии исследования. Раздел 3 посвящён анализу семантических зон, охватываемых конструкциями со значением всеобщности, прежде всего в соответствии с классификацией [Татевосов 2002]. Раздел 4 содержит инвентарь универсальных кванторных конструкций малокарачкинского говора чувашского языка. Раздел 5 посвящён их семантической дистрибуции. В разделе 6 обсуждается семантический и синтаксический вклад грамматических элементов, входящих в состав этих конструкций. В разделе 7 уточняется использование данных конструкций в промежуточных зонах, включающих неисчисляемые, собирательные и абстрактные имена. В заключении основные результаты исследования анализируются в типологической перспективе.

2. Малокарачкинский говор чувашского языка

В чувашском языке традиционно выделяют два основных диалекта: верховой (*вирьял*) на севере, более архаичный, и низовой (*анатри*) на юге [Канюкова 1965: 8; Савельев 2014]. В ряде работ по чувашской диалектологии выделяется также группа средних говоров (см., например, [Ашмарин 1960: 55; Кузнецов 2018] и др.), которая некоторыми исследователями рассматривается как переходная [Канюкова 1965: 8]¹. Различия между верховым и низовым диалектами отмечаются как в фонологии, так и в морфонологии и морфосинтаксисе [Савельев 2014]. Литературный язык основан на низовом диалекте, и большинство чувашских грамматик и словарей посвящены его описанию. Малокарачкинский (пошкартский) говор чувашского языка, который рассматривается в настоящей работе, относится к верховому диалекту. С одной стороны, он демонстрирует ряд характерных для верховых говоров черт (оканье, алломорфы множественного числа *sam/sem* и др.); с другой стороны, в нём отмечаются некоторые особенности, несвойственные верховому диалекту (например, сохранение посессивных суффиксов)². Первое описание основных черт этого говора принадлежит Н. И. Ашмарину [Ашмарин 1898: 344—392].

Материал для настоящего исследования был собран методом элицитации в ходе работы с коренными жителями с. Малое Карачкино (или с. Пошкарт). В ряде случаев мы также обращались к данным устного

¹ Так, А. В. Савельев отмечает, что рассматриваемая группа говоров объединяет диалекты с разными чертами и для уточнения их статуса требуется полевая работа: «Представляется, что статус “переходных говоров” остается неясным, многие из них могут быть идентифицированы как верховые или низовые, но для решения этого вопроса необходимы новые диалектологические экспедиции» [Савельев 2014: 30].

² В [Johanson 2000] эти отличия пошкартского чувашского объясняются значительным влиянием на него горномарийского языка и возможным наличием марийского субстрата. О. А. Мудрак предлагает альтернативную точку зрения, согласно которой малокарачкинский говор отделился от общечувашского ещё до разделения на низовой и верховой диалекты; отличительные особенности малокарачкинского говора при таком подходе рассматриваются как сохранившиеся в нем архаические черты [Мудрак 1993]. В [там же] не отрицается влияние марийских идиомов на малокарачкинский говор чувашского языка, однако отмечается, что оно ограничилось преимущественно лексическими заимствованиями.

корпуса [Логвинова и др. 2024]. Село Малое Карачкино (Ядринский муниципальный округ Чувашской Республики) находится на границе с Республикой Марий Эл. Основное население составляют чуваша, а также марийцы. Для удобства в статье принята следующая конвенция записи: примеры из стандартного чувашского приводятся кириллицей (в соответствии с традицией грамматических описаний), тогда как примеры из малокарачкинского говора даются латиницей³.

3. Семантические зоны универсальных кванторов в типологической перспективе

Ключевым для описания семантики конструкций со значением всеобщности является противопоставление множеств индивидов единичным целостным объектам. При анализе их семантических свойств будут также рассматриваться свойства составляющей, которую они квантифицируют. Выделение основных кванторных значений опирается на классификацию, предложенную в типологическом исследовании [Татевосов 2002]. Особое внимание будет уделено кодированию универсальной квантификации с выражениями, занимающими промежуточное положение, такими как субстанции и собирательные имена (см. раздел 7).

На основе типологического исследования разноструктурных языков С. Г. Татевосов выделяет в этой работе три основных кванторных значения: GEN-квантификация (от англ. *generic*), DEF-квантификация (от англ. *definite*) и CMP-квантификация (от англ. *completeness*). Первые два типа (GEN и DEF) кодируют дискретные множества индивидов, в то время как CMP-квантификация — единые целостные объекты. В качестве единых целостных объектов рассматриваются как семантически множественные объекты, так и объекты, обладающие сложной внутренней структурой, например ‘дом’ и ‘стадо’ [там же: 115].

Различие между GEN- и DEF-квантификацией заключается в референциальном статусе множества: DEF-квантификация используется для квантификации определённых множеств, а GEN-квантификация кодирует генерические множества индивидов, т. е. объединение всех возможных экстенционалов называемого объекта. Под определённым множеством понимается такое множество, для каждого индивида которого (либо для множества в целом) слушающий может установить его референциальную идентичность [там же: 111]. Из этого следует, что все элементы релевантного множества должны быть вовлечены в ситуацию, а само множество должно находиться «в поле зрения участников коммуникации» [там же: 112]. Так, в примере (1) УКС *все* кодирует множество, каждый участник которого задан в левом контексте и поэтому имеет определённый референциальный статус; этот статус может быть распространён на множество в целом.

- (1) {У Маши есть трое детей — Вася, Петя и Маша.}
Все дети уже учатся в школе.

В отличие от определённых множеств, генерические множества не описывают частные или эпизодические ситуации. Они используются в составе характеризующих высказываний и являются истинными по отношению к любому возможному индивиду, который может и не существовать в актуальном мире [там же: 113]. Так, в примере (2) речь идет не обязательно о существующих медведях, но о любых — в прошлом, будущем и даже вымышленных.

- (2) *Все медведи — опасные и хищные животные.*

Обобщение и примеры каждого вида квантификации представлены в таблице 1.

Таблица 1. Свойства основных кванторных значений (по [Татевосов 2002])

GEN-квантификация	DEF-квантификация	CMP-квантификация
Множество дискретных индивидов		Единый целостный объект
Объединение всех возможных экстенционалов называемого объекта	Определённый референциальный статус	
<i>Все люди дышат.</i>	<i>Все мои дети ходят в школу.</i>	<i>Весь дом сгорел.</i>

³ Система записи была разработана в студенческих чувашских экспедициях под руководством М. А. Холодиловой, первая из которых состоялась в 2017 г. В нашей системе записи редуцированный задний гласный передается символом *ə*, а редуцированный передний — символом *ĕ*.

Согласно этой работе, одно и то же кванторное слово может кодировать несколько значений. В связи с этим выделяется несколько типологически возможных конфигураций совмещения рассматриваемых значений (см. рис. 1).

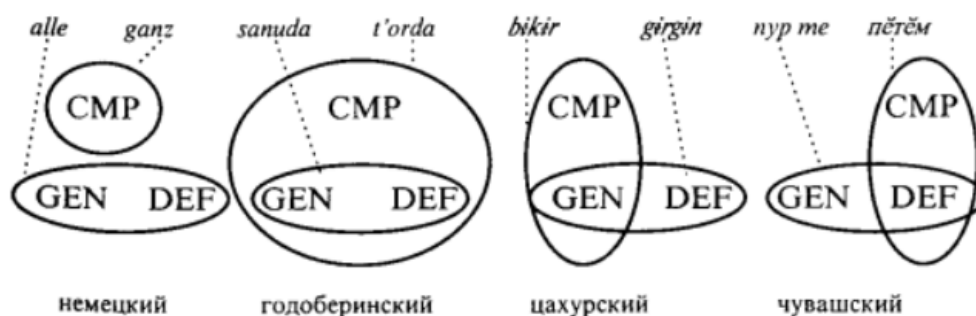

Рис. 1. Типологически возможные конфигурации [Татевосов 2002: 131]

Одной из наиболее типологически распространенных конфигураций является использование разных средств для кодирования множеств индивидов и единых объектов [там же: 131—133]. В таких языках одно кванторное слово совмещает кодирование DEF- и GEN-квантификации, а другое используется для кодирования CMP-квантификации: например, в немецком *ganz* служит исключительно для квантификации целостных объектов (сущностей), тогда как *alle* кодирует определённые и генерические множества. Также отмечаются случаи, когда в языке один универсальный квантор совмещает все три значения, и наряду с ним существует специализированное кванторное слово для кодирования множеств (например, в годоберинском). Типологически более редки ситуации, когда УКС одновременно кодирует CMP и DEF- или GEN-квантификацию (например, в цахурском и низовом (литературном) говоре чувашского). Как будет показано далее, дистрибуция УКС в малокарачкинском говоре чувашского языка отличается от конфигурации, представленной в монографии С. Г. Татевосова для рассматриваемого в ней варианта чувашского (см. раздел 5.4 и рис. 3 в заключении). Помимо конфигураций, отраженных на рис. 1, существуют немногочисленные языки, в которых для кодирования DEF-квантификации используется отдельное средство, такое как УКС *each* в английском языке [там же: 182].

Важно отметить, что в цитируемой работе не зафиксировано ни одного языка, в котором для каждой из трёх основных кванторных зон использовалось бы отдельное средство. Вместе с тем чаще всего противопоставляется кодирование множеств индивидов и кодирование единых объектов: почти во всех рассматриваемых в этой работе языках имеется отдельное УКС, кодирующее множества индивидов независимо от их референциального статуса. Это соответствует и результатам настоящего исследования.

Отдельный интерес представляет кодирование универсальной квантификации выражениями, занимающими промежуточное положение. К промежуточным случаям относятся разные неисчисляемые имена: гомогенные совокупности ('вода'), абстрактные понятия ('радость') и др. [там же: 122]. Эти случаи не образуют отдельной семантической зоны, поскольку для кодирования универсальной квантификации с неисчисляемыми именами обычно используются те же средства, что и для CMP- или DEF- и GEN-квантификации. Кроме того, в отличие от оппозиции единых сущностей и множеств индивидов, противопоставление исчисляемых и неисчисляемых имён часто оказывается специфичным для каждого отдельного языка и типологически плохо предсказуемым [Wierzbicka 1988: 51]. В разделе 7 нами будет предпринята попытка уточнить эту зону в малокарачкинском говоре чувашского языка, а также описать дистрибуцию в ней конструкций со значением всеобщности, опираясь на исследования, посвященные семантической мотивированности (не)исчисляемости.

4. Инвентарь конструкций со значением всеобщности

В малокарачкинском говоре чувашского языка можно выделить пять универсальных кванторных слов, которые используются в различных конструкциях для квантификации множеств и совокупностей: *por* 'все', *měn-bor* [что-все] 'все', *pědēm* 'весь, все', *kazni* 'каждый' и *ves* 'всё'. Понятие конструкции трактуется в настоящей работе широко — в русле идей грамматики конструкций, предполагающих неразрывность элементов разных уровней⁴. Помимо собственно кванторного слова, в состав конструкции могут входить показатели посессивности, инструментального падежа, а также аддитивные или эмфати-

⁴ Подробнее о подходе см. [Goldberg 2003].

ческие частицы. В зависимости от типа конструкции эти элементы могут быть как обязательными, так и факультативными. Вместе с тем важно указать, что в качестве части конструкции не учитывались маркеры, привносящие дополнительное значение помимо универсальной квантификации. В этом разделе мы кратко охарактеризуем все элементы, используемые в конструкциях с универсальными кванторами, и представим перечень конструкций, рассматриваемых в данном исследовании.

Приведенные выше универсальные кванторные слова не являются специфичными для малокарачклинского говора — они представлены также в литературном чувашском языке, в некоторых случаях с незначительными фонетическими различиями. Универсальный квантор *por* ‘все’ (литературный вариант — *пур*) восходит к слову **бар* ‘есть, имеется’ [Гаджиева, Серебренников 1986: 37]. Образование УКС от экзистенциальной связки характерно и для других тюркских языков, ср. кирг. *бар-ы* [все-Р_3] ‘все’ и тат. *бар-лык* [все-ADJ] ‘все’ [там же]. Слово *por* входит в состав еще одного кванторного слова, образованного с помощью вопросительного местоимения *mën* ‘что’ и имеющего вид *mën-bor* [что-все] ‘все’ в малокарачклинском говоре и *мён-пур* [что-все] ‘весь, всё, что имеется’ в литературном чувашском [Павлов и др. 1957: 142]. Квантор *pëdëm* ‘весь, все’ происходит от глагола *nëm* ‘кончатся’ и совпадает с литературным вариантом *нётём* [там же]. Кроме того, как в верховых, так и в низовых диалектах чувашского употребляются два заимствованных кванторных слова из русского — *kazni* ‘каждый’ и *ves* ‘всё, все, весь’, в литературном чувашском *кашни* и *веш* соответственно [там же: 142—143].

В ряде конструкций со значением всеобщности используется также **посессивный показатель** 3-го лица единственного числа. В малокарачклинском говоре он представлен алломорфами *-i*, *-ə* и *-ë* (проблема распределения этих алломорфов в рассматриваемом идиоме подробно обсуждается в [Логвинова 2019]). В низовых говорах чувашского языка также отмечается участие посессивных показателей в образовании конструкций со значением всеобщности [Павлов и др. 1957: 141—143]. Так, с помощью посессивного показателя 3-го лица образуется УКС *пур-ë* [все-Р_3] ‘весь, всего’ от квантора *пур* ‘все, всякий’, а с помощью показателей множественного числа 1-го и 2-го лица — формы *пурámар та* ‘все мы’ [все-Р_1PL] и *пур-сър та* ‘все вы’ [все-COL.P_2]. В отличие от литературного чувашского, в малокарачклинском говоре отсутствуют формы, образованные с помощью личных показателей множественного числа 1-го и 2-го лица — **por-əmar* [все-COL.P_1PL] и **por-zər* [все-COL.P_2PL]; в связи с этим далее речь пойдет исключительно о посессивном аффиксе 3-го лица единственного числа.

В двух конструкциях со значением универсальной квантификации в малокарачклинском говоре чувашского языка используется показатель **инструментального падежа** *-pa* и его алломорфы. Данный падеж на *-pa/-pe* развился на основе прототюркского послелого и является новообразованием [Мудрак 2009: 39—42; Савельев 2014: 254—255]. Его особенность заключается в том, что он может употребляться как в сочетании с универсальным кванторным словом, так и — при ограниченной семантической дистрибуции — непосредственно после существительного с посессивным показателем.

Типологически широко распространено использование аддитивных и эмфатических клитик в конструкциях со значением универсальной квантификации (подробнее см. раздел 6.1). В чувашском языке аддитивная клитика *=ta* (алломорфы — *=te*, *=da*, *=de*) представляет собой многофункциональный показатель, центральным значением которого является простая аддитивность (‘тоже’), см. пример (3). Эмфатическая клитика *=ak* (алломорфы — *=ek/=k*), пример (4), также используется в ряде функций; основное значение — маркирование эмфатического утверждения идентичности, т. е. утверждения идентичности аргумента пропозиции с аргументом другой, контекстно заданной пропозиции [König 1991: 120—132] (ср. с рус. *же*). Обе частицы участвуют в образовании различных конструкций со значением всеобщности в малокарачклинском говоре чувашского языка.

(3) *ep=te kil-ë-p.*

я=ADD прийти-FUT-1SG

‘Я тоже приду’.

(4) *rajon-dan jer-ze bar-tə-əc pëdsetateli xa-mər jal ei-n-e=k.*

район-OBL пускать-CV_SIM отправить-PST-3PL председатель сам-Р_1PL деревня верх-OBJ-Р_3=EMPH

‘С района отправили председателя, жителя нашего же села’ [Логвинова и др. 2024].

Инвентарь конструкций в малокарачклинском говоре представлен в таблице 2. Если элемент опционален для той или иной конструкции, он приводится в скобках. Все конструкции, кроме одной, содержат универсальное кванторное слово. В разделе 6 будет показано, что грамматические маркеры — аддитивная и эмфатическая частицы, посессивный показатель и инструментальный аффикс — неравнозначны по своему статусу: одни участвуют преимущественно в синтаксическом оформлении кванторного выражения, другие же вносят самостоятельный семантический вклад, ограничивая семантическую дистри-

буцию конструкции. В связи с тем, что настоящая работа посвящена семантике конструкций со значением всеобщности, их морфосинтаксические свойства систематически не описываются⁵. Однако в некоторых случаях, когда это необходимо для уточнения вклада отдельных элементов или описания их дистрибуции с теми или иными УКС, мы кратко обсуждаем их роль в синтаксическом оформлении конструкции.

Таблица 2. Инвентарь конструкций в малокарачкинском говоре чувашского языка

Конструкция	УКС				
	<i>por</i>	<i>mėnbor</i>	<i>pėdėm</i>	<i>kazni</i>	<i>vee</i>
UQ	—	—	—	—	<i>vee</i>
UQ X	—	<i>mėnbor X</i>	<i>pėdėm X</i>	<i>kazni X</i>	—
UQ X=ADD	<i>por X=ta</i>	<i>mėnbor X(=ta)</i>	<i>pėdėm X(=ta)</i>	<i>kazni X(=ta)</i>	—
UQ=ADD	<i>por=da</i>	—	—	—	—
UQ-P_3=ADD	<i>porⁱ-ə=da / por=d'a</i>	—	—	—	—
UQ-P_3 X=ADD	<i>por-ė X=ta</i>	—	—	—	—
UQ-INS(=EMPH)	—	—	<i>pėdėm-be(k)</i>	—	—
UQ=EMPH	—	—	—	<i>kaznij=ek</i>	<i>vez=ek</i>
X-P_3-INS	—	—	—	—	—

5. Семантическая дистрибуция конструкций со значением всеобщности в малокарачкинском говоре чувашского языка

В настоящей главе рассматривается дистрибуция конструкций со значением всеобщности в зонах DEF-, GEN- и CMP-квантификации [Татевосов 2002], соответствующих определённым множествам индивидов, генерическим множествам и единым целостным объектам. Анализ ограничен конструкциями, участвующими в квантификации на уровне именной группы. К ним относятся все перечисленные в главе 4 конструкции, за исключением *vee / vez=ek* и *pėdėm-be(k)*, использующихся адвербиально (подробнее см. раздел 6.1.2). Это обусловлено тем, что универсальные кванторы, входящие в состав глагольной группы, могут осуществлять квантификацию как над событиями, так и над индивидами (см. [Lewis 1975]) и поэтому оказываются допустимыми во всех рассматриваемых контекстах.

В разделе 5.1 обсуждаются конструкции, совмещающие кодирование DEF- и GEN-квантификации, т. е. выражающие значение всеобщности в отношении определённых и генерических множеств. В разделе 5.2 анализируются конструкции с УКС *pėdėm* ‘весь’, которое обладает наиболее широкой дистрибуцией и может использоваться для кодирования всех трёх основных зон — DEF-, GEN- и CMP-квантификации. В разделе 5.3 описывается специализированная конструкция с посессивным показателем и инструментальным падежом, служащая для кодирования CMP-квантификации и ограниченная употреблением с неодушевлёнными целостными объектами. Наконец, в разделе 6 будет отдельно представлен анализ вклада грамматических элементов в формирование конструкций со значением всеобщности, а именно использование аддитивной и эмфатической частиц, посессивного показателя и инструментального падежа.

5.1. Совмещённое кодирование DEF- и GEN-квантификации

В малокарачкинском говоре чувашского языка для кодирования определённых и генерических множеств используются специализированные конструкции, которые не могут кодировать универсальную квантификацию с едиными объектами: конструкции с *mėn-bor* [что-все] ‘все’, конструкции с *kazni* ‘каждый’, конструкции с *por* ‘все’ с контактными и неконтактными следованием аддитивной клитики.

⁵ Для описания морфосинтаксических свойств конструкций со значением всеобщности в малокарачкинском говоре чувашского языка важны такие параметры, как порядок слов, возможность дрейфа квантора, наличие или отсутствие множественного числа на именной группе, а также согласование по числу с глаголом или его отсутствие. Если иное не оговаривается специально, было проверено, что перечисленные параметры не влияют на допустимость конструкции и не изменяют её семантику.

Все перечисленные конструкции обладают одинаковой дистрибуцией. При отсутствии посессивного аффикса они не различают референциальный статус множества и могут употребляться как в определённых, так и в генерических контекстах, ср. примеры (5) и (6) с разными УКС соответственно:

- (5) {У меня трое детей.}
- a. *měn-bor atɛa / atɛa=da ʂkol-a ɕør-et.*
 что-все ребенок ребенок=ADD школа-OBJ ходить-NPST[3SG]
 ‘Все дети ходят в школу’.
- b. *kaʒni atɛa / atɛa=da ʂkol-a ɕør-et.*
 каждый ребенок ребенок=ADD школа-OBJ ходить-NPST[3SG]
 ‘Каждый ребенок ходит в школу’.
- c. *por atɛa=da ʂkol-a ɕør-et.*
 все ребенок=ADD школа-OBJ ходить-NPST[3SG]
 ‘Все дети ходят в школу’.
- d. *atɛa-zam por=da ʂkol-a ɕør-eteĕ.*
 ребенок-PL все=ADD школа-OBJ ходить-NPST[3PL]
- (6) {Дыхание — обязательный физиологический процесс для людей.}
- a. *měn-bor ɕin / ɕin=da syl-et.*
 что-все человек человек =ADD дышать-NPST[3SG]
 ‘Все люди дышат’.
- b. *kaʒni ɕin / ɕin=da syl-et.*
 каждый человек человек =ADD дышать-NPST[3SG]
 ‘Каждый человек дышит’.
- c. *por ɕin=da syl-et.*
 все человек=ADD дышать-NPST[3SG]
 ‘Все люди дышат’.
- d. *ɕin-zam por=da syl-eteĕ.*
 человек-PL все=ADD дышать-NPST[3PL]
 ‘Все люди дышат’.

Пример (7) показывает, что, несмотря на использование рассматриваемых УКС для кодирования универсальной квантификации множеств, конструкции с этими УКС невозможны при кодировании единых целостных объектов.

- (7) **por / *měn-bor / *kaʒni pørte-ĕ ɕon-za gai-za.*
 все что-все каждый дом-Р_3 гореть-CV_SIM уходить-CV_SIM
 ‘Весь дом сгорел’.

5.2. Совмещённое кодирование DEF-, GEN- и CMP-квантификации

Конструкция с кванторным словом *pĕdĕm* ‘весь’ обладает наиболее широкой дистрибуцией в малочкарачкском говоре чувашского языка: оно может использоваться для кодирования как множеств индивидов, так и единых целостных объектов. Конкретное значение конструкции с УКС *pĕdĕm* определяется контекстом. Так, пример (8) допускает две интерпретации:

- (8) *pĕdĕm pørte-ĕ ɕon-za gai-za.*
 весь дом-Р_3 гореть-CV_SIM уходить-CV_SIM
 ‘Весь дом сгорел’.
 ‘Все дома сгорели’.

Ниже представлены примеры употребления конструкции с *pĕdĕm* для кодирования DEF- и GEN-квантификации (см. (9)—(10) соответственно). В случае, если конструкция с УКС *pĕdĕm* кодирует универсальную квантификацию множества индивидов, возможно факультативное использование аддитивной частицы. Для кодирования CMP-квантификации использование конструкции с аддитивной клитикой невозможно (11), ср. с допустимыми интерпретациями в (8).

- (9) {У меня трое детей.}
- pĕdĕm atɛa=da / atɛa ʂkol-a ɕør-et.*
 весь ребенок=ADD ребенок школа-OBJ ходить-NPST[3SG]
 ‘Все дети ходят в школу’.

- (10) {Дыхание — обязательный физиологический процесс для людей.}
pëdëm ein=da / ein syl-et.
 весь человек=ADD человек дышать-NPST[3SG]
 ‘Все люди дышат’.
- (11) *pëdëm pørte-ë=de son-za gai-za.*
 весь дом-P_3=ADD гореть-CV_SIM уходить-CV_SIM
 *‘Весь дом сгорел’⁶.
 ‘Все дома сгорели’.

5.3. Кодирование CMP-квантификации

В малокарачкинском говоре чувашского языка также имеется специализированное средство для квантификации единых целостных объектов — это конструкция, включающая посессивный показатель и маркер инструментального падежа, как в (12). При квантификации множеств подобная конструкция носителями не допускается, ср. с (13).

- (12) *oml-i-be xërlë.*
 яблоко-P_3-INS красный
 ‘Всё яблоко красное’.
- (13) **atë-i-be / *atë-i-zem-be škol-a eør-et.*
 ребенок=P_3-INS ребенок=P_3-PL-INS школа-OBJ ходить-NPST[3SG]
 Ожид.: ‘Все дети ходят в школу’.

Данная конструкция отличается от других дополнительными семантическими ограничениями. В отличие от всех остальных кванторных выражений, она может использоваться только в зоне CMP-квантификации для кодирования полного охвата неодушевлённых целостных объектов, ср. (12) и запрет на её употребление в (14).

- (14) **atë-i-be xërë-le-ze ka-r-ë.*
 ребенок-P_3-INS красный-VBZ-CV подходить-PST-3SG
 Ожид.: ‘Ребенок покраснел целиком’.

5.4. Семантика конструкций со значением всеобщности

Исследование конструкций со значением всеобщности в малокарачкинском говоре чувашского языка позволяет сделать вывод, что УКС *mënbör* ‘все’, *kažni* ‘каждый’ и *por* ‘все’ используются для кодирования множеств индивидов вне зависимости от их референциального статуса — DEF- и GEN-квантификации, в то время как УКС *pëdëm* ‘весь’ обладает наиболее широкой семантической дистрибуцией и совмещает все три значения — DEF-, GEN- и CMP-квантификации. Согласно [Татевосов 2002: 131], такая конфигурация типологически распространена⁷. Вместе с тем необычным является наличие отдельной конструкции для кодирования единых неодушевлённых объектов внутри CMP-зоны. В малокарачкинском говоре эту функцию выполняет конструкция с посессивным показателем и инструментальным падежом (*X-ə-ba*), которая систематически используется для обозначения полного охвата с неодушевлёнными объектами.

6. Роль грамматических элементов в образовании конструкций со значением всеобщности

В типологическом исследовании универсальной квантификации [Татевосов 2002] основное внимание уделяется лексическим средствам выражения всеобщности и их семантической дистрибуции. Такой подход позволяет описать распределение значений между различными кванторными словами, но оказывается недостаточным для языков, где универсальное значение формируется не только лексически, но и на уровне конструкции. В малокарачкинском говоре чувашского языка наряду с универсальными кван-

⁶ Здесь и далее звёздочка возле перевода обозначает недопустимость такой интерпретации.

⁷ Частотное в языках мира совмещенное кодирование CMP-, DEF- и GEN-квантификации может объясняться тем, что по крайней мере в ряде случаев фиксируется диахроническое развитие значения ‘все’ из значения ‘весь, целый’ [Haspelmath 1995: 366].

торными словами существенную роль играют грамматические маркеры — аддитивная и эмфатическая частицы, посессивный показатель и инструментальный аффикс, которые систематически используются для выражения значения всеобщности в составе различных конструкций. В данном разделе мы последовательно опишем вклад каждого маркера.

6.1. Аддитивная и эмфатическая частицы в конструкциях со значением всеобщности

В малокарачклинском говоре УКС делятся на две группы: к первой может присоединяться (обязательно или опционально) аддитивная клитика, а ко второй — эмфатическая. К УКС *por* ‘все’, *mënbor* ‘все’, *pëdëm* ‘весь’ и *kazni* ‘каждый’ с выраженной именной группой присоединяется аддитивная клитика, в то время как с УКС *veç* ‘всё, все, весь’, *pëdëm-be* [весь-INS] ‘целиком’ и *kazni* ‘каждый’ в позиции вершины используется эмфатическая частица.

В типологической литературе отмечается, что **аддитивные частицы** нередко участвуют в выражении универсальной квантификации и формально связаны с союзами и универсальными кванторами [Gil 2004; Szabolcsi 2015]. В некоторых языках, например в сингапурском варианте путунхуа, кванторные слова могут одновременно функционировать как аддитивные частицы [Вао 2015: 57]. Д. Гил [Gil 2004: 389] показывает, что универсальные кванторы могут быть исторически связаны с клитиками, использующимися в качестве союза и/или аддитива. Семантическая связь между универсальными кванторами и аддитивностью объясняется тем, что они оба содержат операторы конъюнкции [Szabolcsi 2015: 33]: универсальные кванторы способствуют распределению по конъюнктам, в то время как аддитивное значение предполагает конъюнкцию между предложением, содержащим аддитив, и альтернативой, которая находится в пресуппозиции.

Несмотря на то что использование аддитивной клитики с УКС типологически более распространено, конструкции с **эмфатической клитикой** также допустимы и встречаются, например, в горном и луговом марийском и хеттском языках [Закирова 2019: 54].

В настоящем разделе рассматриваются синтаксические и семантические свойства аддитивной и эмфатической клитик в конструкциях со значением всеобщности, а также особенности их дистрибуции в малокарачклинском говоре чувашского языка.

6.1.1. Дистрибуция аддитивной клитики с УКС в малокарачклинском чувашском

Использование аддитивной клитики в конструкциях с разными универсальными кванторными словами определяется как её синтаксическими, так и семантическими свойствами. В этом разделе мы рассмотрим сочетаемость аддитива с различными УКС, позиции, которые она занимает в конструкции, а также влияние наличия или отсутствия клитики на интерпретацию высказывания. Особое внимание уделяется контрасту между обязательным использованием клитики с *por* ‘все’ в контекстах DEF- и GEN-квантификации и её факультативным появлением с другими кванторными словами — *mënbor* ‘все’, *pëdëm* ‘весь все’ и *kazni* ‘каждый’. Единственное кванторное слово, использование с которым аддитива недопустимо, — УКС *veç* ‘всё’. Это объясняется, по-видимому, синтаксическими ограничениями на использование аддитивов с наречиями и составляющими глагольной группы, кратко обсуждаемыми в разделе 6.1.2.

В малокарачклинском чувашском в большинстве конструкций аддитивная частица необязательна. С УКС *mënbor* ‘все’, *pëdëm* ‘весь’ и *kazni* ‘каждый’ носители рассматривают конструкции с аддитивной клитикой и без неё как взаимозаменяемые и отмечают отсутствие разницы между ними, см., например, (15) с УКС *mënbor*. Однако с УКС *por* при кодировании множеств аддитивная клитика, напротив, обязательна⁸ (см. (16)).

(15) *mën-bor atëa=da* / *atëa gi-ze*.
что-все ребенок=ADD ребенок прийти-CV_SIM
‘Все дети пришли’.

(16) *por atëa=da* / *atëa gi-ze.
все ребенок=ADD ребенок прийти-CV_SIM
‘Все дети пришли’.

⁸ Исключение составляют случаи, когда квантифицируемым объектом являются гомогенные вещества (см. раздел 7).

За кванторным словом *por* аддитивная клитика может следовать как контактно, так и неконтактно (см. (17a) и (17c)). В конструкциях же с УКС *mĕnbor* ‘все’, *pĕdĕm* ‘весь’ и *kaḗni* ‘каждый’ клитика присоединяется исключительно к вершине именной группы, ср. (17b—c).

- (17) a. *por=da atĕa-zam gi-ze.*
 все=ADD ребенок-PL прийти-CV_SIM
 ‘Все дети пришли’.
- b. **mĕn-bor=da / *pĕdĕm=de / *kaḗni=da atĕa gi-ze.*
 что-все=ADD весь=ADD каждый=ADD ребенок прийти-CV_SIM
 ‘Все дети пришли’.
- c. *por / mĕn-bor / pĕdĕm / kaḗni atĕa=da gi-ze.*
 все что-все весь каждый ребенок=ADD прийти-CV_SIM
 ‘Все дети пришли’.

Обязательность использования аддитивной клитики с УКС *por* ‘все’ при кодировании множеств может рассматриваться как свойство данного кванторного слова и будет подробнее обсуждаться в разделе 7.

С точки зрения семантики в малокарачкинском говоре чувашского языка главным требованием аддитивной клитики *=ta* в контекстах с универсальной квантификацией является семантическая множественность кодируемого объекта. В связи с этим аддитивная клитика недопустима в контекстах с единичными целостными совокупностями, как, например, ‘весь дом’ или ‘вся девочка’. Как было показано в разделе 5.2, УКС *pĕdĕm* ‘весь’ может использоваться для квантификации как единичных существей, так и множества индивидов. Однако добавление аддитивной клитики делает невозможной интерпретацию, при которой квантификация происходит над одним объектом, а не над множеством, ср. (18) и (19), а также пример (11) выше.

- (18) *pĕdĕm olm-i sip.simĕs.*
 весь яблоко-Р_3 зеленый.презеленый
 ‘Всё яблоко зеленое’.
 ‘Все яблоки зеленые’.
- (19) *pĕdĕm olm-i=de sip.simes.*
 весь яблоко-Р_3=ADD зеленый.презеленый
 ‘Все яблоки зеленые’.
 *‘Всё яблоко зеленое’.

Во всех контекстах, где квантификация происходит над множеством объектов, ограничений на использование аддитивной клитики обнаружено не было. Вместе с тем, как отмечалось в предыдущем разделе, в большинстве конструкций она может опускаться без существенного изменения значения⁹, как в примере (20) в генерическом контексте.

- (20) a. *mĕn-bor ėin=da syl-et.*
 что-все человек =ADD дышать-NPST[3SG]
 ‘Все люди дышат’.
- b. *mĕn-bor ėin syl-et*
 что-все человек дышать-NPST[3SG]
 ‘Все люди дышат’.

Другой типологически характерной чертой конструкций со значением всеобщности, содержащих аддитивную частицу, является дистрибутивность [Gil 1995; Szabolcsi 2015]. Хотя дистрибутивность обычно блокирует коллективные интерпретации, возможные с другими универсальными кванторами [Gil 1995: 345], в малокарачкинском говоре чувашского языка конструкции с аддитивной клитикой могут использоваться в контекстах с коллективными предикатами, ср.:

- (21) a. *atĕa-zam por=da idalan-te-ĕc.*
 ребенок-PL все=ADD обняться-PST-3PL
 ‘Все дети обнялись’.

⁹ Некоторые носители указывают, что при добавлении аддитивной клитики появляется акцент на УКС — ‘все, а не большинство’.

- b. *pëdëm atë-i=de xol-da postarən-të-ëe.*
 весь ребенок-P_3=ADD холл-LOC собраться-PST-3PL
 ‘Все дети собрались в холле’.

6.1.2. Эмфатическая клитика

В отличие от аддитивной клитики, в малокарачкнском говоре чувашского языка эмфатическая клитика =*ak* присоединяется не только при квантификации множеств индивидов, но и при кодировании единичных объектов, временных промежутков и других сложно устроенных совокупностей. Можно предположить, что это объясняется отсутствием ограничения на семантическую множественность объектов, которое демонстрирует аддитивная клитика.

В рассматриваемом говоре эмфатическая клитика присоединяется к УКС *vee* ‘всё’, *pëdëm-be* [весь-INS] ‘целиком’ и *kazni* ‘каждый’ в позиции вершины. Во всех случаях частица присоединяется непосредственно к кванторному слову, см., например:

- (22) a. *atëa-zam gi-ze vez=ek.*
 ребенок-PL прийти-CV_SIM все-EMPH
 ‘Все дети пришли’.
- b. *ep pör-de cëmër-d-ëm pëdëm-bek.*
 я дом-LOC бить-PST-1SG весь-INS.EMPH
 ‘Я разрушил весь дом’.
- c. *kaznek gi-ze.*
 каждый.EMPH прийти-CV_SIM
 ‘Каждый пришел’.

Как для кванторного слова *vee* ‘всё’, так и для кванторного слова *pëdëm-be* [весь-INS] ‘целиком’ эмфатическая клитика является факультативной и может опускаться без изменения значения, как в примерах (23) и (24). Со словом *kazni* ‘каждый’ в позиции вершины эмфатическая клитика обязательна, ср. (25) и пример (22с) выше.

- (23) *pëdëm-be / pëdëm-bek jëben-me xära-ma-la.*
 весь-INS весь-INS.EMPH мокнуть-INF бояться-INF-ATTR
 ‘Промокать целиком опасно’.
- (24) *vee / vez=ek jëben-me xära-ma-la.*
 все все-EMPH мокнуть-INF бояться-INF-ATTR
 ‘Промокать целиком опасно’.
- (25) **kazni gi-ze.*
 каждый прийти-CV_SIM
 ‘Каждый пришел’.

Присоединение эмфатической клитики к кванторной группе с УКС *por* ‘все’, *mënbör* ‘все’, *pëdëm* ‘весь’ и *kazni* ‘каждый’ возможно, однако в таком случае она дает эмфатическую интерпретацию ‘именно’, как в примере (26). Контактное следование клитики (27) за рассматриваемыми УКС неграмматично.

- (26) *mën-bör atëak gi-ze.*
 что-все ребенок.EMPH прийти-CV_SIM
 ‘Именно все ДЕТИ пришли’, [а не взрослые].
 *‘Все дети пришли’.
- (27) **mën-bör=ak atëa gi-ze.*
 что-все-EMPH ребенок прийти-CV_SIM
 ‘Все дети пришли’.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что ограничения на сочетаемость эмфатической клитики с УКС определяются не семантическими, а синтаксическими свойствами конструкции. Несмотря на то что морфосинтаксические свойства конструкций со значением всеобщности не являются предметом данной статьи, мы приведем результаты одного синтаксического теста, позволяющего наметить различие в синтаксических свойствах УКС, сочетающихся с аддитивной и эмфатической частицами.

Большинство УКС в малокарачкинском говоре чувашского языка не могут появляться в контекстах без именной группы (мы не имеем в виду случаи с эллипсисом именной группы). В примере (28) показана невозможность употребления УКС *pëdëm*, *mënbör* и *kazni* в такой позиции, а в примере (29) — для разных конструкций с УКС *por*. Однако УКС *pëdëmbe* и *veç* могут использоваться в контекстах с отсутствующей именной группой, т. е. адвербиально (см. примеры (23) и (24)).

(28) *pëdëm / *mën-bör / **kazni jëben-me xära-ma-la*.

весь что-все каждый мокнуть-INF бояться-INF-ATTR
'Промокать целиком опасно'.

(29) **por=da* / **por-ə=da* / **por-d'a* / *por / **por-ni-a=da jëben-me xära-ma-la*.

все=ADD все-P_3=ADD все-P_3.ADD все все-P_3-OBJ=ADD мокнуть-INF бояться-INF-ATTR
'Промокать целиком опасно'.

Возможность употребления конструкций с УКС в контекстах без выраженной именной группы служит одним из диагностических тестов, позволяющих разграничить квантификаторы, участвующие в квантификации на уровне именной группы и на уровне клаузы. Это дает основания полагать, что *veç* 'всё' и *pëdëm-be* [весь-INS] 'целиком' являются адъюнктами глагольной, а не именной группы. Вместе с тем конструкция *kaznek/kaznij=ek* 'каждый' с использованием эмфатической клитики также демонстрирует свойства, отличные от УКС, функционирующих в составе именной группы. В отличие от формы *kazni* 'каждый' без эмфатической клитики, конструкция с *=ek* используется в позиции вершины, как в примере (30).

(30) *kaznij=ek* / **kazni škola çör-et*.

каждый=EMPH каждый школа ходить-NPST[3SG]
'Каждый ходит в школу'.

6.1.3. Распределение аддитивной и эмфатической клитик

В разделах 6.1.1 и 6.1.2 было показано, что в малокарачкинском говоре чувашского языка к четырём кванторным словам обязательно или опционально присоединяется аддитивная клитика, а к трём кванторным словам — эмфатическая клитика (см. таблицу 3). Распределение аддитивной и эмфатической клитик обусловлено, с одной стороны, синтаксическими ограничениями, связанными с их позицией в структуре кванторной группы, а с другой — семантическими факторами.

Аддитивная клитика употребляется только с универсальными кванторными словами, входящими в состав именной группы. Кроме того, она накладывает ограничения на тип квантифицируемого объекта, будучи совместима лишь с выражениями, обозначающими дискретные множества, и не допускается в контекстах при квантификации целостных или недискретных объектов.

Ограничения на сочетаемость эмфатической клитики *=ak*, напротив, имеют исключительно синтаксический характер: она присоединяется лишь к тем универсальным кванторным словам, которые не входят в состав именной группы. Это согласуется с наблюдениями [Закирова 2019: 56] о том, что в языках Поволжья эмфатическая клитика чаще сочетается с наречиями, т. е. с элементами, принадлежащими глагольной группе.

Таблица 3. Аддитивная и эмфатическая клитики в малокарачкинском говоре чувашского языка

УКС	Клитика			
	<i>=ta</i>		<i>=ak</i>	
	обязательно	опционально	обязательно	опционально
<i>por</i>	+	—	—	—
<i>mënbör</i>				
<i>pëdëm</i>	—	+	—	—
<i>kazni X</i>				
<i>kazni</i>	—		+	
<i>pëdëmbe</i>	—		—	+
<i>veç</i>	—		—	+

6.2. Посессивный показатель

В малокарачкинском говоре чувашского языка посессивный суффикс 3-го лица употребляется не только в собственно посессивной функции, но и в непосессивных контекстах: при выборе из заданного множества, при анафорической отсылке к выраженному антецеденту в предтексте, а также при ассоциативной анафоре [Логвинова 2019: 122]. Помимо этого, он может выполнять функции субстантиватора и показателя определённости, а в ряде случаев совмещать эти значения [там же].

Мы покажем, что в рассматриваемом говоре посессивный аффикс участвует в трёх типах конструкций со значением всеобщности. Он может 1) присоединяться непосредственно к УКС; 2) следовать за вершиной кванторной группы; 3) использоваться в конструкции с инструментальным аффиксом, занимая позицию между вершиной и падежным показателем (при этом УКС в таких конструкциях отсутствует). Функционирование посессивного показателя в конструкциях с инструментальным падежом требует отдельного анализа и в данной статье не рассматривается. Для двух первых типов конструкций роль посессивного маркера и его семантический вклад варьируются в зависимости от типа кванторного слова, что будет подробно проанализировано ниже.

6.2.1. Посессивный маркер на УКС

В малокарачкинском говоре чувашского языка посессивный маркер может присоединяться непосредственно к УКС только в конструкциях со словом *por* ‘все’. Использование посессивного показателя при кванторах *mën-bor* [что-все] и *pëdëm* ‘весь’ оценивается носителями как неприемлемое. В примере (31) показана допустимость посессивного аффикса в различных конструкциях.

- (31) *por-ë / *mën-bor-ë / *pëdëm-ë atea=da gi-ze.*
 все-Р_3 что-все-Р_3 весь-Р_3 ребенок=ADD прийти-CV_SIM
 ‘Все дети пришли’.

В случае присоединения аддитивной клитики непосредственно к УКС *por* ‘все’ существуют две конструкции, различающиеся, по-видимому, степенью грамматикализации посессивного маркера: *por=dia* [все-Р_3.ADD] и *porⁱ-ə=da* [все-Р_3.ADD], см., например:

- (32) *por=dia / porⁱ-ə=da atea gi-ze*
 все-Р_3.ADD все- Р_3=ADD ребенок прийти-CV_SIM
 ‘Все дети пришли’.

Конструкция *por=dia* формально и функционально сближается с литературной формой *пурте* и, вероятно, образована аналогичным образом: аддитивный показатель присоединяется к *por* с посессивным показателем переднего ряда, который выражается в мягкости предшествующего согласного — *porⁱ*, однако при контактном расположении аддитивной клитики мягкость переходит на следующий за ним согласный — *por=dia*¹⁰. Вторая конструкция — *porⁱ-ə=da* — сохраняет посессивный показатель в полной форме *-ə*, что указывает на меньшую степень фонетической и морфологической спаянности элементов.

Различия в природе этого показателя проявляются и в особенностях написания посессивного маркера и аддитивной клитики с УКС. Согласно правилам чувашской орфографии, аддитивная частица пишется отдельно от слова, к которому относится, например: *ача та* [ребенок ADD] ‘и ребенок’ / ‘даже ребенок’. Это касается и кванторных слов — ср. *кашни ача та* [ребенок каждый ADD] ‘каждый ребенок’. Однако УКС *пур=те* [все-Р_3.ADD] ‘все’ пишется в литературном чувашском слитно — *пурте*.

Носители пошкартского чувашского отражают на письме фонетические особенности говора, но в остальном придерживаются норм литературной орфографии и, в частности, пишут аддитивную клитику отдельно. Между тем любопытно отметить разницу в написании УКС *porⁱ-ə=da* [все-Р_3=ADD] ‘все’ и *por=dia* [все-Р_3.ADD] ‘все’. Несмотря на то что в обоих случаях конструкция состоит из *por*, посессивного показателя и аддитивной частицы, в первом случае носители пишут *та* отдельно от УКС, а во втором — слитно: *порёта* и *портя* соответственно.

Различие между *por=dia* и *porⁱ-ə=da* можно рассматривать как отражение разных стадий грамматикализации: первая конструкция представляет собой лексикализованное сочетание, тогда как вторая сохра-

¹⁰ В различных фрагментах грамматической системы малокарачкинского говора чувашского языка на месте гласного переднего ряда, характерного для литературного стандарта, регулярно проявляется сингармонизм, сопровождающийся смягчением предшествующего согласного. Так, например, перед показателем объектного падежа множественного числа возникает форма *jidə-zani-a* [собака-PL-OBJ].

няет морфологическую прозрачность. Это формальное различие, как будет показано далее, коррелирует с функциями посессивного показателя в этих конструкциях: *por=dia* функционирует как единое кванторное слово с субстантивирующим значением, в то время как в составе *porⁱ-ə=da* посессивный маркер сохраняет композиционность и используется в функции определённости.

Одним из возможных тестов, позволяющих разграничить функции субстантивации и определённости, является помещение группы с посессивным показателем в генерический контекст. Участники с определённым референциальным статусом, как правило, не употребляются в таких контекстах, поскольку в них речь идет не о существующих объектах в реальном мире, а о любых возможных объектах. В малокарачкинском говоре чувашского языка этот тест показывает контраст между конструкциями *por=dia* [все-р_3.ADD], с одной стороны, и *porⁱ-ə=da* [все-р_3-ADD] — с другой. Так, УКС *por=dia* и *por=da*, в отличие от *porⁱ-ə=da* с эксплицитно выраженным посессивным показателем, может использоваться в генерических контекстах, ср.:

(33) *por=dia* / *por=da* *ein-zam syl-etě.*
 все-р_3.ADD все=ADD человек-PL дышать-NPST.3PL
 {Дыхание — обязательный физиологический процесс для людей.} ‘Все люди дышат’.

(34) **porⁱ-ə=da* *ein-zam syl-etě.*
 все-р_3=ADD человек-PL дышать-NPST.3PL
 {Дыхание — обязательный физиологический процесс для людей.} ‘Все люди дышат’.

Наблюдаемый контраст между рассмотренными выше примерами позволяет предположить, что в конструкции *por=dia* посессивный показатель 3-го лица выступает в функции субстантиватора и потому допустим в генерических контекстах, тогда как в *porⁱ-ə=da* и *por X=ə=da* он выполняет функцию показателя определённости, семантика которого несовместима с генерическим прочтением.

6.2.2. Посессивный маркер на вершине кванторной группы

Если в случае контактного следования клитики за УКС допустимо использование только слова *por* ‘все’, то к вершине кванторной группы посессивный показатель может присоединяться всегда, см.:

(35) *mën-bor* / *pëdëm* / *por ate-i=de gi-ze.*
 что-все весь все ребенок-р_3=ADD прийти-CV_SIM
 ‘Все дети пришли’.

Однако, как и в конструкции *porⁱ-ə=da*, посессивный аффикс 3-го лица единственного числа и здесь выступает в функции показателя определённости. Так, конструкции с посессивным маркером на вершине также недопустимы при кодировании универсальной квантификации с генерическими множествами (36). Вместе с тем при определённых множествах (37) возможны оба типа конструкций — как с посессивным маркером в непосессивной функции, так и без него.

(36) *tëndze-re kazni ate-a* / **ate-i skol-a eor-et.*
 мир-LOC каждый ребенок ребенок-р_3 школа-OBJ ходить-NPST[3SG]
 ‘Все дети на свете ходят в школу’.

(37) *ku semje-re kazni ate-i* / *ate-a skol-a eor-et.*
 этот семья-LOC каждый ребенок-р_3 ребенок школа-OBJ ходить-NPST[3SG]
 ‘Каждый ребенок в этой семье ходит в школу’.

6.2.3. Несовместимость определённости и генерической интерпретации

В большинстве конструкций со значением всеобщности посессивный аффикс 3-го лица единственного числа выступает в функции показателя определённости. Неграмматичность конструкций с таким маркером в генерических контекстах объясняется тем, что для определённости характерно употребление с контекстуально заданными множествами [Kearns 2000: 117]. Несовместимость семантики маркеров определённости с генерическими контекстами хорошо видна на материале английского языка, в котором анализ определённого артикля *the* близок к анализу УКС. В ряде работ, например в [Brisson 1998; Križ 2016], отмечается, что именные группы с артиклем (DP) имеют так называемую максимальную интерпретацию (*maximal reading*). Максимальная интерпретация предполагает, что сфера действия предиката распространяется на все элементы множества, кодируемого DP во множественном числе, и не позволяет

исключать элементы из этого множества [Križ 2016: 471]. Так, в (38) именная группа с артиклем интерпретируется как ‘все профессора’ и не допускает прочтения без семантического компонента ‘все’, что подтверждается неприемлемостью примера (39).

(38) *The professors are smiling* [ibid.].
‘(Все) профессора улыбаются’.

(39) **Although the professors are smiling, one of them is not* [ibid.].
‘Хотя (все) профессора улыбаются, один из них не улыбается’.

В то же время определённые артикли не могут кодировать универсальную квантификацию в генерических контекстах, которые характерны для УКС. Пример (40) показывает, что интерпретация с определённым артиклем отсылает к ограниченной группе людей, а не к человечеству в целом.

(40) [Kearns 2000: 117]
a. *All men are mortal.*
b. *Every man is mortal.*
c. ?*The men are mortal.*

Именно это ограничение демонстрируют конструкции с УКС и посессивным маркером на вершине, а также конструкция *porⁱ-ə=da*. Данный факт подтверждает предположение о том, что посессивный показатель в подобных конструкциях выполняет ту же функцию, что и определённый артикль в языках с артиклевой системой, и используется именно как маркер определённости, однозначно указывающий на референциальный статус квантифицируемого выражения в тех контекстах, где допустима как DEF-, так и GEN-квантификация.

6.5. Инструментальный показатель

В малокарачкинском говоре чувашского языка инструментальный показатель употребляется в двух типах конструкций со значением всеобщности. Первая представляет собой конструкцию с универсальным кванторным словом *pëdëm* ‘весь’, образующая форму инструментального падежа с показателем *-ba*, например *pëdëm-be* [весь-INS] ‘целиком’. Вторая конструкция имеет структуру *X-ə-ba* [X-P_3.INS] и является единственным типом, кодирующим значение всеобщности без участия УКС, см. примеры (41)–(42), а также раздел 5.3.

(41) *pørtë-ë-be eon-za gai-za.*
дом-P_3-INS гореть-CV_SIM уходить-CV_SIM
‘Весь дом сгорел’.

(42) [Логвинова и др. 2024]
tem ëc-le-mele kon-ə-ba.
неизвестно_что работа-VBZ-INF:ATTR день-P_3-INS
‘Не знаю, чем заниматься целый день’.

В [Павлов и др. 1957: 284–285] подобные конструкции описываются как наречия, которые могут использоваться для обозначения времени: например, *кун-ë-ne* [день-P_3-INS] ‘целый день, весь день, в течение всего дня’, *кун-ë-кун-ë-ne* [день-P_3-день-P_3-INS] ‘целыми днями, по целым дням’, *сер-ë-ne* [ночь-P_3-INS] ‘в течение всей ночи, всю ночь’ и *эри-и-ne* [неделя-P_3-INS] ‘целую неделю’.

Важно отметить, что во всех примерах, приведенных в [там же], посессивный показатель и инструментальный падеж присоединяются к словам, обозначающим временной промежуток. В малокарачкинском говоре чувашского языка данная конструкция возможна не только с временными промежутками (42), но и с целостными неодушевленными объектами, как в (41). Примеры конструкций с неодушевленными объектами в литературном чувашском нам неизвестны.

Помимо инструментального показателя в этой конструкции присутствуют один обязательный и один опциональный элемент. Так, посессивный маркер не может быть опущен, см. пример (43), в то время как эмфатическая частица может использоваться или опускаться без изменения смысла конструкции, ср. (44).

(43) *oml-i-be / *omla-ba xërle.*
яблоко-P_3-INS яблоко-INS красный
‘Все яблоко красное’.

- (44) *pərtə-ë-be(k)   ɛon-za   gai-za.*
 дом-Р_3-INS.EMPH гореть-CV_SIM уходить-CV_SIM
 ‘Весь дом сгорел’.

Мы предполагаем, что способность инструментального падежа кодировать полный охват связана с одной из типологически частотных его функций — обозначением длительности (см. пример (45)), которая соответствует зоне DURATION на семантической карте инструментальных показателей [Narrog, Ito 2007: 282].

- (45) [Логвинова и др. 2024]
əzəd-a-p=ta   ir-be-le   veɛ ɛak-sa
 греть-NPST-1SG=ADD утро-INS-ATTR всё вешать-CV_SIM
xar-a-p   kašta-zem ɛ-in-e   mezək-sen-e xu-za.
 оставлять-NPST-1SG шест-PL верх-Р_3-OBJ мешок-PL-OBJ класть-CV_SIM
 ‘Утром грею и всё развешиваю на перекладине, распределяя по мешочкам’.

Это предположение подтверждается тем, что в существующих грамматиках примеры с инструментальным падежом, обозначающие полный охват, чаще всего иллюстрируются именно временными промежутками. Более того, для подобных контекстов нередко приводятся двойные переводы — с акцентом либо на длительности (‘в течение всей ночи’), либо на полном охвате (‘всю ночь’), что указывает на семантическую близость этих значений. В данных малокарачкинского говора наблюдается дальнейшее развитие этой функции: инструментальный падеж в ряде контекстов утрачивает компонент длительности и сохраняет лишь значение полного охвата, распространяющегося не только на время, но и на объект в целом.

6.6. Выводы

В данном разделе был рассмотрен вклад грамматических показателей — аддитивной и эмфатической частиц, посессивного аффикса 3-го лица единственного числа и инструментального показателя — в формирование конструкций со значением всеобщности в малокарачкинском говоре чувашского языка. Все эти элементы характеризуются многофункциональностью, что делает разграничение их конкретных функций сложной, но важной аналитической задачей. В ряде случаев возможность использования маркера в составе конструкции определяется взаимодействием семантических и синтаксических факторов.

Аддитивная и **эмфатическая** клитики находятся в отношении дополнительной дистрибуции: аддитивная клитика употребляется с УКС, входящими в состав именной группы, тогда как эмфатическая — с УКС, функционирующими в составе глагольной группы. Если употребление эмфатической клитики обусловлено преимущественно формальными свойствами конструкции, то аддитивная клитика, помимо этого, накладывает ограничения на семантику квантифицируемого выражения и используется исключительно для квантификации множеств, но не единичных объектов. **Посессивный показатель** в непосессивных функциях чаще всего выступает в роли маркера определённости, что объясняет невозможность его употребления в генерических контекстах. Конструкция с **инструментальным падежом** служит для кодирования полного охвата применительно к единичным объектам, что, по-видимому, является следствием расширения его функции обозначения длительности.

7. Неисчисляемые имена и переходные значения универсальной квантификации

В предыдущем разделе рассматривалась квантификация именных групп, обозначающих множества индивидов и единые объекты. Однако помимо основных зон выделяются промежуточные случаи — выражения, обозначающие объекты со сложной внутренней структурой, такие как гомогенные вещества, совокупности и абстрактные понятия. Подобные элементы в типологической перспективе нередко демонстрируют свойства неисчисляемых имён, занимая переходное положение между дискретными множествами и целостными объектами. В данном разделе мы сначала обсудим свойства неисчисляемых имён в типологической перспективе, а затем рассмотрим кодирование универсальной квантификации с такими единицами в малокарачкинском говоре чувашского языка.

7.1. Неисчисляемые vs. исчисляемые имена

С семантической точки зрения основное различие между неисчисляемыми и исчисляемыми именами заключается в том, что исчисляемые имена обозначают разные сущности, которые отличаются друг от

друга и поэтому могут быть подсчитаны, тогда как неисчисляемые имена представляют собой недифференцированную массу [Pelletier 2010: 124]. Данная семантическая оппозиция может быть также описана как противопоставление множеств и совокупностей [Ляшевская 2004: 164]: под множеством понимается объединение индивидов, обозначаемых X , т. е. ‘все X ’ — это объединение всех референтов (X), в то время как совокупности — это объединение всех составных частей, образующих (X). Синтаксическим свойством неисчисляемых существительных является невозможность употребления в количественных конструкциях, а также несочетаемость с классификаторами [Pelletier 2009: 124—125]. Традиционный подход к различению неисчисляемости/исчисляемости имени учитывает одновременно семантические и синтаксические критерии.

Неисчисляемость часто рассматривается как плохо предсказуемая категория, специфичная для каждого отдельного языка. А. Вежбицкая предполагает, что способ концептуализации различных субстанций и, как следствие, грамматические различия между ними могут объясняться внеязыковыми факторами — например, разницей в размерах или особенностями питания [Wierzbicka 1988: 502]. В связи с этим в указанной работе выделяются классы значений, для каждого из которых определяется предпочтительная стратегия (исчисляемость / неисчисляемость) и её семантическая мотивировка. В качестве значимых параметров рассматриваются: гетерогенность субстанции (‘вода’, ‘вино’, ‘масло’), возможность выделения минимальной единицы внутри субстанции (‘рис’, ‘песок’), величина множества — например, множества с бессчётным количеством объектов (‘волосы’) и др. Таким образом, неисчисляемость осмысляется как шкала с более или менее прототипическими зонами.

Представление о неисчисляемости как о шкале характерно и для других исследований, посвящённых этой теме. Так, в работе [Kodera 2011] выделяется ряд слов, при употреблении которых изучающие английский язык наиболее часто допускают ошибки, связанные с категорией исчисляемости/неисчисляемости. Свойства этих слов были рассмотрены на материале 14 языков и представлены в виде шкалы — от лексем, которые почти во всех языках демонстрируют свойства исчисляемых имен (например, ‘собака’, ‘машина’), до слов, которые в большинстве языков ведут себя как неисчисляемые (например, ‘насилие’, ‘деньги’) [ibid.: 51].

Особый интерес представляют абстрактные существительные, которые, с одной стороны, во многих языках проявляют свойства неисчисляемых [Pelletier 2009: 123], а с другой — могут употребляться как исчисляемые в иных значениях. Например, англ. *beauty* может использоваться как абстрактное существительное (‘красота’), так и в другом значении — как исчисляемое имя (*beauty* ‘красавица’ / *beauties* ‘красавицы’). В связи с этим в литературе обсуждаются критерии выделения абстрактных существительных и их отличия от других классов неисчисляемых имен [Hinterwimmer 2020; Zamparelli 2020]. Среди таких критериев приводятся как морфологические (специфические для конкретного языка), так и семантические [Zamparelli 2020: 203—204]. Основной семантической характеристикой абстрактных существительных является отсутствие конкретного референта и невозможность обозначать объекты, локализованные в пространстве и времени.

7.2. Кодирование универсальной квантификации с неисчисляемыми именами в малокарачкнском говоре чувашского языка

Для исследования возможных способов квантификации неисчисляемых имен были выделены четыре группы (см. таблицу 4): неделимые гомогенные субстанции (46); субстанции, в которых можно выделить минимальные единицы (47)—(48); названия гетерогенных классов (49); абстрактные понятия (см. пример (56) ниже)¹¹. Помимо семантических критериев, для первых четырех групп проверялись также морфосинтаксические свойства, а именно допустимость употребления во множественном числе (см. примеры (46)—(49)). Для абстрактных понятий морфосинтаксические критерии не являются значимыми, поскольку такие имена могут выступать во множественном числе в других значениях (см. обсуждение в разделе 7.1).

- (46) *Petä şu-ja* / *şu-zanⁱ-a *ëş-s=er-të-ë*.
 Петя вода-OBJ вода-PL-OBJ пить-CV_SIM=пустить-PST-3SG
 ‘Петя выпил всю воду’.

¹¹ Представленность каждого из выделенных классов ограничена рядом факторов. В некоторых случаях большое количество лексем в группе объясняется их заимствованным характером и неполной интеграцией в морфосинтаксическую систему говора; в других — действием специфических прагматических условий, затрудняющих интерпретацию в универсальных контекстах.

- (47) *Petiə şirla / *şirla-zam / *şirla-zan¹-a il-tə-ě.*
 Петя ягода ягода-PL ягода-PL-OBJ купить-PST-3SG
 ‘Петя купил ягоды’.
- (48) *petiə tolə / *tolə-zam / *tolə-zan¹-a ili-tə-ě.*
 Петя пшеница пшеница-PL пшеница-PL-OBJ купить-PST-3SG
 ‘Петя купил всю пшеницу’.
- (49) *Peti-in kil-de ėedel-bogan / *ėedel-bogan-zam / *ėedel-zem-bogan-zam.*
 Петя-GEN дома-LOC стол-табуретка стол-табуретка-pl стол-PL-табуретка-PL
 ‘У Пети дома есть мебель’.

Мы обнаружили три различные стратегии кодирования неисчисляемых имен в зависимости от их принадлежности к тому или иному семантическому классу. Гомогенные субстанции и вещества, допускающие выделение минимальных единиц, кодируются с помощью конструкций с *pëdëm*, *mënbör* и *por* без использования аддитивной клитики (см. примеры (50) и (51)). Использование УКС *kazni* в таких случаях недопустимо (см. (50b) и (51b)).

- (50) a. *petiə mën-bör / pëdëm / por şu-ni-a ėş-s-er-tə-ě.*
 Петя что-все весь все вода-P_3-OBJ пить-CV_SIM=пустить-PST-3SG
 ‘Петя выпил всю воду’.
- b. **petiə kazni şu-ni-a ėş-s-er-tə-ě.*
 Петя каждый вода-P_3-OBJ пить-CV_SIM=пустить-PST-3SG
 Ожид.: ‘Петя выпил всю воду’.
- (51) a. *Petiə mën-bör / pëdëm / por tolə poştar-z=il-tə-ě.*
 Петя что-все весь все пшеница собрать-CV_SIM=взять-PST-3SG
 ‘Петя собрал все пшеницу’.
- b. **Petiə kazni tolə poştar-z=il-tə-ě.*
 Петя каждый пшеница собрать-CV_SIM=взять-PST-3SG
 Ожид.: ‘Петя собрал все пшеницу’.

Присоединение аддитивной клитики к квантифицируемой группе привносит в конструкцию значение семантической множественности объектов, что демонстрируют левые контексты, приведенные для примера (52).

- (52) a. *petiə por şu-ni-a=da ėş-s-er-tə-ě.*
 Петя все вода-P_3-OBJ=ADD пить-CV_SIM=пустить-PST-3S
 {Вода была в нескольких стаканах.} ‘Петя выпил всю воду’.
 *{Вода была в стакане.} ‘Петя выпил всю воду’.
- b. *petiə por şu-ni-a ėş-s-er-tə-ě.*
 Петя все вода-P_3-OBJ пить-CV_SIM=пустить-PST-3SG
 ‘Петя выпил вообще всю воду’ {неважно, была ли она в одном стакане или в нескольких}.

При квантификации именных групп, называющих гетерогенные классы, возможны УКС *pëdëm*, *mënbör* и *por*, однако в этом случае они обязательно употребляются в конструкциях с аддитивной частицей (53). Любопытно, что хотя использование обычного показателя множественного числа невозможно (ср. пример (49)), аддитивная частица со значением семантической множественности не может быть опущена, что демонстрирует пример (54). Как и в других рассмотренных случаях, УКС *kazni* в таких контекстах не употребляется (см. недопустимость в (55)).

- (53) *por / mën-bör / pëdëm ėedel-bogan=da jivəç-ren.*
 все что-все весь стол-табуретка=ADD дерево-ABL
 ‘Вся мебель деревянная’.
- (54) **por / mën-bör / pëdëm ėedel-bogan jivəç-ren.*
 все что-все весь стол-табуретка дерево-ABL
 ‘Вся мебель деревянная’.
- (55) **kazni ėedel-bogan=da jivəç-ren.*
 каждый стол-табуретка=ADD дерево-ABL
 ‘Вся мебель деревянная’.

Стратегия кодирования универсальной квантификации с абстрактными понятиями похожа на кодирование гомогенных субстанций. Единственное различие заключается в допустимости УКС *por* в этих контекстах: если при квантификации гомогенных субстанций этот квантор приемлем для всех носителей, то в случае абстрактных понятий он допустим только для половины опрошенных. В примере (56) показана степень приемлемости всех рассматриваемых УКС в данном контексте:

- (56) *maşə peti-a pëdëm / mën-bor / ^{OK3/6}por / *kazni teon-dan podarik par-za.*
 Маша Петя-OBJ весь что-все все каждый душа-AVL подарок дать-CV_SIM
 ‘Маша подарила Пете подарок от всей души’.

В таблице 4 представлено обобщение по каждому из рассмотренных классов. В малокарачкинском говоре чувашского языка наблюдаются различия в кодировании универсальной квантификации с гомогенными субстанциями, названиями гетерогенных классов и абстрактными понятиями. При квантификации гомогенных субстанций и гетерогенных классов используются одни и те же УКС, однако в первом случае невозможно использование конструкций, включающих аддитивную клитику, тогда как во втором её употребление обязательно. Важно отметить, что квантификация гомогенных субстанций является единственным контекстом, в котором все носители допускают использование УКС *por* без аддитивной частицы. Вторым допустимым для ряда носителей контекстом для употребления УКС *por* без аддитивной частицы является квантификация абстрактных понятий.

Таблица 4. Кодирование составляющих, обозначающих неисчисляемые совокупности

Имя	Класс значений	PL	УКС
<i>su</i> ‘вода’	гомогенные субстанции	—	<i>pëdëm, mënbor, por</i>
<i>sët</i> ‘молоко’			
<i>şirla</i> ‘ягоды’			
<i>parea</i> ‘горох’			
<i>tara</i> ‘соль’			
<i>tolä</i> ‘пшеница’	названия гетерогенных классов	—	<i>pëdëm X=ta, mënbor X=ta, por X=ta</i>
<i>eedel-bogan</i> ‘мебель’			
<i>teon</i> ‘душа’	абстрактные понятия	+	<i>pëdëm, mënbor, ?por</i>
<i>joroda</i> ‘любовь’			

На рис. 2 распределение УКС представлено в виде шкалы, на левом полюсе которой расположены единые объекты, а на правом — семантически множественные. Между двумя крайними точками шкалы находятся классы неисчисляемых имен: слева направо — абстрактные понятия, гомогенные субстанции и названия гетерогенных классов.

На рис. 2 также видно, что чем ближе зона расположена к левому полюсу шкалы (т. е. чем более семантически единый объект обозначает именная группа), тем меньше конструкций доступно для её квантификации, и наоборот. Так, для кодирования универсальной квантификации с едиными объектами может использоваться только одно УКС (*pëdëm*), с абстрактными понятиями — два УКС (*pëdëm, mënbor*), с гомогенными субстанциями — три УКС (*pëdëm, mënbor, por*), с гетерогенными классами объектов — также три УКС, но обязательно в конструкциях с аддитивной частицей (*pëdëm X=ta, mënbor X=ta, por X=ta*), и наконец с множествами индивидов — все рассматриваемые в данной работе УКС (*pëdëm, mënbor, kazni* с аддитивной частицей или без нее и *por X=ta*).

Анализ способов кодирования универсальной квантификации с неисчисляемыми именами показывает, во-первых, что кванторное слово *mënbor* обладает более широкой дистрибуцией, чем *por*. Во-вторых, был выявлен единственный контекст, в котором все носители допускают использование УКС *por* без аддитивной клитики, — это квантификация гомогенных субстанций. Особого внимания заслуживает тот факт, что для данного класса значений существует отдельный способ кодирования, не используемый с основными типами квантифицируемых объектов. Возможность употребления УКС *por* в этом контексте без аддитивной частицы позволяет предположить, что хотя данное кванторное слово и может участвовать в универсальной квантификации гомогенных существей, в его семантике отсутствует (или недостаточно выражен) компонент множественности, необходимый для кодирования именных групп, обозначающих множества индивидов. Этим объясняется недопустимость его использования без аддитивной частицы в остальных контекстах.

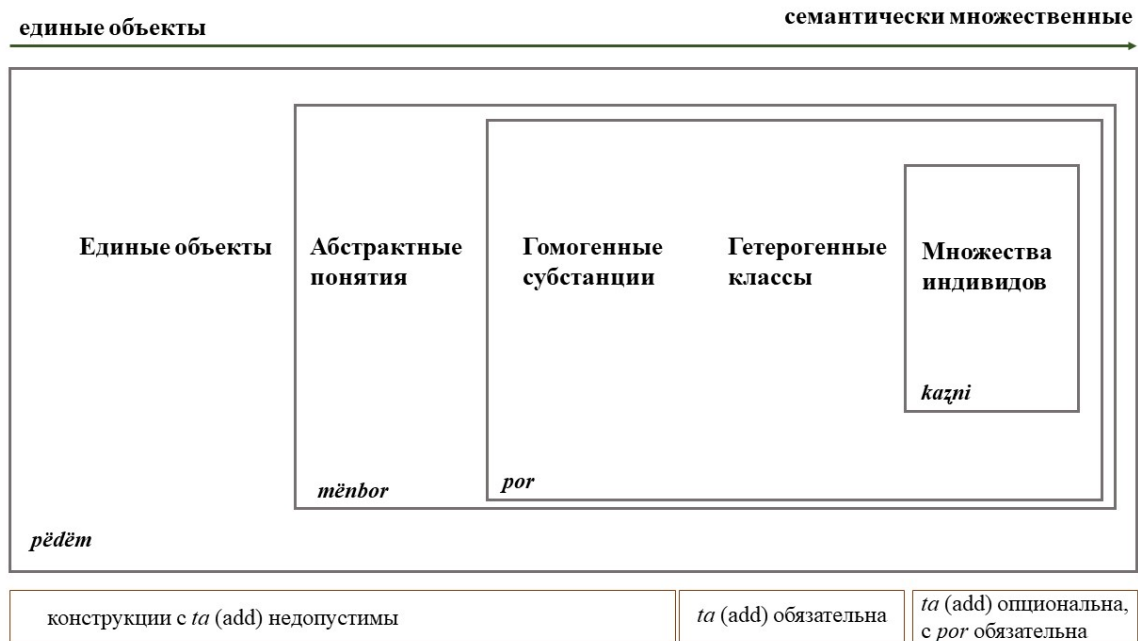

Рис. 2. Семантика УКС в малокарачкинском говоре чувашского языка

Заклучение

В настоящем исследовании проанализированы конструкции со значением всеобщности в малокарачкинском говоре чувашского языка, при этом особое внимание уделялось вкладу каждого элемента в формирование данного значения. Было показано, что универсальные кванторные слова задают основное распределение между зонами универсальной квантификации (GEN, DEF, CMP), тогда как грамматические элементы накладывают дополнительные ограничения. Многофункциональность этих элементов затрудняет разграничение их конкретных функций, а допустимость маркера в составе конструкции определяется взаимодействием семантических и синтаксических факторов.

Анализ того, как различные конструкции совмещают разные типы значений, показал, что в малокарачкинском говоре чувашского языка выделяются единицы с тремя типами дистрибуции. Во-первых, кванторные слова *mënbor* ‘все’, *kazni* ‘каждый’ и *por* ‘все’ используются для кодирования определённых и генерических множеств, т. е. для DEF- и GEN-квантификации. Во-вторых, кванторное слово *pëdëm* ‘весь’ употребляется во всех трёх зонах — при квантификации определённых множеств, генерических множеств и единых объектов. В-третьих, конструкция с посессивным показателем и инструментальным падежом служит для кодирования полного охвата с неодушевлёнными единичными объектами. На рис. 3 представлена дистрибуция конструкций, используемых для кодирования основных кванторных значений в малокарачкинском говоре чувашского языка.

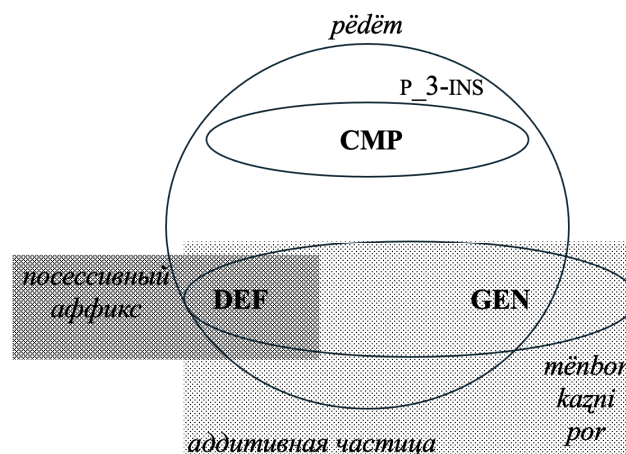

Рис. 3. Дистрибуция конструкций со значением всеобщности

В случае отсутствия посессивного аффикса УКС *mənbor* ‘все’, *kaźni* ‘каждый’ и *por* ‘все’ в составе различных конструкций используются для кодирования множеств индивидов и не маркированы с точки зрения референциального статуса. Добавление посессивного аффикса ограничивает их дистрибуцию DEF-квантификацией.

Конструкции с аддитивной клитикой не встречаются в зоне СМР-квантификации, поскольку требуют семантической множественности объекта; ср. её вклад в конструкциях со значением всеобщности с гомогенными субстанциями. Посессивный маркер, выполняющий функцию показателя определённости, не употребляется в контекстах GEN-квантификации, несовместимых с определённым референциальным статусом множества. Инструментальный маркер, выражающий значение полного охвата, ограничен зоной СМР, поскольку его семантика связана с обозначением целостных, неделимых объектов (с дополнительным ограничением на использование исключительно с неодушевлёнными сущностями).

Анализ промежуточных значений — неисчисляемых, собирательных и абстрактных имён — позволил уточнить семантику отдельных кванторных слов, а также сделать вывод о том, что с точки зрения кодирования универсальной квантификации различные промежуточные типы значений образуют континуум между множествами и единичными объектами.

Сокращения

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	NPST — непрошедшее время
ABL — аблатив	OBJ — объектный падеж
ADD — аддитивная частица	P_3 — посессивный показатель 3-го лица
ATR — атрибутивизатор	PC_FUT — причастие будущего времени
COP_PST — копула прошедшего времени	PC_PRS — причастие настоящего времени
CV_SIM — деепричастие со значением одновременности	PC_PST — причастие прошедшего времени
EMPH — эмфатическая частица	PC_RES — результативное причастие
GEN — генитив	PL — множественное число
INF — инфинитив	PST — прошедшее время
INS — инструменталис	REFL — рефлексив
LOC — локатив	SG — единственное число
NEG — отрицание	VBZ — глаголообразующий аффикс

Литература

- Ашмарин 1898 — *Н. И. Ашмарин*. Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 1. Учение о звуках (фонетика); Ч. 2. Учение о формах (морфология). Казань: Типо-лит. Императорского ун-та, 1898.
- Ашмарин 1960 — *Н. И. Ашмарин*. Заметки по чувашской диалектологии // Материалы по чувашской диалектологии. 1960, 1. С. 65—79.
- Гаджиева, Серебренников 1986 — *Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебренников*. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: синтаксис. М.: Наука, 1986.
- Закирова 2019 — *А. Н. Закирова*. Частицы эмфатической идентичности в поволжском языковом союзе. Дипломная работа. М.: НИУ ВШЭ, 2019.
- Канюкова 1965 — *А. С. Канюкова*. Чувашская диалектология. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1965.
- Кузнецов 2018 — *А. В. Кузнецов*. Чувашская диалектология: итоги и задачи изучения // Итоговые научные сессии 2015—2018 годов. Чебоксары, 2018. С. 345—384.
- Логвинова 2019 — *Н. Н. Логвинова*. Непосессивные функции посессивного показателя третьего лица в малокарачкском говоре чувашского языка // *Д. Ф. Мищенко* (ред.). Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН. 2019, 15 (2). С. 86—129.
- Логвинова и др. 2024 — *Н. Н. Логвинова, В. М. Филиппова, И. Д. Садаков, М. А. Холодилова*. Устный корпус Малокарачкского говора чувашского языка. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ, 2024. URL: <https://lingconlab.ru/chuvash/> (дата обращения: 14.01.2026).
- Ляшевская 2004 — *О. Н. Ляшевская*. Семантика русского числа. М.: ЯСК, 2004.
- Мудрак 1993 — *О. А. Мудрак*. Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных. Опыт реконструкции и интерпретации. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1993.
- Мудрак 2009 — *О. А. Мудрак*. Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике. М.: РГГУ, 2009.

- Павлов и др. (ред.) 1957 — *И. П. Павлов* (отв. ред.), *Н. А. Андреев*, *Н. С. Павлов* (ред.). Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1: Морфология. Чебоксары: Чувашское государственное изд-во, 1957.
- Савельев 2014 — *А. В. Савельев*. Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века (на материале «Словаря Палласа»). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.
- Татевосов 2002 — *С. Г. Татевосов*. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Bao 2015 — *Z. Bao*. The making of vernacular Singapore English: system, transfer and filter. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Brisson 1998 — *C. Brisson*. Distributivity, maximality and floating quantifiers. PhD thesis. New Brunswick, NJ: Rutgers University, 1998.
- Gil 1995 — *D. Gil*. Universal quantifiers and distributivity // *E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. Partee* (eds.). Quantification in natural languages. Dordrecht: Kluwer, 1995. P. 321—363.
- Gil 2004 — *D. Gil*. Riau Indonesian sama: explorations in macrofunctionality // *M. Haspelmath* (ed.). Coordinating constructions. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2004. P. 371—426.
- Goldberg 2003 — *A. E. Goldberg*. Constructions: a new theoretical approach to language // *Trends in cognitive sciences*. 2003, 7 (5). P. 219—224.
- Haspelmath 1995 — *M. Haspelmath*. Diachronic sources of 'all' and 'every' // *E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. Partee* (eds.). Quantification in natural languages. Dordrecht: Kluwer, 1995. P. 363—383.
- Hinterwimmer 2020 — *S. Hinterwimmer*. A comparison of abstract and concrete mass nouns in terms of their interaction with quantificational determiners // *F. Moltmann* (ed.). Mass and count in linguistics, philosophy, and cognitive science. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2020. P. 61—82.
- Johanson 2000 — *L. Johanson*. Linguistic convergence in the Volga area // *D. Gilberts, J. A. Nerbonne, J. Schaecken* (eds.). Languages in contact (Studies in Slavic and General Linguistics 28). Leiden: Brill, 2000. P. 165—178.
- Kearns 2000 — *K. Kearns*. Semantics. New York: St. Martin's Press, 2000.
- Kodera 2011 — *M. Kodera*. A cross-linguistic study of mass-count distinctions // *Bulletin of Hannan University. Humanities & Natural Science*. 2011, 46 (2). P. 43—52.
- König 1991 — *E. König*. The meaning of focus particles: a comparative perspective. London: Routledge, 1991.
- Križ 2016 — *M. Križ*. Homogeneity, non-maximality, and 'all' // *Journal of semantics*. 2016, 33 (3). P. 493—539.
- Lewis 1975 — *D. Lewis*. Adverbs of quantification // *E. Keenan* (ed.). Formal semantics of natural language. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.
- Narrog, Ito 2007 — *H. Narrog, S. Ito*. Re-constructing semantic maps: the comitative-instrumental area // *STUF — Language typology and universals*. 2007, 60 (4). P. 273—292.
- Pelletier 2009 — *F. J. Pelletier* (ed.). Kinds, things, and stuff: mass terms and generics. New York: Oxford University Press, 2009.
- Szabolcsi 2015 — *A. Szabolcsi*. What do quantifier particles do? // *Linguistics and philosophy*. 2015, 38 (2). P. 159—204.
- Wierzbicka 1988 — *A. Wierzbicka*. The semantics of grammar. Amsterdam: John Benjamins, 1988.
- Zamparelli 2020 — *R. Zamparelli*. Countability shifts and abstract nouns // *F. Moltmann* (ed.). Mass and count in linguistics, philosophy, and cognitive science. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2020. P. 191—224.

References

- Ashmarin 1898 — *N. I. Ashmarin*. Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka. Ch. 1. Uchenie o zvukakh (fonetika). Ch. 2. Uchenie o formakh (morfologiya). Kazan': Tipo-lit. Imp. un-ta, 1898. {*N. I. Ashmarin*. Materials for the study of the Chuvash language. Part 1. The study of sounds (phonetics). Part 2. The Study of forms (morphology). Kazan': Tipo-lit. Imp. un-ta, 1898.}
- Ashmarin 1960 — *N. I. Ashmarin*. Zametki po chuvashskoi dialektologii. In: *Materialy po chuvashskoi dialektologii*. 1960, 1. S. 65—79. {*N. I. Ashmarin*. Notes on Chuvash dialectology. 1960, 1. P. 65—79.}
- Bao 2015 — *Z. Bao*. The making of vernacular Singapore English: system, transfer and filter. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Brisson 1998 — *C. Brisson*. Distributivity, maximality and floating quantifiers. PhD thesis. New Brunswick, NJ: Rutgers University, 1998.
- Gadzhieva, Serebrennikov 1986 — *N. Z. Gadzhieva, B. A. Serebrennikov*. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: sintaksis. Moskva: Nauka, 1986. {*N. Z. Gadzhieva, B. A. Serebrennikov*. Comparative-historical grammar of the Turkic languages: Syntax. Moscow: Nauka, 1986.}
- Gil 1995 — *D. Gil*. Universal quantifiers and distributivity. In: *E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. Partee* (eds.). Quantification in natural languages. Dordrecht: Kluwer, 1995. P. 321—363.

- Gil 2004 — D. Gil. Riau Indonesian sama: explorations in macrofunctionality. In: M. Haspelmath (ed.). *Coordinating constructions*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2004. P. 371—426.
- Goldberg 2003 — A. E. Goldberg. *Constructions: a new theoretical approach to language*. In: *Trends in cognitive sciences*. 2003, 7 (5). P. 219—224.
- Haspelmath 1995 — M. Haspelmath. Diachronic sources of ‘all’ and ‘every’. In: E. Bach et al. (eds.). *Quantification in natural languages*. Dordrecht: Kluwer, 1995. P. 363—383.
- Hinterwimmer 2020 — S. Hinterwimmer. A comparison of abstract and concrete mass nouns in terms of their interaction with quantificational determiners. In: F. Moltmann (ed.). *Mass and count in linguistics, philosophy, and cognitive science*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2020. P. 61—82.
- Johanson 2000 — L. Johanson. Linguistic convergence in the Volga area. In: D. Gilberts, J. A. Nerbonne, J. Schaecken (eds.). *Languages in contact (Studies in Slavic and General Linguistics 28)*. Leiden: Brill, 2000. P. 165—178.
- Kanyukova 1965 — A. S. Kanyukova. *Chuvashskaya dialektologiya*. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. {A. S. Kanyukova. *Chuvash Dialectology*. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965.}
- Kearns 2000 — K. Kearns. *Semantics*. New York: St. Martin's Press, 2000.
- Kodera 2011 — M. Kodera. A cross-linguistic study of mass-count distinctions. In: *Bulletin of Hannan University. Humanities & Natural Science*. 2011, 46 (2). P. 43—52.
- König 1991 — E. König. *The meaning of focus particles: a comparative perspective*. London: Routledge, 1991.
- Križ 2016 — M. Križ. Homogeneity, non-maximality, and ‘all’. In: *Journal of semantics*. 2016, 33 (3). P. 493—539.
- Kuznetsov 2018 — A. V. Kuznetsov. Chuvashskaya dialektologiya: itogi i zadachi izucheniya. In: *Itogovyie nauchnye sessii 2015—2018 godov*. Cheboksary, 2018. S. 345—384. {A. V. Kuznetsov. *Chuvash dialectology: results and research perspectives*. In: *Final Academic Sessions of 2015–2018*. Cheboksary, 2018. P. 345—384.}
- Lewis 1975 — D. Lewis. *Adverbs of quantification*. In: E. Keenan (ed.). *Formal semantics of natural language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.
- Logvinova 2019 — N. N. Logvinova. Nepossessivnye funktsii possessivnogo pokazatelya tret'ego litsa v malokarachkinskom govore chuvashskogo yazyka. In: D. F. Mishchenko (ed.). *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019, 15 (2). S. 86—129. {N. N. Logvinova. Non-possessive functions of the third-person possessive marker in the Malokarachkino dialect of Chuvash. In: D. F. Mishchenko (ed.). *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019, 15 (2). P. 86—129.}
- Logvinova i dr. 2024 — N. N. Logvinova, V. M. Filippova, I. D. Sadakov, M. A. Kholodilova. *Ustnyi korpus Malokarachkinskogo govora chuvashskogo yazyka*. Moskva: Mezhdunarodnaya laboratoriya yazykovoï konvergensii, NIU VShE, 2024. URL: <https://lingconlab.ru/chuvash/> (accessed 14.01.2026). {N. N. Logvinova, V. M. Filippova, I. D. Sadakov, M. A. Kholodilova. *Oral Corpus of the Malokarachkino Dialect of Chuvash*. Moscow: International Laboratory of Language Convergence, HSE University, 2024. URL: <https://lingconlab.ru/chuvash/> (accessed 14.01.2026).}
- Lyashevskaya 2004 — O. N. Lyashevskaya. *Semantika russkogo chisla*. Moskva: Yazyki russkoy kul'tury, 2004. {O. N. Lyashevskaya. *The semantics of grammatical number in Russian*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2004.}
- Mudrak 1993 — O. A. Mudrak. *Istoricheskie sootvetstviya chuvashskikh i tyurkskikh glasnykh*. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN, 1993. {O. A. Mudrak. *Historical correspondences of Chuvash and Turkic vowels*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 1993.}
- Mudrak 2009 — O. A. Mudrak. *Klassifikatsiya tyurkskikh yazykov i dialektov s pomoshch'yu metodov glottokhronologii...* Moskva: RGGU, 2009. {O. A. Mudrak. *Classification of Turkic languages and dialects using glottochronological methods...* Moscow: RGGU, 2009.}
- Narrog, Ito 2007 — H. Narrog, S. Ito. Re-constructing semantic maps: the comitative-instrumental area. In: *STUF — Language typology and universals*. 2007, 60 (4). P. 273—292.
- Pavlov i dr. (red.) 1957 — I. P. Pavlov, N. A. Andreev, N. S. Pavlov (eds.). *Materialy po grammatike sovremennogo chuvashskogo yazyka*. Cheboksary: Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1957. {I. P. Pavlov, N. A. Andreev, N. S. Pavlov (eds.). *Materials on the grammar of modern Chuvash*. Cheboksary: Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1957.}
- Pelletier 2009 — F. J. Pelletier (ed.). *Kinds, things, and stuff: mass terms and generics*. New York: Oxford University Press, 2009.
- Savel'ev 2014 — A. V. Savel'ev. *Otazhenie dialektnykh osobennostei v staropis'mennykh pamyatnikakh chuvashskogo yazyka XVIII veka*. PhD dissertation. Moskva, 2014. {A. V. Savel'ev. *The reflection of dialectal features in 18th-century early written monuments of the Chuvash language*. PhD dissertation. Moscow, 2014.}
- Szabolcsi 2015 — A. Szabolcsi. What do quantifier particles do? In: *Linguistics and philosophy*. 2015, 38 (2). P. 159—204.
- Tatevosov 2002 — S. G. Tatevosov. *Semantika sostavlyayushchikh imennoi gruppy: kvantornye slova*. Moskva: IMLI RAN, 2002. {S. G. Tatevosov. *The semantics of nominal phrase constituents: quantifier words*. Moscow: IMLI RAN, 2002.}
- Wierzbicka 1988 — A. Wierzbicka. *The semantics of grammar*. Amsterdam: John Benjamins, 1988.

Zakirova 2019 — A. N. Zakirova. Chastitsy emfaticheckoi identichnosti v povolzhskom yazykovom soyuze. Diploma thesis. Moskva: NIU VShE, 2019. {A. N. Zakirova. Particles of emphatic identity in the Volga linguistic area. Diploma thesis. Moscow: NIU VShE, 2019.}

Zamparelli 2020 — R. Zamparelli. Countability shifts and abstract nouns. In: F. Moltmann (ed.). Mass and count in linguistics, philosophy, and cognitive science. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2020. P. 191—224.

Forest Nenets evidential *-mæ*: evidence contra double scope

Daria S. Sidorkina, HSE University (Moscow); dsidorkina@hse.ru

Nenets indirect evidential suffix *-mi/-mæ* is in most cases phonologically indistinguishable from the past participle suffix *-mi/mæ*. It has been reported that the *-mæ* element may occupy two morphological slots, either preceding the suffix *-λ°xa/-ræxa* or following it [Burkova 2010; Burkova 2022]. The precise semantic interpretation of the two orderings has received mixed characterizations. In this paper I present novel empirical data from Forest Nenets regarding the semantic properties of *-mæ*, its temporal interpretations and possible adjunction site.

The epistemic marker *-λ°xa* is homonymous with the similitive marker *-λ°xa*, which attaches to nominals. The *V-mæ-λ°xa* ordering was previously described both as an epistemic-evidential construction and as a past tense participle bearing similitive marking (approximately paraphrased as ‘Like the one who V-ed’). Using targeted semantic elicitation, I show that *V-mæ-λ°xa* lacks both evidential and epistemic meanings. I argue that both semantic and morphosyntactic properties of the *V-mæ-λ°xa* construction indicate that it consists of a past tense participle and a similitive marker. Consequently, it makes no claim towards the truth of the embedded proposition. Unlike constructions with evidential *-mæ*, *V-mæ-λ°xa* restricts the temporal localization of its prejacent to events in the past. Its agreement patterns are also characteristic of nominal rather than verbal predication. Overall, the data indicates that a supposed reverse ordering of epistemic and evidential morphemes is, in fact, a similitive construction made up of distinct homonymous morphemes.

Keywords: evidentiality, epistemic modality, semantics, Forest Nenets, Uralic

НЕПРЯМАЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В ЛЕСНОМ НЕНЕЦКОМ — СВИДЕТЕЛЬСТВА ПРОТИВ ДВОЙНОЙ СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ

Сидоркина Дарья Сергеевна,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); dsidorkina@hse.ru

Показатель непрямого засвидетельствованности *-mæ/-mi* в лесном ненецком в большинстве позиций фонетически совпадает с суффиксом причастия прошедшего времени *-mæ/-mi*. Ранее было отмечено, что элемент *-mæ/-mi* может занимать две морфологические позиции — до суффикса *-λ°xa/-ræxa* или после него [Burkova 2010; 2022]. Однако имеющиеся в литературе сведения относительно семантической интерпретации этих конструкций носят достаточно общий характер. В настоящей статье вводятся новые эмпирические данные по лесному ненецкому, иллюстрирующие семантические, темпоральные и структурные свойства показателя *-mæ*.

Эпистемический суффикс *-λ°xa* омонимичен симилиативному маркеру, который присоединяется к именам. Конструкция *V-mæ-λ°xa* ранее описывалась и как эвиденциально-эпистемическая, и как сочетание причастия прошедшего времени и симилиатива. Согласно нашим данным, полученным методом элицитации, *V-mæ-λ°xa* не имеет эвиденциальных или эпистемических значений. Семантические и морфосинтаксические свойства конструкции указывают на то, что она является сочетанием причастия прошедшего времени и симилиативного показателя. Вследствие этого конструкция лишена эпистемического значения, т. е. не передаёт значения, что говорящий считает вложенную пропозицию *p* истинной или вероятной. Кроме того, конструкция *V-mæ-λ°xa* отличается от эвиденциальных конструкций тем, что локализует вложенное событие в прошлом и согласуется как именной, а не глагольный предикат. Таким образом, предполагаемые примеры обратного порядка эвиденциальной и эпистемической морфем в действительности являются формами симилиатива.

Ключевые слова: эвиденциальность, эпистемическая модальность, семантика, лесной ненецкий язык, уральские языки

I am deeply grateful to the Forest Nenets speakers, with whom I had a chance of working in preparation of this paper. I am also thankful to Svetlana Toldova, Burov Daniil, Alexey Kozlov and Pavel Belov, as well as the two anonymous reviewers for their helpful comments. All the remaining errors are mine.

Выражаю глубокую благодарность носительницам лесного ненецкого языка, с которыми я работала в ходе подготовки данной статьи. Я искренне признательна Светлане Юрьевне Толдовой, Алексею Андреевичу Козлову, Даниилу Александровичу Бурову и Павлу Андреевичу Белову, а также двум анонимным рецензентам за ценные советы и замечания. Все возможные недочеты и ошибки в тексте и примерах прошу считать исключительно авторскими.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-01464 «Грамматическое описание и документация лесного ненецкого языка» (<https://rscf.ru/project/24-28-01464/>).

1. Introduction

Samoyedic languages generally have a way of grammatically encoding indirect evidentiality, which has been studied extensively, e.g. [Burkova 2004; Urmanicheva 2014; Jalava 2017; Wagner-Nagy 2018]. See an overview and relevant references in [Skribnik, Kehayov 2018; Skribnik, Aikhenvald 2024]. In the semantic literature on evidentials, there has been a long-going discussion on what empirical tests can be used to classify evidentials and approach them in the field [Faller 2002; Matthewson et al. 2007; Huijsmans 2022, etc.]. As of now, these tests have not yet been implemented with the Uralic languages, much less in a fieldwork setting. The goal of this paper is to provide a thorough and theoretically informed description of Forest Nenets indirect evidential *-mæ* and two verbal constructions, *V-mæ-λ^oxa* and *V-λ^oxa-mæ*, both of which have been claimed to be combinations of epistemic modality and indirect evidentiality. This work makes a contribution to semantically-informed typology of evidentials using the empirical diagnostics from literature on verbal semantics and makes new generalizations about Forest Nenets using new data which elucidate the fine-drawn semantic properties of the discussed constructions.

Among a variety of evidential morphemes, Forest Nenets contains a morpheme *-mæ*, which can be interpreted as an inferential or mirative marker. The segment *-mæ* is frequently used in complex forms with *-λ^oxa*, which conveys epistemic modality when used with verbal stems. In such forms, the *-mæ* morpheme seems to occupy two different morphological slots — directly preceding or following *-λ^oxa*. The two available orderings are illustrated in (1)—(2).

- (1) *xal'ałāxamaj*
xal'a-λ^oxa-mæ
 rain-APPR-EVID
 ‘Turns out that it probably rained.’
- (2) *xal'amæλxa*
xal'a-mæ-λ^oxa
 rain-PT.PST-SIM
 ‘Seems like it rained.’

As I will show in this section, constructions above have been, among other accounts, mostly analyzed as different linear orderings of an evidential morpheme *-mæ* and an epistemic morpheme *-λ^oxa*. However, the empirical picture is a bit more complex. Besides the morpheme of indirect evidentiality *-mæ*, glossed as EVID, Forest Nenets also implements the morpheme *-mæ* that marks past tense participles, glossed as PT.PST and there also exists an analysis that regards *-mæ* in *V-mæ-λ^oxa* as a participle. In existing accounts, PT.PST and EVID have been described as either homonymic morphemes or different semantic instantiations of the same morpheme [Burkova 2010]. In Section 2.2 I will show that, although in most cases PT.PST and EVID coincide, there are morphological configurations where they have phonologically distinct realizations. For environments where the two morphemes are phonologically indistinguishable, additional diagnostics are needed to discern the two.

The *-λ^oxa* morpheme also has a phonologically identical counterpart. With verbal stems, *-λ^oxa* has been analyzed as a marker of epistemic modality based on visual evidence [Burkova 2004; Glavatskih 2023] and labeled as an *approximative* morpheme (APPR). Although no precise characterization of its modal strength has been offered yet, we tentatively assume that it conveys weak epistemic necessity, as defined in [Silk 2022]. With nominal stems, *-λ^oxa* is analyzed as a simulative marker (SIM), informally paraphrased as “Similar to X”, cf. Section 4.2 for a more thorough discussion.

Presence of nearly homonymic morphemes for both *-λ^oxa* and *-mæ* raises the following question: are constructions in (1)—(2) simply different orderings of the same morphemes or are they comprised of different morphemes that happen to coincide in their phonological form? In this paper I aim to answer this question using thorough semantic and morphosyntactic diagnostics. The central aim of the paper is thus testing the properties of *V-mæ-λ^oxa* and *V-λ^oxa-mæ* constructions and determining their makeup through morphosyntactic and semantic criteria which allow to distinguish the PT.PST and EVID (*-mæ*), as well as APPR and SIM (*-λ^oxa*) in cases where the two are phonologically indistinguishable.

Existing accounts of *-mæ-λ^oxa/-λ^oxa-mæ* constructions offer the following outlooks. For Forest Nenets, Burkova [2004] suggests that the *-λ^oxa-mæ* construction is a combination of epistemic modality and mirativity. For Tundra Nenets, Burkova [2010: 287] offers two coexisting accounts. First, she proposes a following model for the morphological slots in the evidential-modal domain: *stem-(clitic)-EV₁APPROX-EV₂*, where APPROX is *-rəxa*, a Tundra Nenets counterpart of *-λ^oxa*, EV₁ is the first evidential slot and EV₂ is the second one. Burkova suggests that the first evidential slot is filled by evidential morphemes *-na/da-* (presumptive) and *-wanda-* (“sensory” prospective), which are homonymous with markers of present tense and future tense participles accordingly.

The second slot is proposed to contain either the auditive marker *-won* (AUD), or the indirect evidential *-mi/wi*, which in this position marks mirativity exclusively. There is no mention of *-mi/wi* adjoining in the first evidential slot, however, the following description is added in the later chapters: ‘*Let us note that the affix -mi/wi occupies different slots in the wordform depending on its meaning, inferentive or mirative*’¹ [ibid.: 300]. The glossing convention that is adopted in the aforementioned work follows in labelling combinations of participles with *-rəxa* as EV-APPROX. The second account analyzes V-*mi-rəxa* as a combination of a simulative marker and a perfective participle [ibid.: 308], glossed as V-PT_{pr}-ASSM.

Burkova [2022] suggests that slot before and after *-λ^oxa* are both filled with evidential morphemes. The *-mæ* morphemes are distributed between two slots in accordance to whether they have an inferential or a mirative interpretation: ‘*Interestingly, Nenets finite verb forms have two slots for evidential suffixes. The markers of inference, presumption, absence of the source of information, and forecast precede the epistemic mood suffix, while the markers of sensory perception and mirativity follow the mood suffix. Note that the evidential suffix (NenT) [in Tundra Nenets — author’s note] /-mi/, (NenF) [in Forest Nenets — author’s note] /-mae/ can occupy two different slots, depending on whether it expresses inference or mirativity*’ [ibid.: 696].

Although the data used in Burkova’s study is mainly illustrating the evidential system of Tundra Nenets, she makes generalizations for both Tundra and Forest Nenets double-slot evidentiality. The expected pattern is illustrated below in (3). Although Burkova provides an expected translation for V-*λ^oxa-mæ* forms, there is none for V-*mæ-λ^oxa*, so I conjecture it parallelly.

- (3) V-*mæ-λ^oxa* — ‘Based on my inference from evidence, it seems like *p*’
 V-*λ^oxa-mæ* — ‘Seems like *p*, and it surprises me’

Such an analysis essentially suggests that inferentivity and mirativity are two separate categories which are, moreover, located in two separate morphological slots. In this paper I will show that that analysis of V-*mæ-λ^oxa* and V-*λ^oxa-mæ* as two reorderings of epistemic and evidential affixes raises many issues for the general theory of evidential semantics. In this paper I will use the opposition of illocutionary and modal evidentials, which serves to classify evidentials based on their attachment site and semantic contribution. I will argue that evidential operators in different morphological slots are expected to yield different results when tested for embedding, challengeability and other properties associated with the illocutionary/modal status of a particular evidential. I will discuss the properties of the evidential *-mæ* and show that the results it shows for the aforementioned tests do not change depending on the mirative or inferentive interpretation of the evidential. As a consequence, it is proven to be unlikely that the evidential *-mæ* has different attachment sites depending on whether it has mirative or inferentive semantics. I then examine the two constructions V-*mæ-λ^oxa* and V-*λ^oxa-mæ* and show, using both semantic and morphological criteria, that V-*mæ-λ^oxa* can only be analyzed as a combination of a perfective participle and a simulative marker, and not as an epistemic-evidential construction.

The paper is structured as follows. Section 2 discusses the theoretical issues and introduces the relevant terminology. Section 3 presents the relevant background on Forest Nenets and data collection. Section 4 examines the semantic properties, temporal localization and embeddability of evidential *-mæ*. The data show that inferential and mirative interpretations of *-mæ* most likely fail to have two distinct scopal relations to epistemic modality. Section 5 provides further discussion regarding perfective participle homonym of evidential *-mæ* and simulative homonym of epistemic *-λ^oxa*. Section 6 interprets V-*mæ-λ^oxa* and V-*λ^oxa-mæ* as constructions made of homonymic morphemes and shows how it can be proven semantically through the difference in use. Section 7 discusses the theoretical consequences of such an account and Section 8 concludes.

2. How the morphological slot impacts semantics

In this section I discuss the structural approaches to evidentials that suggest that the attachment site of an evidential is directly connected to its semantic properties. This discussion will be relevant in the following investigation where I will try to determine whether the evidential *-mæ* indeed has two morphological slots, as suspected initially.

Suppose we adopt an analysis where two separate slots posited for evidentials, where one evidential slot precedes the epistemic slot and the other follows it. When morphological ordering is connected to syntactic structure, the Mirror Principle [Baker 1985] is frequently used as a key assumption. The Mirror Principle states that morphemes that correspond to higher syntactic projections should occupy morphological slots that are further from the stem. With that assumption, the positioning of EV₁ slot might become problematic. According to a hierarchy of syntactic projections proposed by Cinque [Cinque 1999], evidential projections are generally ex-

¹ Translation from Russian is mine.

pected to occur higher than epistemic ones, see a fragment of mentioned hierarchy below. The hierarchy is built according to the patterns of linear order of adverbials, particles, and, most importantly in our case, patterns of morpheme ordering in agglutinating languages (Korean, Turkish, Una, Tauya, and Chinese).

(4) Mood_{speech act} > Mood_{evaluative} > **Mood_{evidential}** > **Mood_{epistemic}** > T(Past) > T(Future) > Mood_{irrealis} > ...

However, it has already been established in the literature that the positioning of evidentiality is not as homogenous and straightforward as Cinque's hierarchy makes it seem. Cross-linguistically, evidential markers do not obligatorily fill the same morphological slot, as it can be associated with different morphological categories and syntactic projections even within a particular language, see [Dixon, Aikhenvald 2003; Blain, Déchaine 2007]. As such, evidentiality can be expressed together with categories of tense, aspect and modality. However, when the more fine-grained semantic classification of evidential affixes is put in place and evidentials are related to broader set of syntactic projections, then the general ordering relations in (4) are maintained to a far greater extent [Blain, Déchaine 2007; Bhadra 2018].

With such structural assumptions in place, how can the attachment site of the evidential be determined semantically? In terms of meaning, the operators that might be broadly labeled as 'evidential' form distinct separate categories [Faller 2002; Matthewson et al. 2007; Huijsmans 2022]. Here I will regard the most widely-used labels — illocutionary and modal evidentials.

Evidentials that are labeled *illocutionary* modify the conditions of a Speech Act and not the truth-conditions of the proposition. Such evidentials are located at the top-most positions in the structure, see [Faller 2002; 2003]. In simple terms, illocutionary evidentials modify the conditions under which the sentence can be uttered, but do not change the content of the proposition inside. *Modal evidentials* has been analyzed as a sub-type of epistemic modals that contain presuppositional restrictions which specify the source of information used to make a modal statement, see [Izvorski 1997; Matthewson et al. 2007; Matthewson 2012; Huijsmans 2022]. Consequently, such evidential are located lower in the structure than illocutionary ones. Modal evidentials do not modify restrict the conditions under which the sentence can be uttered, but they change the propositional content of the utterance. Essentially, modal evidentials are epistemic modals with an additional evidential flavor. As such, they are expected to behave more like modals and less like illocutionary operators, such as questions. Note that the illocutionary-modal distinction is orthogonal to the evidence type distinction. That is, an evidential being inferential or reportative or auditive does not directly correlate with it being illocutionary or modal. The later characteristic will impact how evidentials are negated, whether they can embed or be challenged in discourse, but not the evidence type.

It was shown that illocutionary evidentials do outscope epistemic modals both semantically and syntactically, consider the linear ordering of the Quechua epistemic clitic *-puni* and illocutionary evidential clitics *-n/-s/-chá* in (5).

- (5) a. *T'anta-ta-puni irqi-ta-qa qu-rqa-n.*
bread-ACC-PUNI child-ACC-to give-PST1-3
p = '(S)he certainly gave bread to the child.'
- b. *T'anta-ta-{puni/-n/-s/-chá}² irqi-ta-qa qu-rqa-n.*
bread-ACC-PUNI/-MI/-SI/-CHÁ child-ACC-to give-PST1-3
p = '(S)he certainly gave bread to the child.'
ev = speaker has direct/reportative/conjectural evidence for *p* [Faller 2002]

Cases when the same evidential morpheme can adjoin in different domains have also been attested in other languages. [Bhadra 2018] discusses Bangla (< Indo-Aryan) evidential particle *naki* and suggests that the syntactic position of the particle directly influences its evidential flavour. As shown in examples (6)—(7), *naki* acquires a reportative interpretation when used clause-initially and an inferential interpretation when used clause-finally.

reportative

- (6) Context: Ram heard a rumor about his neighbor that he is now reporting to his friend Sita:
Mina naki amerika chol-e ja-cche
Mina NAKI America go-IMPV go-3P.PRES.PROG
'Mina is going away to America (I hear).' [Bhadra 2018]

² The notation for sentence modifications is as follows:

(*A) — A cannot be inserted;

*(A) — A cannot be omitted;

(A) — both sentences with A or without A are felicitous;

{A/B/C} — several items are grammatical in this position.

inferential

(7) Context: Ram knows that Mina has been thinking about going to America for a while now but has not made up her mind yet. Today, he suddenly sees several of her suitcases, all packed, sitting out in the hall and asks her brother:

Mina amerika chol-e ja-cche naki?

Mina America go-impv go-3P.PRES.PROG NAKI

‘(Given what I inferred) Mina is going away to America (is it true)?’ [ibid.]

Bhadra argues that the morpheme that surfaces in two positions is underlyingly the same entity and suggests a mechanism that aims to derive the evidential flavours of *naki* from its syntactic position and underlying unified semantics.

Recall the observation discussed in Section 1, that Forest Nenets *-mæ* before $-\lambda^{\circ}xa$ yields an inferentive interpretation and *-mæ* after $-\lambda^{\circ}xa$ yields a mirative one. If such correspondence between interpretations and attachment sites indeed takes place, then inner ‘inferentive’ *-mæ* is expected to be a modal evidential, while outer ‘mirative’ *-mæ* is expected to be an illocutionary evidential. Such a correspondence, if found, would be very surprising, since the presence of two distinct non-adjacent syntactic projections for inferential and mirative meanings implies that these two are semantically distinct operators and that has been questioned, see a typological study in [Lazard 1999].

In the following section I introduce the relevant background for Forest Nenets and my semantic methodology. In Section 4 I run a series of tests for the evidential *-mæ*, which are aimed to distinguish modal and illocutionary evidentials. I will try to determine whether the results of those tests will show that *-mæ* is an illocutionary evidential, thus firmly precluding the possibility of it adjoining under the epistemic $-\lambda^{\circ}xa$.

3. Background

3.1. Data and methodology

Forest Nenets belongs to the Samoyedic branch of the Uralic languages and was spoken by about 960 people in 2010, according to [Burkova 2016]. Forest Nenets is endangered according to the Endangered Languages Project, see [ELP — the endangered languages project 2024]. However, during our fieldtrips we have encountered children quite proficient in Forest Nenets, which suggests that language transfer to younger generations has not stopped.

Forest Nenets has been studied to a much lesser degree than Tundra Nenets. Descriptions of Forest Nenets can be found in [Verbov 1973; Sammallahti 1974; Koshkaryova 2005; Burkova 2022], however, up to this day there is no complete grammatical description of Forest Nenets. The data used in this study were collected during two fieldtrips to city Tarko-Sale and Kharampur village in the Yamalo-Nenets Autonomous Region, Russia in 2023—2024. The expeditions were supported by HSE University and organized by Svetlana Toldova. Forest Nenets is spoken along some tributaries of the Ob’ river and near the Pur river. There are three distinguished dialects of Forest Nenets: Pur dialect, Agan dialect and the Numto dialect. The elicited data presented here come exclusively from the speakers of Pur Forest Nenets. In total, I have worked with 13 consultants. Each example was verified with at least three native speakers.

During our elicitation sessions, the speakers were presented with Russian stimuli and asked to translate it to Nenets in context. If the context was provided in Russian and not translated to Nenets, it will be shown in curly brackets as {...Context...}. Sometimes the relevant context was presented in form of a dialogue including a target sentence and the whole dialogue was translated to Nenets. The relevant modifications were then made for consultants to judge the grammaticality of altered sentences.³ The contexts that were translated as dialogues will be presented in square brackets as [...Context...]. Dialogues provide a more natural discourse environment, since both the context and the target sentence are translated to the Forest Nenets, while pairing a context constructed in Russian with a Forest Nenets stimulus might seem more artificial.

Our examples are presented in the following way. The phonetic transcription is given in the first line and the phonemic transcription is given in the second line, with morpheme-by-morpheme glossing following. By phonetic transcription we mean transcription which reflects how reduced and diphthong-like vowels are realized, as well as the metathesis, variations of glottal stop realization etc. In our phonemic transcription, we aim to convey an abstract underlying form of morphemes, which should capture the stress and vowel alternations in different

³ Acceptable examples will be marked with OK, ill-formed sentences will be marked with a hash (#) when the infelicity arises to semantic incompatibility and with a star (*) when infelicity is grammatical. Sentences that received mixed judgements will be marked with %.

word forms. The transcription convention has been developed by the HSE Forest Nenets Project [HSE forest nenets corpus to appear] and is based on Tapani Salminen's work [Salminen 2007] with some adaptations made for the Pur dialect.

3.2. Phonetic distribution of *-mæ* and its homonyms

Before we examine the semantics of the indirect evidential, some remarks are due regarding its morphological distribution. The *-mæ* morpheme in evidentials has allomorphs *-mæ/-mi/-mäj*.⁴ To illustrate the distribution of allomorphs, a fragment of verbal paradigm of the verb *to-š°* 'to come' is given below, displaying inferential forms in subjective conjugation.

Table 1. Paradigm of EVID forms in the subjective conjugation

	SG	DU	PL
1	to-mæ-t°	to-mæ-j°	to-mi-mä?
2	to-mæ-n°	to-mi-čej	to-mi-ta?
3	to-maj	to-mæ-xæŋ	to-maj-?

In Section 1 I have mentioned that the past tense participle *-mæ* (PT.PST) and the indirect evidential *-mæ* (EVID) phonologically coincide in most environments. However, I am reluctant to claim that PT.PST and EVID markers are proper homonyms. Forest Nenets phoneme /æ/ is a diphthong according to [Sammallahti 1974; Salminen 2007], roughly corresponding to *ä* in Barmich and Vello's [2002] transcription. The phoneme might surface as [i], [aj] and [æ] in different positions. As of now, no comprehensive phonological account has been proposed to thoroughly predict the necessary phonetic context for each realization.

Consider Table 2, which displays the realizations of PT.PST and EVID in identical phonetic environments. Positions in which the two morphemes coincide are highlighted with gray. As you can see, the only positions where PT.PST and EVID have different realizations are in the final syllables. These contrasts can be potentially accounted for in two ways. The first one would be to regard PT.PST and EVID as homonyms and derive differences in distribution by postulating additional phonologically saturated morphemes, e.g. suggesting that EVID combines with a general finite stem marker realized as *-°*. The second way would be to simply state that PT.PST and EVID are not, in fact, homonyms. Discussing the most plausible approach is out of scope of the current paper, so here I will limit myself to presenting the relevant data. A complete account of the /æ/ phoneme in Forest Nenets is necessary to make the final choice.

Table 2. Phonetic distribution of PT.PST and EVID

	Past participle	Indirect evidential
Even + non-final + before non-schwa ⁵ syllables	<i>ko-mi-ta?</i> <i>ko-mi-mä?</i>	<i>ko-mi-ta</i>
Even + non-final + before syllables with schwa	<i>ko-mæ-λ°</i>	<i>ko-mæ-š°</i>
Even + final	Only <i>ko-mi</i> with overt head; <i>ko-mæ</i> available with null head	<i>ko-maj</i>
Odd + non-final + before non-schwa syllables	<i>temta-mäj-ma?</i> <i>temta-mäj-ta</i>	<i>temta-mäj-ta</i>
Odd + non-final + before syllables with schwa	<i>temta-mæ-λ°</i>	<i>temta-mæ-š°</i>
Odd + non-final	Only <i>temta-mi</i> with overt head; <i>temta-mæ</i> available with null head	<i>temta-maj</i>

Table 2 also convincingly demonstrates that EVID and PT.PST are neutralized in positions before schwa-containing syllables, i.e. the two morphemes are phonetically indistinguishable if put before *-λ°xa*. As a conse-

⁴ Vowel length is neutralized in unstressed syllables, including the last syllable [Salminen 2007], hence the EVID morpheme in our examples will be mostly realized as *-maj* without marked shortness.

⁵ Here and after I use schwa not to refer to the generic ə, but rather to the phoneme °, which was first introduced for Nenets by Salminen [2007].

quence, the only way to distinguish EVID and PT.PST in the morphological slot preceding $-\lambda^{\circ}xa$ is by examining their morphosyntactic and semantic properties.

4. Investigating indirect evidentiality

4.1. Notes on terminology

In this section I examine the semantic properties of evidential $-mæ$, namely the available temporal interpretations and whether $-mæ$ behaves like a modal or an illocutionary evidential. To find additional support for Burkova's [2022] approach I will attempt to determine whether any properties of $-mæ$ will converge depending on whether it has a mirative or an inferential interpretation. First, let us establish the terminology. Here the line between 'mirative' and 'inferential' interpretations will be drawn following the criteria given below.

(8) Mirative interpretation

- a) Mirative contexts involve direct witnessing of a preadjacent event p , however, the event p is expected to have begun (or even ended) before the Speaker has a realization regarding p [Koev 2016; Hirayama, Matthewson 2022];
- b) Mirative contexts involve information that is particularly new and unexpected for the speaker.

(9) Inferentive interpretation⁶

- a) Inferentive contexts disallow direct witnessing of a preadjacent event p and involve evidence that is temporally or/and spatially disjoint from the time and location of p .

According to such criteria, sentence (10) will be considered mirative, since the proposition is directly witnessed by the Speaker and is framed as new information.

- (10) *xǐjil kæmλ kǎjmǎj*
xǐjil kæm-λ^o kæ-mæ
 look.IMP blood-POSS.2SG go-EVID
 'Look, you're bleeding!'

Forest Nenets evidential $-mæ$ is described in [Burkova 2022] and its Tundra Nenets counterpart $-mi(-wi)$ is described in [Labanauskas 1982; Burkova 2004; 2010; Nikolaeva 2014; Jalava 2017]. Interaction between modal and evidential domains in Tundra Nenets is thoroughly examined in [Burkova 2004]. It is important to note that Forest and Tundra Nenets modal domains differ in many respects, for example Forest Nenets lacks probabilative and dubitative (superprobabilative) modals that are present in Tundra Nenets. Taking these differences into account, conclusions made from Tundra Nenets data cannot be straightforwardly generalized to Forest Nenets.

Evidential $-mæ$ marks propositions which were not witnessed by the Speaker and is mostly restricted to indirect evidence that was not acquired audially. Indirect audial evidence is expressed by a separate evidential morpheme $-won$ [Burkova 2004], cf. (11).

- (11) *pi^{hta} xomǎna wulši ηǎjmaj*
pi^{hta} xom^ona wulši ηæ-mæ
 (s)he very cruel be-EVID
 'Turns out he is so evil!'

- (12) *ńa^hkna čeʔšiʔ ńemamaʔ šičal šim ńǎjmaj / #ńǎjwon*
ńaʔk^ona čeʔš-iʔ ńemá-maʔ šičal ši-m næ-mæ / #næ-won^o
 home.LOC get.cold-REFL.3SG mother-POSS.1PL window-ACC open-EVID / #open-AUD
 'It's cold. Mother opened the window.'

Indirect evidential marking is unavailable with directly witnessed propositions, see (13) where the Speaker came on her own accord. Compare it with (14), where the Speaker realizes that the children have drunk up the milk without seeing the drinking event itself.

- (13) *mań ton toɣat / #tomæt*
mań^o to-n^o to-ɣa-t^o / #to-mæ-t^o
 I lake-DAT come-GFS-1SG / #come-EVID-1SG
 'I came to the lake.'

⁶ Since $-mæ$ is not very productive in reportative uses, I will regard those as an instance of inferentive interpretation.

- (14) [Look, there is no milk left.]
ɲašk'i? ɲilmituŋ
ɲašk'i-? ɲil-mæ-tuŋ
 child-PL drink-EVID-3PL
 ‘The children drank it up [as I infer].’

While example (15) passes our criteria for inferentive interpretations (evidence temporally disjoint from the described proposition), an anonymous reviewer notes it can also be interpreted as mirative. We agree with this judgement and, for the purposes of this Section, we will generally try to avoid examples that cross the fuzzy boundary between mirative and evidential. Note that the validity of the distinction between the two may be debated, see the discussion in [Melenchenko 2024].

- (15) *mañi walaλ ñiŋ tanmæŋ*
mañ° walaλ ñi-ŋ tan°-mæ-t°
 I dirt on-DAT step-EVID-1SG
 ‘[Oh,] I’ve stepped in the dirt.’

In this section I will examine some properties of the indirect evidential *-mæ*. First, I will attempt to determine whether it shows properties that are associated with illocutionary evidentials or properties associated with modal evidentials. To distinguish evidentials that operate at the modal or illocutionary level, Maria Faller [Faller 2002] proposes a set of diagnostics, adopted and modified by [Matthewson et al. 2007; Huijsmans 2022]. Although the validity of the illocutionary operator-based theory of evidentials has been questioned [Matthewson 2012], I consider these tests quite valuable in determining the overall scope of an evidential. Here I discuss some of them and apply them to the Forest Nenets *-mæ* evidential. Second, I will provide a short description of the temporal restrictions that evidential *-mæ* imposes on its prejacent and show that those have no direct correspondence to contexts that can be firmly labelled as mirative.

4.2. Does *-mæ* assert its prejacent?

According to [Burkova 2022], among other meanings, *-mæ* has a reportative meaning, marking information obtained via hearsay. In line with Nikolaeva [2014], who makes a similar observation for Tundra Nenets *-mi/wi*, I suggest that *-mæ* lacks standalone reportative meaning. Instead, in sentences that make inferences from information reported by other people, *-mæ* is interpreted as a mirative or an inferential. Absence of dedicated reportative meanings in *-mæ* is illustrated in (16), where *-mæ* cannot be used in reportative contexts without an accompanying matrix verb *mañ-štu-?* ‘they say’. As such, it fails to mark that the information was reported by other people.

- (16) #(*mañštu?*) *taña kasa ɲaškim tẽmta / tẽmtamaj*
 #(*mañ-štu-?*) *taña kasa ɲaški-m tẽmta / tẽmta-mæ*
 #(say-FREQ-3PL) Tanya man child-ACC buy / buy-EVID
 ‘(According to what I’ve heard) Tanya gave birth to a boy.’

Besides that, *-mæ* is also not a citation marker of some sort, as it not only presents the relevant proposition, but also asserts it. As shown in (17), the Speaker cannot assert a *mæ*-marked proposition and not be committed to its validity.

- (17) *pet'a wed'aʔkota təjmaj. #(čiki ñeniša ñi ɲa?)*
pet'a wed'aʔko-ta təj°-mæ. #(čiki ñeniša ñi ɲæ-?)
 Petya dog-POSS.3SG possess-EVID this truth NEG[3SG] be-CONNEX
 Intended: ‘It is said that Petya has a dog, but it’s not true.’

Therefore, *-mæ* requires the Speaker to believe in the embedded proposition and not simply retell it. Note that epistemic modals are incompatible with a direct negation of their prejacent, as shown in (18) for English. Therefore, if *-mæ* were to be compatible with a direct negation of *p*, it would serve as an argument for its illocutionary nature.

- (18) # It may/must be raining, but it is not (raining) [Faller 2002].

4.3. Can *-mæ* be embedded?

Illocutionary evidentials fail to take scope under other at-issue operators with the exception of those that embed speech acts, like verbs of saying. By at-issue operators I mean operators that contribute to the assertive component of a proposition and alter its truth-conditions. Modal evidentials are expected to successfully embed

under other at-issue operators, as they themselves modify the truth conditions of the proposition. Therefore, if an evidential can take narrow scope, then it is certainly not an illocutionary evidential. However, if an evidential can only have wide scope, no conclusions can be made about its since modals also can have restrictions on embedding. For example, English epistemic *must* and epistemic modals in St’át’imcets fail to take scope under negation or in conditional protases [Hacquard 2006; Matthewson et al. 2007].

Here we will regard scopal interaction of evidential *-mæ* with conditional protases and propositional attitudes. Evidentially marked clauses fail to embed into conditional protases for morphological reasons, as conditional forms of protases are inherently nominal and have possessive agreement instead of verbal agreement.

Before we turn to evidentials embedded under propositional attitudes, let us elaborate what an embedded evidential might look like. Note that we are concerned not only with the morphological marking of evidentiality on the embedded clause, but also with the semantic scope of evidentiality. An evidential with narrow scope should be anchored to the matrix clause subject and not the Speaker herself. That is, for sentences like “A said that *p*-EVID” we have to use contexts where the Speaker cannot utter the evidential claim herself, and only the matrix clause subject A can utter *p*-EVID felicitously. To guarantee that the embedded evidentiality is anchored to the matrix clause subject and not the Speaker, I use scenarios when the Speaker knows that the proposition *p* is false or has witnessed it directly. See an example from [Huijsmans 2022] below.

- (19) Context: Gloria saw Daniel buying bus tickets to Vancouver, so she thinks he’s planning a trip and she tells me. I happen to know that he was buying them for a friend.
 a. Gloria told me Daniel must be going to Vancouver, but he’s not.
 b. #Daniel must be going to Vancouver, but he’s not.

First, let us examine complements of verbs of saying. In example (20), the matrix clause subject has directly witnessed her own marriage, while the Speaker herself has found out about that later. In such a context, the evidential *-mæ* can only be anchored to the Speaker and not the matrix clause subject. Hence, evidential *-mæ* in (24) is interpreted as scoping above the verb of saying.

- (20) *maša malama kuptana kid’ip’oš kǎjmaj*
 maša malama kuptana kid’ip’o-š° kǎj-mæ
 M. said way.back marry-CVB go-EVID
 ‘Masha said she married a long a time ago.’ [And I didn’t know about that!]

Example (21) presents a scenario where the Speaker herself regards the embedded proposition as the information that is already known to her, but new to the matrix clause subject Masha. Therefore, the evidential is anchored to the matrix clause subject. This might appear as an argument for the modal nature of *-mæ*, however, it is important to note that verbs of speaking may embed speech acts. Thus, to determine whether (21) indeed shows that *-mæ* is located not in the Speech Act projections, it is necessary to study the verbs of speech in Forest Nenets and the types of complements they might take. As for now, we regard this evidence as inconclusive.

- (21) *maša maŋa pet’a wéλη kǎjmaj mańi ηaj čikem kuptana čed’imáŋam*
 maša ma-ŋa pet’a wéλ-ηæ kǎj-mæ mań° ηaj čike-m kuptana čed’imá-ŋa-m°
 M. say-GFS P. boss-ESS go-EVID I but this-ACC way.back know-GFS-1SG
 ‘Masha said that Petya became a governor (as it turns out). Though I have known about it for a long time.’

Verbal doxastic attitudes are absent in Forest Nenets. Instead, a nominal construction *wi-xińa* ‘mind-LOC’ is used. Example (22), where the Speaker and the attitude holder converge, shows that evidential *-mæ* cannot be anchored to the attitude holder. Therefore, doxastic *wi-xińa*, once again, gives us no conclusive evidence for the illocutionary or modal nature of *-mæ*.

- (22) *mań wi-xińaj p’et’a klubxǎna mansλaŋa / *mansλamaj*
 mań° wi-x°na-j° p’et’a klub-x°na mans°λa-ŋa / *mans°λa-mæ
 I mind-LOC-POSS.1SG P. club-LOC work-GFS / *work-EVID
 ‘I think that Petya works in the club.’

It has been claimed before that *-mæ* forms, be it participles or evidentials, appear in complements⁷ of factive verbs [Koshkaryova 2023]. N. B. Koshkaryova suggests that *-mæ* in the complement of the verb of

⁷ An anonymous reviewer notes that the *mæ*-marked clause being the complement of the verb of knowing does not directly follow from the data. I generally agree with this assessment and, moreover, show some data that might indicate that the *mæ*-clauses in this case are not, in fact, proper complements, but rather juxtaposed clauses. Here I cite the characteriza-

knowing signals that the proposition was acquired through indirect evidence. See a *mæ*-marked clause in (23) coupled with the verb *čed'ímaš*, which is translated in the dictionary as ‘to know, to remember’ [Barmich, Vello 2002].

- (23) *mañi čed'ímam pet'a piʔmata ɲatomaj mañ kal'eʔen mǎniʔɲamǎš*
 mañ° čej°íma-m° pet'a piʔma-ta ɲat°-mæ mañ° kal'eʔ-n° mǎnæʔ-ɲa-m°-š°
 I know-1SG P. trousers-POSS.3SG tear.INTR-EVID I self-POSS.1SG see-GFS-1SG-PST
 ‘I know that Petya’s pants have torn. I saw it myself.’

An anonymous reviewer notes that the *mæ*-marked clause being the complement of the verb of knowing does not directly follow from the data. I generally agree with this assessment and, moreover, suggest some data that might indicate that the *mæ*-clauses in this case are not, in fact, proper complements, but rather juxtaposed clauses. As shown in examples (25)–(26), fronting of the embedded clause is grammatical for nominalized clauses, but ungrammatical for *mæ*-marked clauses. To somehow label the clauses that semantically act as arguments of propositional attitudes, have not yet been proved to be properly subordinated in terms of syntax, here I will use name them *semantic complements*.

- (24) a. *mañ čed'ímam [pet'aŋ čeɲ tomaxat]*
 mañ° čed'íma-m° pet'a-ŋ čeɲ to-ma-xǎt°
 I know-1SG P.-GEN yesterday come-NM.NPST⁸-ABL
 ‘I know that Petya arrived yesterday.’ [I saw him]
- b. ^{OK}*mañ [pet'aŋ čeɲ tomaxat] čed'ímam*
 mañ° pet'a-ŋ čeɲ to-ma-xǎt° čed'íma-m°
 I P.-GEN yesterday come-NM.NPST-ABL know-1SG>SG
- (25) a. ^{OK}*mañ čed'ímam pet'a čeɲ tomaj*
 mañ° čed'íma-m° pet'a čeɲ to-mæ
 I know-1SG P. yesterday come-MÆ
 ‘I know that Petya arrived yesterday.’ [I saw him]
- b. **mañ [pet'a čeɲ tomaj] čed'ímam*
 mañ° pet'a čeɲ to-mæ čed'íma-m°
 I P.-GEN yesterday come-MÆ know-1SG

Example (26) shows that *-mæ* in semantic complements of *čed'ímaš* cannot be anchored to the matrix clause subject. Here the embedded proposition is directly witnessed by the Speaker, since she herself works in the club, so the evidential can be interpreted as relative to the matrix clause subject. Since this is impossible, the sentence is rendered ungrammatical.

- (26) **xomañi čejmǎŋa klupxǎna manslamæt*
 xomañi čejmǎ-ŋa klub-x°na mans°la-mæ-t°
 Kh. know-GFS club-LOC work-EVID-1SG
 Intended: ‘Khomani knows that I work in the club.’

Overall, our data show that narrow scope of evidentials is unavailable with sentential attitudes. Additional data with verbs like ‘to learn’ and ‘to discover’ might be needed to guarantee the absence of narrow scope readings of evidential *-mæ* in Forest Nenets. Note that embedding might be a disputable test for evidential scope. First, before making any conclusion about the size of an embedded evidential, it is necessary to determine, how large are the complements of a particular operator, since embedding sizes of operators differ across languages, see a discussion in [Korotkova 2016; 2021]. To elaborate, propositional attitudes in different languages may take different clause types as their complements, so embedding under those cannot be regarded as a universal test without additional research on complementation in that particular language. Second, as mentioned above, some epistemic modals are also unembeddable, therefore embeddability can guarantee that an evidential operator is not an illocutionary one, but if an evidential is not embeddable, no conclusions can be made regarding its

tion of *mæ*-clauses as complements from the original work [Koshkaryova 2023], however, I do not adopt this characterization as it is.

⁸ Some data suggest that the apparent contrast between “perfective” (*-ʔma*, glossed here as NM.PST) and “imperfective” (*-ma*, glossed as NM.NPST) nominalizations in fact boils down to their function. Namely, NM.PST forms are used as adjuncts and NM.NPST forms are used as arguments. However, here I refrain from discussing the properties of nominalizations and gloss them using the temporal labels [Koshkaryova 2023].

modal or non-modal nature, see [Matthewson 2012]. The data above show that clauses with *-mæ* generally fail to take scope under propositional attitudes, therefore our current data do not preclude us from labelling *-mæ* as either illocutionary or modal. Even as it does not provide a direct answer regarding the semantic classification of *-mæ*, the data above is still valuable as it elucidates the overall structural profile of *-mæ* and gives material for the in-depth semantic typology of evidentials.

4.4. Continuations

Unlike certain illocutionary operators, modal statements do not assert their prejacent to be true in the actual world. Therefore, sentences of form MOD(*p*) cannot be followed by a proposition that requires the prejacent *p* to be true. See a minimal pair below, taken from [Huijsmans 2022]. Example (27) contains an assertion ‘Freddie is home’, which can be felicitously continued by another assertion stating that he came back from New Westminster. On the contrary, example (28) contains a modal statement ‘Freddie must be home’, which does not make an assertion of Freddie truly being home. Consequently, it cannot be continued in the same way as (27). The same contrast is expected to hold with illocutionary and modal evidentials, since the former modify the conditions imposed on asserting *p* while the latter do not assert *p* at all.

(27) Context: Freddie was on a trip to New Westminster. He’s back home now, and I visited him this morning.
Now I tell you:
Freddie is home. He came back from New Westminster.

(28) Context: Freddie was on a trip to New Westminster. This morning, I saw his car in his driveway. Now I tell you:
Freddie must be home. # He came back from New Westminster.
(Ok: He must have come back from New Westminster.)

As shown below, an evidential statement *p-mæ* can be felicitously continued with a proposition that requires *p* to be true in the actual world. Khomahku’s illness cannot be asserted to end without presupposing that the illness began before. Example (29) shows that the prejacent of *-mæ* is in fact asserted, hence *-mæ* behaves as an illocutionary evidential.

(29) ^{OK} *xoma^hku kanǎλmaj. četaxǎmaj poxoŋa*
xomaʔku kanǎ-λ^o-mæ. četa-xǎma-ŋ poxo-ŋa
 Kh. be.ill-INCH-EVID now-TOP-GEN come.to.end-GFS
 ‘Khomahku was ill (EVID), but now it ended (IND).’

Example (30) illustrates the same observation, though the continuation is given in the future tense.

(30) [Look, there is a morda⁹]
ʔid'aʔaj kal'itaʔmaxǎtta tomaj. četaj ńanant šana^hkoti
ʔid'aʔj^o kal'ita-ʔma-xǎt^o-ta to-mæ. četaj ńa-na-nt^o šanaʔko-t^o
 older.brother.AUG to.fish-NM.PST-ABL-POSS.3SG come-EVID now near-LOC-POSS.2SG play-FUT
 ‘(It means,) older brother has returned after fishing (EVID). He will play with you now (IND).’

4.5. Is *-mæ* challengeable?

Modal propositions of form MOD(*p*) can be challenged in two ways. First, the prejacent proposition can be argued to be false, as in example (31B). Second, the reasoning from the available information to a conclusion of MOD(*p*) can be challenged, but not the embedded proposition itself, as in (31B’).

(31) Context: A and B are driving past Freddie’s house and see that Freddie’s lights are on.
 A: ‘Freddie’s lights are on. He must be home.’
 B: ‘That’s not true. He’s probably not home. He always leaves his lights on.’
 B’: ‘That’s not true. He told me he would be gone a long time.’ [Huijsmans 2022]

Two responses of Speaker B show us how either the embedded proposition or the whole modal proposition can be argued to be false. Allegedly, illocutionary operators cannot be challenged like that, since they do not contribute to the assertive component of the sentence. Example (32) shows that evidential *-mæ* can be challenged in two ways, which makes it similar to modal rather than non-modal statements.

⁹ A hamper-like tool for fishing.

(32) {We walk through the village, pass Kolya’s house and see that the lights are on.}

A: *kol'a lampatata? tu?ŋa. má^hkna mæmaj.*

kol'a lampata-ta? tu?-ŋa. má?k^ona mæ-mæ

K. lamp-POSS.3SG burn-GFS house.LOC dwell-EVID

‘Kolya’s light’s are on. He must be at home.’

Continuation B: *ŋi ŋa? pi^hta ŋisi ŋana mæŋa.*

ŋi ŋa? pi?ta ŋisi ŋa-na mæ-ŋa.

false (s)he nomad.camp in-LOC dwell-GFS

‘That isn’t right, he is at camp now. [His wife told me so]’

Continuation B’: *ŋi ŋa? pi^hta lampamta kapta? d’ul-mi ŋæštu*

ŋi ŋa? pi?ta lampa-m-ta kapta-? d’ul-mæ ŋæ-š^oto^o

false (s)he lamp-ACC-POSS.3SG turn.off-CVB forget-PT.PST be-HAB

‘That isn’t right, he often forgets to turn off the light. [I doubt he is at home]’

4.6. Interpreting the diagnostics

Overall, we obtain the following results for the evidentiality/modality diagnostics we used.

Table 3. Modality diagnostics for evidential *-mæ*

	Result	Conclusion
Compatible with direct negation of <i>p</i> ?	—	Requires the Speaker to believe in the prejacent <i>p</i> or its possibility
Embedding in conditionals or propositional attitude?	Only verbs of speech	Not conclusive
Can be continued?	+	Illocutionary
Challengeable in two ways?	+	Modal

As one can see from Table 3, the results are either inconclusive or contradictory. It renders Forest Nenets evidential *-mæ* a curious challenge for the set of tests implemented to characterize evidentials. It calls into question whether the tests are indeed universal and whether the two categories of modal or illocutionary evidentials are indeed binary [Matthewson 2011]. Altogether, let us note the tests do not conclusively mark *-mæ* as a high-scoping illocutionary operator. However, *-mæ* seems to assert its prejacent and this observation alone does not give us enough empirical ground to claim that *-mæ* can indeed scope below the epistemic modal $-\lambda^{\circ}xa$.

4.7. Temporal properties

Another set of properties of evidential *-mæ* that I would like to explore in this section regards the temporal restrictions that *-mæ* places on its prejacent event. As I will show in Section 4, temporal restrictions can serve as a robust litmus paper which distinguished between the nearly homonymous PT.PST and EVID forms. Two other reliable diagnostics involve the phonetical realization of *-mæ* in the last syllable ($-\mãj$ for EVID and $-\mæ/-mi$ for PT.PST) and compatibility with contexts involving direct evidence. Aside from that, the temporal restrictions of evidential *-mæ* might also point towards its structural properties. Namely, if evidential *-mæ* strictly constrains the temporal reference of its prejacent, then it might be argued to be located in the modal domain, since modals are able to impose temporal restrictions, see [Condoravdi 2002; Rullmann, Matthewson 2018] among others. On the contrary, I have never encountered any evidence showing that illocutionary operators might constrain tense.

It has also been observed that indirect evidentials and miratives temporally constrain their prejacent not by affecting temporal projections, but through the notion of indirect evidence itself. For example, indirect evidentials require the event *p* to have begun earlier than the evidence of that event is perceived by the Speaker, see [Lee 2013; Koev 2016; Hirayama, Matthewson 2022 a.o.]. Therefore, indirect evidentials do influence the temporal interpretation of their prejacent, although not by shifting the prejacent into the past, but by slightly extending its left boundary. This requirement is illustrated in (33), where the prejacent event of Petya arriving must start before it was witnessed for *-mæ* marking to be felicitous. Note that the infelicity of Context 1 here cannot be attributed to the prejacent event of being witnessed directly, because, since *-mæ* has mirative interpretations, it is expected to allow for directly witnessed events that are new and unexpected.

- (33) *pẽta tomaj*
pẽta to-mæ
 Petya come-EVID
 ‘Petya came’
 #Context1: ‘I see how he enters the yard through the window.’
 Context2: ‘I look out the window and see Petya standing there in the yard.’

For Tundra Nenets, Burkova [2010] observes that a renarrative reading of *-wi-/-mi-* gravitates towards remote past tense reference, inferential reading gravitates towards recent past and mirative — towards present or future reference. Let us see whether inferential and mirative interpretations of *-mæ* impose different temporal restrictions on the prejacent in Forest Nenets.

Past temporal reference is available in both inferential and mirative-like contexts. First, let us consider inferentials. In example (34), an inference of father coming is made judging by the presence of his jacket on the hanger. In example (35), the Speaker notices that there is no meat left and is surprised by that sudden discovery. In both cases the prejacent event *p* is located in the past in relation to both the utterance time and time when the Speaker had a realization about *p*.

- (34) {I see father’s jacket hanging in the corridor}
nešaj tomaj
neša-j° to-mæ
 father-POSS.1SG come-EVID
 ‘Father came (apparently).’

- (35) *kama ηāmsama? xusamaj*
kama ηāmsa-ma? xusa-mæ
 wow meat-POSS.1PL end-EVID
 ‘Oh, we ran out of meat!’

The mirative interpretation with the prejacent event in the past, if defined using the criteria we established in Section 3.1, would require direct evidence combined with a late realization that this evidence signifies that a certain event took place. Such a configuration is illustrated in (36). As one can see, mirative *-mæ* allows for back-shifted events.

- (36) [Yesterday I was passing by their chum and heard some noise. I didn’t understand what it was at the time, but now I get it.]
mašnanta maša apaxānta p̃otulmaj
mašnanta maša apa-xā-nta p̃otoλ-mæ
 turns.out M. older.sister-DAT-POSS.3SG argue-EVID
 ‘Yesterday Masha was arguing with her sister.’

Reference to present events is also available in both interpretations. Example (37) illustrates the mirative-like realization about a habitual state that holds at Speech Time and example (38) presents a realization about an ongoing episodic activity. Here both prejacent events *p* may be eye-witnessed by the Speaker.

- (37) *mašnanta lapkaxāna mansla / ^{OK}manslamaj*
mašnanta lapka-x°na mans°la / ^{OK}mans°la-mæ
 turns.out shop-LOC work / work-EVID
 ‘Turns out she works at the shop!’

- (38) {I thought Masha was messing around}
maša nehamta hatamaj / hatapomaj
maša neña-m-ta hata-mæ / hata-po-mæ
 M. mother-ACC-POSS.3SG help-EVID / help-DUR-EVID
 ‘But, turns out, she is helping her mom!’

An inference about an ongoing event is given in (39). Here the Speaker makes about a conjecture about the rainy weather without actually seeing it rain.

- (39) {Brother came home and his clothes are wet}
xal’u ηajmaj. pin hit kæ?
xal’u ηæ-mæ pin° ni-t° kæ-?
 rain be-EVID outside.DAT NEG-1SG go-CNG
 ‘Apparently, it is raining. Then, I won’t go outside’

To obtain future temporal reference, the *-mæ* evidential combines with future tense marking. See a mirative-like realization about a future event in (40) and a future-related conjecture from indirect evidence in (41).

- (40) *taĵičoxāna ĩušināmaj*
 taĵičo-x°na ĩušī-n°-mæ
 summer-LOC migrate-FUT-EVID
 ‘Turns out she will go migrating in summer! (I heard about it)’
- (41) {I see my brother collecting his things and getting ready}
ʔid'am čuʔuŋ kǎjni / kænmaj
ʔid'a-m° čuʔuŋ kæ-n° / kæ-n°-mæ
 old.brother-POSS.1SG up go-FUT.3SG / go-FUT-EVID
 ‘(Apparently,) my brother will leave for tundra.’

To conclude, the data above show that there is no steady contrast in temporal interpretation of *mæ*-evidential in mirative or inferential contexts.

The following section investigates two pairs of morphemes: the past tense participle and the indirect evidential *-mæ* and the similative and approximative *-λ°xa*. I argue that the only plausible account of the *V-mæ-λ°xa / -λ°xa-mæ* contrast would involve not the reordering of the same underlying morphemes, but rather the use of homonymic morpheme combinations: participle and similative or approximative and evidential.

5. Introducing homonyms

5.1. Perfective participle vs. indirect evidentiality

As was mentioned in Section 2, evidential *-mæ* has a nearly homonymic counterpart — a suffix of past tense participles *-mæ* (PT.PST¹⁰).

Participles appear in relative clauses, sentential arguments or as nominal predicates in passive-like constructions, see [Burkova 2006] on Forest Nenets participles. Past tense participles denote events that happened in the past in relation to events of the matrix clause. Compare a relative clause with a *mæ*-participle in (42) and a mirative sentence with *mæ*-evidentiality in (43).

- (42) *pet'am šatulmi wed'aʔku māniʔŋamaš*
 pet'a-m šatul-mæ wed'aʔku mānæʔ-ŋa-m°-š°
 P.-ACC bite-PT.PST dog watch-GFS-1SG>SG-PST
 ‘I saw a dog that bit Petya.’
- (43) *kama pet'am wed'aʔku šatulmæta*
 kama pet'a-m wed'aʔku šatul-mæ-ta
 ah P.-ACC dog bite-EVID-3SG>SG
 ‘A-a-ah, Petya got bitten by a dog!’

Perfective participles may appear in finite clauses as nominal predicates, see (45b) and a paraphrase in (44). Similarly to regular nominative predication, perfective participles in predicative positions receive verbal agreement morphology in the subjective conjugation. However, they do not carry any evidential-like meaning and are comparable with contexts where the embedded proposition was directly witnessed by the speaker. Consider example (45a), which shows that the proposition marked with evidential *-mæ* cannot be continued by a direct declaration of direct evidence. Compare it to example (45b), where a past tense participle in a predicative position is compatible with such a declaration. Unlike evidentials, perfective participles do not accept nominal subjects, therefore subjects in participial clauses are characteristically marked for genitive case. However, with certain possessive markers, genitive and nominative marking is neutralized.

¹⁰ Here I label it as a past tense participle rather than perfective participle, since it allows for complements with imperfective readings. See an example from the INEL Nenets Corpus in (i), where *pt.pst* adjoins to a durative predicate, which is certainly imperfective.

- (i) *čik'eł ĩeli šiwant tuta kastamp'umi ĩéma*
 čik'īl° ĩeli šīwa-n-t° tuta kasta-mp'o-mæ ĩéma
 this-POSS.2SG previous larva-GEN-POSS.2SG wing dry.up-DUR-PT.PST mother
 ‘This is the mother of that chrysalis that dried its wings.’
 [Budzisch, Wagner-Nagy 2024: TPG_2002_Cold_flk.037]

- (44) a. *Vasya engineer BE*
 b. These skins [scrubbed (by Vasya)] BE
- (45) a. *čik'i kiča-*(m) némaj masmāj(ta)*
čik'í kiča-*(m) néma-j° mas-mæ-(ta)
 this cup-ACC mother-POSS.1SG wash-EVID-3SG>SG
 'I suppose this cup was washed by my mother.'
 [% ...I have seen it myself]
- b. *čiki kiča némaj masmi*
čiki kiča néma-j° mas-mæ
 this cup mother-GEN.POSS.1SG wash-PT.PST
 'This cup was washed by my mother.'
 [OK ...I have seen it myself]

Since participial and evidential *-mæ* belong to different categories and occupy different syntactic projections, it is possible to stack them in a single sentence. See (46), where a passive construction with *mæ*-participle in the predicate position is marked for evidentiality via a copula. The same contrast between evidentiality and a participle in predicative position is shown in (47). Nominal predicates in general cannot be directly marked for evidentiality and require a copula to receive evidential or future tense marking.

- (46) *čuk'i wankul'a némaj {masmi ŋājmaj / *masmæmaj}*
čuk'í wankul'a néma-j° mas-mæ ŋæ-mæ / *mas-mæ-mæ
 this cup mother-POSS.1SG wash-PT.PST be-EVID / *wash-PT.PST-EVID
 'I suppose this cup was washed by my mother.'
 [# ...I have seen it myself]
- (47) a. *čuk'i kopa? maňl'e? {med'a?mi? / *med'a?maj?}*
čuk'í kopa-? maňl'e? med'a?-mæ-?
 this skin-PL already curry-PT.PST-3PL
 'These skins are already curried.'
 [OK I curried them]
- b. *čiki kopa?a maňl'e? med'a?mi ŋājmaj?*
čiki kopa-?° maňl'e? med'a?-mæ ŋæ-mæ-?
 this skin-PL already curry-PT.PST be-EVID-3PL
 'These skins are already curried.'
 [# I curried them]
 [OK Wait, I forgot, it's me who curried them!]

Homonymy between markers of indirect evidentiality and perfect aspect has been observed in many languages, e.g. Bulgarian [Smirnova 2013], Turkish, Norwegian, Azeri and Persian, just to name a few, see [Lazard 1999; Rooryck 2019; Simeonova, Zareikar 2015]. These markers also frequently coincide with a mirative marker, see an example from Turkish below.

- (48) *Kemal gel-miş*
 Kemal come-PERF
 'Kemal came.'
 '(a) Inference: The Speaker sees Kemal's coat hanging in the front hall, but has not yet seen Kemal.
 (b) Hearsay: The Speaker has been told that Kemal has arrived, but has not yet seen Kemal.
 (c) Surprise: The Speaker hears someone approach, opens the door, and sees Kemal — a totally unexpected visitor.'
 [Slobin, Aksu 1982 via Lau, Rooryck, 2017]

There have been several attempts to provide a monosemous analysis for markers like Turkish *-miş*, see [Speas 2010; Lau, Rooryck 2017; Rooryck 2019]. However, none can be deemed entirely worked out and successful.

5.2. Similitive vs. approximative

In this Section, we examine the approximative and similitive realizations of $-\lambda^{\circ}xa$ more precisely. First, let us discuss the approximative marker $-\lambda^{\circ}xa$ (APPR) that adjoins to verbal stems and is supposedly interpreted as weak epistemic necessity.

Forest Nenets employs a General Finite Stem (GFS) suffix *-ŋa* as a stem extender in several indicative verb forms, namely forms with subjective conjugation and objective-subjective conjugation with singular or dual objects. In finite verb forms, the GFS marker *-ŋa* is incompatible with evidentiality, and it occupies the same linear position in relation to other verbal suffixes as evidential *-mæ*. As shown in (49), epistemic *-λ°xa* can only appear before the GFS and never does follow it. As far as my data indicates, GFS marking on the approximative forms does not impact their semantics.

- (49) *piʰta šičeʔej* {*ŋetalāxa*^(OK)*ŋa*} / *ŋetaŋalxa
piʰta šičeʔej ŋeta-λ°xa-(^(OK)*ŋa*) / **ŋeta-ŋa-λ°xa*
 (s)he we.DU.ACC wait-APPR-GFS / *wait-GFS-APPR
 ‘He seems to wait for us.’

A potential solution for the double ordering puzzle might come from the semi-evidential nature of *-λ°xa*. Although up to now we have referred to it as an epistemic marker, *-λ°xa* imposes certain evidential-like restrictions on the type of evidence that is used to make a modal statement. Namely, *-λ°xa* requires the Speaker to use direct, mostly visual evidence for the embedded proposition *p* to make a claim that *p* is highly probable in light of his or her knowledge [Glavatskih 2023], see example (50).

- (50) a. #*Igor' kaniλ'λāxa*
 Igor' kan°λ'-λ°xa
 Igor be.ill-APPR
 ‘Igor is probably ill [He went to the north and he always gets sick when it’s cold].’
 b. ^(OK)*Igor' kaniλ'λāxa*
 Igor' kan°λ'-λ°xa
 Igor be.ill-APPR
 ‘Igor is probably ill [He is lying, pale with dark circles under his eyes].’ [ibid., modified]

Such requirement for visual evidence may suggest that *-λ°xa* is not free of evidential restrictions. Recall that in Section 3 we established formal criteria to distinguish between evidential operators that function as epistemic modals with presuppositional requirements on source of evidence and illocutionary evidentials, that modify not the propositional content itself, but the conditions in which it can be uttered. Recall that our tests yielded inconsistent result which did not allow us to make a robust conclusion. However, there is an interesting contrast between the approximative and evidential *-mæ* in regards to whether they assert the embedded proposition. When we used a continuations test and applied it to *-mæ*, sentences of form *MÆ(p)* could be felicitously followed by propositions that required *p* to be true. Now, consider example (57) showing that sentence marked with an approximative, cannot be followed by a proposition that requires *p* to be true. Judging from this contrast, *-λ°xa* does not assert its prejacent *p*. Then, according to the continuations-based test, approximative is closer to a prototypical modal than evidential *-mæ*, hence we would not expect *-λ°xa* to occupy a syntactic projection higher than *-mæ*.

- (51) *čeŋi maša mansd'axanta* *niλxaŋaš* *kanas.* *d'alaŋ* *d'ampxāna*
 čeŋ° maša mansd'a-xā-nta *ni-λ°xa-ŋa-š°* *kanaʔ-ʔ* *d'ala-ŋ* *d'amp°-x°na*
 yesterday M. work-DAT-POSS.3SG NEG-APPR-GFS-PST drive-CNG day-GEN during-LOC
m'aknanta {*mæλxaŋaš* / #*mæ*}
m'akna-nta *mæ-λ°xa-ŋa-š°* / #*mæ°*
 house.LOC-POSS.3SG dwell-APPR-GFS-PST / #dwell
 ‘Apparently, Masha didn’t go to work yesterday. She spent the whole day at home.’

Above we examined a verbal epistemic suffix *-λ°xa*. However, *-λ°xa* also attaches to nouns and nominal modifiers as a similitive marker, forming adjectives with a meaning that can be roughly paraphrased as ‘similar to X’. It can be used in the attributive position, see (50)—(51), or as nominal predication, see (54).

- (52) *xiwetantun* *niŋa* *kaλ'a d'eλ* *ŋuʰka*, *čiλaxaʔ* *pæxeʔ*.
xiwata-n-tun *ni-ŋa* *kaλ'a d'eλ* *ŋuʔka*, *či-λ°xa-ʔ* *pæxe-ʔ*
 hanger-GEN-POSS.3PL on-LOC fish inside many cloud-SIM-PL yukola-PL
 ‘[...] lots of fish hanging on hangers, those yukolas look like clouds.’
 [Budzisch, Wagner-Nagy, 2024: TPG_2002_SiberianGull1_flk.014]

- (53) ^(OK)*maŋ* *kapiλāxa* *kiŋiw* *ŋaʰkaj* *taŋataš*
maŋ° *kapi-λ°xa* *kiŋiw°* *ŋaʔka-j°* *ta-ŋa-ta-š°*
 I dead-SIM cat house.DAT-POSS.1SG bring-GFS-1SG-PST
 ‘I brought a seemingly dead cat home [Then he came to life].’

- (54) *apad'om šatumaj šata d'al'aŋ řel'alǎxa ŋæmaj*
 apa-d'om šatu-mæ šata d'al'a-ŋ řel'a-λ^oxa ŋæ-mæ
 older.sister-SEL beautiful-EVID face sun-GEN part-SIM be-EVID
 ‘Her sister was a beauty, like a piece of the sun.’
 [Budzisch, Wagner-Nagy 2024: TPG_2002_TwoGirls_flk.017]

Here I do not aim to determine whether nominal and verbal $-\lambda^{\circ}xa$ suffixes are homonyms or instantiations of the same suffix and the same underlying semantical operator. There is no doubt that these two uses are diachronically and conceptually related, see how [Gipper 2018] connects similarity and evidentiality in Yurakaré, where both are expressed by the same suffix *-shi*. Also see [Sauerland, Stateva 2007] for a discussion on vagueness in epistemic and scalar domains.

Now, having introduced the relevant allomorphs of $-mæ$ and $-\lambda^{\circ}xa$, let us demonstrate that $V-mæ-\lambda^{\circ}xa$ forms are in fact not a combination of an evidential and epistemic marker, but rather a perfective participle and a similitative suffix. Therefore, unlike $V-\lambda^{\circ}xa-mæ$ forms, they do not require the Speaker to be epistemically committed to the truth of the prejacent p and show different temporal restrictions.

6. Discerning $V-mæ-\lambda^{\circ}xa$ and $V-\lambda^{\circ}xa-mæ$

In this Section I will examine the semantic differences between $V-mæ-\lambda^{\circ}xa$ and $V-\lambda^{\circ}xa-mæ$ forms and argue that the former is devoid of evidential semantics, since the $-mæ$ marker in such forms is not an evidential morpheme, but a perfective participle suffix. I will show that my data supports Burkova’s [2010] second analysis and prompts me to definitively reject the first.

First, it is necessary to establish that in Pur Forest Nenets the two orderings do not in fact correspond to a mirative or indirect evidential interpretation of $-mæ$. Consider example (55), containing a $V-\lambda^{\circ}xa-mæ$ construction. The embedded proposition here was not witnessed directly by the Speaker and is inferred given the available evidence. Burkova’s account predicts that a reverse ordering $V-mæ-\lambda^{\circ}xa$ is expected with such a reading, but it is not what we see in the corpora.

- (55) *tačip'a ŋælǎxamaj čik'i pušali*
 tačip'a ŋæ-λ^oxa-mæ čik'i puša-λ^o
 shaman be-APPR-EVID this old.woman-POSS.2SG
 ‘I guess, this old woman was a shaman [That’s why he killed her].’
 [Budzisch, Wagner-Nagy 2024: PIK_TPG_2002_KoncheeyKopanyta_flk.PIK.230]

Also see example (56), which allows the $V-\lambda^{\circ}xa-mæ$ and disallows the $V-mæ-\lambda^{\circ}xa$ configuration. The interpretation of this sentence cannot be specified between mirative and inferential, however the configuration $V-mæ-\lambda^{\circ}xa$ that Burkova associates with inferentive meanings is disallowed.

- (56) [I fell asleep on the floor and woke up in bed]
kińaxǎma waʔaw nína šiři {kanamaj / ^{ok}kanalǎxamaj} / #kanamæλxa
 kińa-xǎma waʔaw ní-na šiři kana-mæ / ^{ok}kana-λ^oxa-mæ / #kana-mæ-λ^oxa
 who-TOP bed place-LOC I.ACC bring-EVID / bring-APPR-EVID / #bring-PT.PST-SIM
 ‘Someone probably carried me to the bed.’

Unlike the bare inferentive, but similarly with an epistemic $-\lambda^{\circ}xa$, the $V-mæ-\lambda^{\circ}xa$ does not assert its prejacent, hence it cannot be continued by a proposition requiring its prejacent to be true, as in (57).

- (57) {I see that Petya is asking for someone else’s knife}
řeta kalta {d'oʔmaj / #d'oʔmilǎxa}. d'etim tẽmtani
 řeta kal^o-ta d'oʔ-mæ / #d'oʔ-mæ-λ^oxa d'eti-m tẽmta-n^o
 P. knife-POSS.3SG lose-EVID / #lose-PT.PST-SIM new-ACC buy-FUT
 ‘(Apparently), Petya lost his knife. He’ll buy a new one.’

However, unlike the approximative-marked constructions, $V-mæ-\lambda^{\circ}xa$ is not only incompatible with a continuation requiring p to be true, i.e. it lacks assertive power, curiously, it also seems to not make any modal claim about the truth of p whatsoever. Although $V-mæ-\lambda^{\circ}xa$ has earlier been characterized as a combination of epistemic modality and indirect inference, it is unexpectedly compatible with direct negation of its prejacent, see (58). Note that $V-\lambda^{\circ}xa-mæ$ forms are not felicitous in such an environment. Therefore, $V-\lambda^{\circ}xa-mæ$ forms involve epistemic commitment on behalf of the speaker, while $V-mæ-\lambda^{\circ}xa$ do not require the Speaker to think that p is true or even entertain such a possibility.

- (58) *wasja ŋami^hkuta d'ošita[?] mans^λamital'am* / ^{OK}*mans^λami^λǎxa* / *#mans^λal°xamaj*
wasja ŋami[?]ku-ta d'ošita-[?] mans°λa-mæ-tal'am / ^{OK}*mans°λa-mæ-λ°xa* / *#mans°λa-λ°xa-mæ*
 W. stuff-POSS.3SG lay-3PL work-PT.PST-like / ^{OK}*work-PT.PST-SIM* / *#work-APPR-EVID*
 ‘Tools are scattered around as if Vasya has scattered them.’ [But it was the children who did it]
- (59) *takaλka[?]aj kǎjmital'am* / ^{OK}*kǎjmæ^λǎxama[?]* / *#kǎj^λaxamæma[?]*
takaλ-ka-[?]aj kǎ-mæ-tal'am / ^{OK}*kǎ-mæ-λ°xa-ma[?]* / *#kǎ-λ°xa-mæ-ma[?]*
 hide-IMP-1DU go-PT.PST-like / go-PT.PST-SIM-1PL / *#go-APPR-EVID-1PL*
 ‘Let’s pretend as if we went away!’

Recall that the *mæ*-evidentiality on its own asserts its prejacent and therefore an evidentially marked statement *p-mæ* would not be compatible with a statement contradicting *p*. Epistemic *-λ°xa* is also expected to not be compatible with a $\neg p$ statement, since epistemic modality is an assertion that *p* is necessarily or possibly true. See it illustrated in (60) for English modals.

- (60) *#It may/must be raining, but it is not (raining)* [Faller 2002]

Therefore, if *V-mæ-λ°xa* is compatible with statements entailing $\neg p$, it lacks an epistemic component. That is, by uttering *V-mæ-λ°xa*, Speaker does not convey that she has an inclination to believe that *p* is true according to information that is available to her. I suggest that this observation can be neatly accounted for if we assume that *V-mæ-λ°xa* forms are not a combination of evidentiality and modality, but their homonymous alter-egos — perfective participle and a simulative marker. The emerging template is illustrated below.

- (61) *V-mæ-λ°xa*
 V-PT.PST-SIM
 ‘It looks like *p* has happened’
- (62) *V-λ°xa-mæ*
 V-APPR-EVID
 ‘(According to evidence, / Turns out that) it must be *p*’

A simulative attaches to nominal entities and states that something is similar to X. Now note the difference between asserting that it looks like *p* has happened and asserting that *p* is necessarily true according to your evidence.

- (63) *It looks as if the instruments were scattered by Vasya.*
^{OK}But it was the children who did it.
- (64) *The instruments must’ve been scattered by Vasya.*
 #But it was the children who did it.

It is clear why the meaning of *V-mæ-λ°xa* may be interpreted as inferential — stating that the current situation resembles the resultative state of *p* is very similar to stating that *p* follows from the observed consequences. However, as was shown above, *V-mæ-λ°xa* does not assert the necessity of *p* and therefore is not lacks inferential or epistemic meaning. Let us observe the contrast between evidence for *p* and the resultative state of *p*. Evidence for *p* may remain present even if the resultative state of *p* does not hold anymore. In such cases we expect *V-λ°xa-mæ* to be felicitous and not *V-mæ-λ°xa*, as it requires the resultative state to hold at Utterance Time. The prediction is borne out in (65). Here the resultative state of windows being open does not hold anymore, rendering *V-mæ-λ°xa* infelicitous. However, the lingering coldness serves as indirect evidence for windows being opened before and that is conveyed by *V-λ°xa-mæ*.

- (65) [Windows are closed, but it is still cold]
maša šičaλšim næmp^λulǎxamaj / *#næmp^λumæ^λxa*
maša šičaλši-m næ-mp^o-λ°xa-mæ / *#næ-mp^o-mæ-λ°xa*
 Maša window-ACC open-DUR-APPR-EVID / #open-DUR-PT.PST-SIM
 ‘Seems like Masha had opened the windows.’

Note that *V-mæ-λ°xa* it is not quite compatible with the mirative adverb *mašnanta* ‘It turns out that’, see (66). From the first glance, it serves as an argument for Burkova’s [2022] approach, which suggests that *V-λ°xa-mæ* is interpreted as mirative and *V-mæ-λ°xa* as inferential. However, I suggest that unavailability of *mašnanta* with *V-mæ-λ°xa* does not signal the lack of a mirative interpretation, but rather a lack of indirect evidential meaning altogether.

- (66) a. ^{OK} *maša mašnanta tonlakolxamaj*
 maša mašnanta tonlako-λ^oxa-mæ
 M. turns.out read-APPR-EVID
 ‘Turns out Masha is probably reading!’
 b. #*maša mašnanta tonlakomæλ^oxa*
 maša mašnanta tonlako-mæ-λ^oxa
 M. turns.out read-PT.PST-SIM
 Intended: ‘Turns out Masha is probably reading!’

The participle in predicative functions in *V-mæ-λ^oxa* constructions is not a passive construction, as it is available with intransitive verbs like in (67). Rather, it is a case nominal predication, like with other similative-marked predicates, shown in (54) above.

- (67) a. *wera tomiλ^oxa*
 wera to-mæ-λ^oxa
 Vera come-PT.PST-SIM
 ‘It looks like Vera has arrived.’
 b. *wera tolxamaj*
 wera to-λ^oxa-mæ
 Vera come-APPR-EVID
 ‘Vera has probably arrived.’

The assumption that inner *-mæ* is, in fact, a participle can be supported paradigmatically, as other participles are also available in the same morphological position before *-λ^oxa*. See (68) showcasing a caritive participle *-w^ot^omæ* and (69)–(70) showing a present tense participle *-na/-ta*. Similar examples of imperfective and caritive participles adjoining a similative are also given in [Burkova 2010] for Tundra Nenets.

- (68) *mañi šileheŋat řiŋ kunxāna koñuwatmæλ^oxat*
 mañ^o šilehe-ŋa-t^o ři-ŋ kun-x^ona koño-w^ot^omæ-λ^oxa-t^o
 I get.pale-GFS-1SG night-GEN during-LOC sleep-PT.CAR-APPR-1SG
 ‘I am pale as if I haven’t slept the whole night.’
 (69) *kał’i^hta panid’ota ŋatp’otalāxa*
 kał’i^h-ta panid’o-ta ŋatp’o-ta-λ^oxa
 self-POSS.3SG clothes-POSS.3SG tear-PT.PRS-SIM
 ‘It’s like she’s tearing her clothes.’
 [Budzisch, Wagner-Nagy 2024: PVM_19980701_RichMan_flk.044]
 (70) *pi^hta šiče^hej ŋetanaλ^oxa*
 pi^h-ta šiče^h-j ŋeta-na-λ^oxa
 (s)he we.DU.ACC wait-PT.PRS-APPR
 ‘He seems to wait for us.’

Notably, the present tense participle *-na* and the caritive participle *-w^ot^omæ* do not have evidential interpretations when used independently. Therefore, examples above show that *-mæ* in the slot preceding *-λ^oxa* is occupying a position of participles and not an evidential one.

An anonymous reviewer remarks that *-mæ-λ^oxa* and *-λ^oxa-mæ* can be discerned through additional morpho-syntactic evidence, namely, using properties that differentiate between verbal and nominal morphology in Forest Nenets. The reviewer notes that Northern Samoyedic languages morphologically distinguish verbal and nominal predication in a following way: while verbs can attach agreement using the subjective, (subjective-)objective and reflexive conjugation patterns, nominal predication only allows for subjective conjugation. Consider the predicate *kananλ^oš* ‘be.ill-INCH’, which normally requires reflexive conjugation. Example (71) shows the *-mæ-λ^oxa* construction attaches regular subjective conjugation *-ʔ* ‘3SG’. Example (72) shows that the *-λ^oxa-mæ* construction with the same verb attaches reflexive conjugation *-i^oʔ* ‘REFL.3SG’. The data at hand show quite convincingly that the *-mæ-λ^oxa* construction is, indeed, a nominal predication, while the *-λ^oxa-mæ* construction is a proper evidentially marked verb.

- (71) *ŋaška^haj ču^hpej širiłtaŋa kanaλ^omæλ^oxa*
 ŋašk’i-ʔ^oj ču^hpej širiłta-ŋa kana-λ^o-mæ-λ^oxa-ʔ
 child-PL.POSS.1SG all pale-GFS be.ill-INCH-PT.PST-SIM-3PL
 ‘The children are all pale as if they were ill.’

- (72) ^{OK} *řimsæj! ɣašk'i? kanaanlǎxamæt?*
 řimsæj ɣašk'i-? kana-nλ°-λ°xa-mæ-t°?
 fright child-PL be.ill-INCH-APPR-EVID-REFL.3PL
 'Oh dear, the children must've fallen ill!'

If *-λ°xa* attaches to a bare verbal stem and not a participle, it is interpreted as an epistemic modal and incompatible with $\neg p$, as shown below. In (73), *-λ°xa* is attached to a bare verbal stem and is therefore interpreted as epistemic modality. Now note that (74) contains a continuation stating that the embedded proposition is false. Here *-λ°xa* can only adjoin to the participial stem with PT.PRS, but not to the bare verbal stem. With the participial stem, it adjoins as a similative marker, which makes no claim towards the epistemic probability of *p* and thus is compatible with $\neg p$. With the verbal stem, *-λ°xa* adjoins as an approximative marker, which makes an epistemic claim and is incompatible with $\neg p$.

- (73) *řid'aj końulǎxa*
 řid'a-j° końo-λ°xa
 o.brother-POSS.1SG sleep-APPR
 'It seems like elder brother is sleeping.'

- (74) *ńuča kasa kajkaj řiluł końutałxa / *końulǎxa*
 ńuča kasa kajka-j° řiluł końo-ta-λ°xa / *końo-λ°xa
 small man y.sibling-POSS.1SG intentionally sleep-PT.PRS-SIM / *sleep-APPR
 'Younger brother looks as if he is sleeping [but actually he's just pretending].'

Forest Nenets evidential system includes an auditive evidential marker *-won* that lacks a participial counterpart. Since *-won* can only be interpreted as an evidential, it fails to appear in a position preceding *-λ°xa*, as shown below. That once again makes it clear that proper evidentials cannot attach below *-λ°xa* and *-mæ* in *V-mæ-λ°xa* configurations is indeed a participle.

- (75) [I hear the door slamming]
 řet'a towonota / #townlaxa / ^{OK}tołxawon-ota
 řet'a to-won°-ta / #to-won°-λ°xa / ^{OK}to-λ°xa-won°-ta
 P. come-AUD-POSS.3SG / #come-AUD-APPR / ^{OK}come-APPR-AUD-POSS.3SG
 'Petya came.'

Another prominent contrast between *mæ*-evidentiality and *mæ*-participle is found in the temporal domain. As was shown before in Section 3.1, evidential *-mæ* without additional marking allows for temporal localization in the past or in the present. Perfective participles, however, obligatorily shift the time of their prejacent into the past in relation to the local temporal anchor. Therefore, we expect a perfective participle in the predicative position to restrict its prejacent *p* to the past. On the contrary, *-mæ* evidentiality is expected to allow interpretations in both present in past. See (76), where the participial-*mæ* is disallowed and evidential *-mæ* is felicitous.

- (76) {I see light in the night}
wasja tonłakolaxa / ^{OK}tonłakolaxamaj / #tonłakomæłǎxa
wasja tonłako-λ°xa / ^{OK}tonłako-λ°xa-mæ / #tonłako-mæ-λ°xa
 V. read-APPR / ^{OK}read-APPR-EVID / #read-PT.PST-SIM
 'Seems like Wasja is reading'

Evidential and participial *-mæ* also behave quite differently in relation to other morphemes. When used in a sentence marked for indirect evidentiality, future tense appear to the left of *-mæ*, see (40) repeated here as (77). With *mæ*-participles in a predicative position, however, future tense attaches via a copula, as in example (78). Note that the combination of a past tense participle and a copula in the future tense yields a perfect-like reading.

- (77) *tařičoxǎna řuřinamaj*
 tařičo-x°na řuři-n°-mæ
 summer-LOC migrate-FUT-EVID
 'Turns out she will go migrating in summer! (I heard about it).'

- (78) *ɣamłami ɣǎjti*
 ɣam°la-mæ ɣæ-t°
 feed-PT.PST be-FUT
 'He will be fed.'

Table 4 below sums up the observed differences between the two configurations.

Table 4. Properties of two orderings of *-mæ* and $-\lambda^{\circ}xa$

	<i>V-mæ-λ^oxa</i>	<i>V-λ^oxa-mæ</i>
felicitous if <i>p</i> is known to be false?	yes	no
temporal restrictions	past	past or present
mirative adverbial <i>mašnanta</i>	disallowed	allowed
<i>-mæ</i> replaceable with?	other participles	auditive evidentiality (<i>-won</i>)
Available conjugations	subjective	Subjective, objective and reflexive
functions of <i>-mæ</i>	perfective participle	marker of indirect evidentiality
functions of $-\lambda^{\circ}xa$	similative	approximative (epistemic necessity)

7. Discussion

In this Section I provide a short theoretically-informed discussion regarding the two $-\lambda^{\circ}xa$ morphemes implemented in the constructions discussed above. I suggest that viewing them through a theoretical lens might be useful in supplementing a theoretically informed typology of evidential and epistemic grammatical markers.

As was shown above, verbal stems with $-\lambda^{\circ}xa$ are infelicitous when their prejacent is known to be false, while nominal stems with $-\lambda^{\circ}xa$ are perfectly fine. I suggested that felicity of $-\lambda^{\circ}xa$ that attaches to participles with $\neg p$ gives us sufficient ground to assume that such $-\lambda^{\circ}xa$ functions as a similative and not epistemic modality, which is expected to be incompatible with $\neg p$. However, compatibility with $\neg p$ does not necessarily preclude the modal analysis.

- (79) # $V-\lambda^{\circ}xa + \neg p$
^{OK} $N-\lambda^{\circ}xa + \neg p$

Matthewson [2012] discusses a St'át'imcets (Lillooet Salish) evidential particle *lákwa*, which is a sensory non-visual evidential that requires evidence that was perceived through hearing, taste, smell and other senses, except for vision, see (59) below.

- (80) *wa7 lákwa ku=ts7ás=a*
 be SNV DET=come=EXIS
 'Someone's coming.'
 (The Speaker can hear them, but not see them.) [Davis 2006]

Just like $\lambda^{\circ}xa$ -marked participles, *lákwa* is felicitous when its prejacent is known to be false, see (60)—(61).

- (81) Context: It smelled as if the pie was good, but there was too much salt so it was actually horrible.

t'éc=t'u7 lákwa ku=páoy, t'u7 áoz=t'u7 kw=a=s áma
 sweet=just SNV DET=pie but NEG=just DET=IMPF=3SPOSS good
 'The pie seemed good, but it wasn't good.' [Matthewson 2012]

- (82) Context: It sounded like someone was walking around outside, but it was actually only the wind.

wa7 {lákwa / *k'a} ku=mám'teq láku7 áls'q7=a, t'u7
 be SNV / INFER DET=walk DEIC outside=EXIS but
nilh=a cwilh=t'u7 ti=sk'éxem=a wa7 qan'im-ens-an
 FOC=A after.all=just DET=wind=EXIS IMPF hear-DIR-1SG.ERG
 'It sounded like someone was walking outside, but it was the wind.' [ibid.]

Matthewson argues that infelicity with $\neg p$ does not necessarily entail that a particular evidential cannot be analyzed as epistemic modality. She points out that, according to Kratzer [2012], epistemic modals can have two conversational backgrounds — realistic and informational. Informational epistemic modals are bound to a particular content of some proposition or set of propositions, while realistic epistemics include all the available evidence.

- (83) A **realistic** conversational background: a function *f* such that for any *w* in the domain of *f*, there is a particular body of facts in *w* that has a counterpart in all $w' \in \cap f(w)$.
in view of the available evidence; given the evidence ... [Kratzer 2012 via Matthewson 2012]

- (84) An **informational** conversational background: a function f such that for any w in the domain of f , $f(w)$ represents the propositional content of some salient source of information in w . *according to the content of ...* [Kratzer 2012 via Matthewson 2012]

Therefore, informational epistemics are compatible with the knowledge that their prejacent is false, compare (64) and (65).

- (85) *According to the rumour, Roger must have been elected chief.*
 {In reality, he was not elected} [Matthewson 2012, modified]
- (86) #Given the rumour, Roger must have been elected chief.
 {In reality, he was not selected} [ibid., modified]

Building on that, $-\lambda^\circ xa$ on participles can also be analyzed as epistemic modality with an informational conversational background, compared to $-\lambda^\circ xa$ on verbs with a realistic one. However, it is far from clear how this difference in backgrounds follows from the type of stem that $-\lambda^\circ xa$ attaches to. An assumption that $-\lambda^\circ xa$ on participles is a similative marker rather than an epistemic modal, given that $-\lambda^\circ xa$ with nouns and adjectives always functions as a similative, seems to me far more transparent and data-driven than an assumption that $-\lambda^\circ xa$ on participles belongs to another subgroup of epistemics. Altogether, the ability of $-\lambda^\circ xa$ to acquire similative or epistemic readings, depending on what syntactic category it attaches to, provides a promising ground for a monosemic analysis. A discussion of the similar phenomena found with Tundra Nenets *-ræxa* can be found in [Burkova 2004; 2010]. This duality of meaning is not unique to Nenets, as similar cross-categorical usage of degree constructions and epistemic modals is observed with Northern Khanty approximative *kem* [Kaksin 2008]. See also a discussion on epistemic versus metalinguistic comparison in German in [Herburger, Rubinstein 2019]. Another prospect for further research arises from the homonymy between perfective participles and indirect evidentials, which is observed across many languages, as was discussed in Section 4. It was not yet shown that a monosemic analysis is not possible for those and, at the same time, no convincing formal analysis has also been proposed regarding perfect-like meanings and evidentiality. The precise order of composition of $V-\lambda^\circ xa-mæ$ has also not been examined in detail in this paper and it calls for closer scrutiny in further research.

8. Conclusion

In this paper, I examined the indirect evidential suffix *-mæ* and two verbal constructions, $V-mæ-\lambda^\circ xa$ and $V-\lambda^\circ xa-mæ$. First, I have implemented empirical tests from [Huijsmans 2022] and shown that they do not give conclusive result for Forest Nenets evidential *-mæ*. According to these tests, *-mæ* combines properties of illocutionary operators and modals, which raises certain concerns regarding the validity of the illocutionary — modal distinction overall. Second, I have shown that evidential *-mæ* does not constrain the temporal reference of its prejacent in the same way as past tense participle *-mæ*. I also argued that, contra existing accounts, the Forest Nenets past participle is devoid of evidential meanings.

I have also shown that the $V-mæ-\lambda^\circ xa$ and $V-\lambda^\circ xa-mæ$ are not different orderings of the same morphemes, but rather two combinations of homonymic *-mæ* and $\lambda^\circ xa$. $V-mæ-\lambda^\circ xa$ is a combination of a past participle and a similative marker. As such, it makes no claim regarding the truth of the embedded proposition. It also restricts the temporal reference to the past, just like past participles do, and is not compatible with the mirative adverbial *mašnanta*. Paradigmatically, *-mæ* in this construction also occupies the participial slot, since the present tense participle *-na* and caritive participle *-w^ot^omæ* also occur in the same position before $-\lambda^\circ xa$. On the contrary, the $V-\lambda^\circ xa-mæ$ construction is a combination of an approximative marker and indirect evidentiality, hence it makes a claim that the Speaker considers the embedded proposition to be most likely true, judging from available evidence.

Recall that an approximative marker on its own denotes epistemic modality with an additional requirement for directly witnessed evidence. It remains unclear why that requirement is omitted in the $V-\lambda^\circ xa-mæ$ construction and how the two operators interact compositionally. I leave this question for future research.

List of glosses

> — subject-object agreement
 ACC — accusative
 APPR — approximative
 AUD — auditive evidential

CAR — caritive
 CONNEG — connegative
 CVB — converb
 DU — dual number

EVID — indirect evidentiality	POSS — possessive
FUT — future tense	PST — past tense
GEN — genitive	PT.IPFV — imperfective participle
GFS — General Finite Stem [Salminen 2007]	PT.PST — perfective participle
LOC — locative case	REFL — reflexive conjugation
NEG — negation	SEL — selective marker
NM — nominalization	SG — singular number
PL — plural number	SIM — similative

References

- Baker 1985 — *M. Baker*. The Mirror Principle and Morphosyntactic Explanation. In: *Linguistic Inquiry*. 1985, 3. P. 373—415.
- Barmich, Vello 2002 — *M. Ya. Barmich, I. A. Vello*. Slovar' nenecko-russkij i russko-neneckij (lesnoj dialekt). Sankt-Peterburg: Prosveshchenye, 2002. {M. Barmich, I. Vello. Nenets-russian and russian-nenets dictionary (forest dialect). Saint Petersburg: Prosveshchenye, 2002.}
- Bhadra 2018 — *D. Bhadra*. Evidentials are syntax-sensitive: the view from Bangla. In: *Glossa: a journal of general linguistics*. 2018, 3.
- Blain, Déchaine 2007 — *E. M. Blain, R. Déchaine*. Evidential types: evidence from Cree dialects. In: *International journal of American linguistics*. 2007, 73. P. 257—291.
- Budzisch, Wagner-Nagy 2024 — *J. Budzisch, B. Wagner-Nagy*. INEL Nenets Corpus. Version 1.0. 2024.
- Burkova 2004 — *S. I. Burkova*. Evidentsialnost' i epistemicheskaya modalnost' v nenetskom yazyke. In: *Yu. A. Lander, V. A. Plungyan, A. Yu. Urmanicheva* (red.). *Irrealis i irrealnost'*. Moskva: Gnosis, 2004. S. 353—374. {S. Burkova. Evidentiality and epistemic modality in Nenets. In: Yu. Lander, V. Plungyan, A. Urmanicheva (eds.). *Irrealis and irrelity*. Moscow: Gnosis, 2004. P. 353—374.}
- Burkova 2006 — *S. I. Burkova*. K voprosu o bazovoj grammaticheskoy semantike prichastij v neneckom jazyke. In: *Voprosy jazykoznanija*. 2006, 4. S. 57—83. {S. I. Burkova. On the core grammatical semantics of Nenets participles. In: *Voprosy jazykoznanija*. 2006, 4. P. 57—83.}
- Burkova 2010 — *S. I. Burkova*. Kratkij ocherk grammatiki tundrovogo dialekta neneckogo yazyka. In: *N. B. Koshkaryova* (red.). *Dialektologicheskij slovar' neneckogo yazyka*. Yekaterinburg: Basko, 2010. S. 180—349. {S. Burkova. Grammar sketch of the Tundra dialect of Nenets. In: N. Koshkaryova (ed.). *Nenets dialectical dictionary*. Yekaterinburg: Basko, 2010. P. 180—349.}
- Burkova 2016 — *S. I. Burkova*. Nenetskiy lesnoj yazyk. In: *Yazyk i obshchestvo*. Moskva: Azbukovnik, 2016. S. 309—315. {S. Burkova. Forest Nenets. In: *Language and society*. Moscow: Azbukovnik, 2016. P. 309—315.}
- Burkova 2022 — *S. Burkova*. Nenets. In: *M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik* (eds.). *The Oxford guide to the Uralic languages*. Oxford University Press, 2022.
- Cinque 1999 — *G. Cinque*. *Adverbs and functional heads: A cross-linguistic perspective*. Oxford University Press, 1999.
- Condoravdi 2002 — *C. Condoravdi*. Temporal interpretation of modals: modals for the present and the past. In: *D. Beaver, L. C. Martinez, B. Clark, S. Kaufmann* (eds.). *The construction of meaning*. Stanford, CA: CSLI Publications, 2002. P. 59—88.
- Davis 2006 — *H. Davis*. *A teacher's grammar of Upper St'át'imcets*. 2006.
- Dixon, Aikhenvald 2003 — *R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald*. *Studies in evidentiality*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2003.
- ELP — The Endangered Languages Project 2024. Accessed at: <https://endangeredlanguages.com/lang/3393>
- Faller 2002 — *M. T. Faller*. *Semantics and pragmatics of evidentials in Cuzco Quechua*. Stanford University, 2002.
- Faller 2003 — *M. T. Faller*. Propositional-and illocutionary-level evidentiality in Cuzco Quechua. In: *Semantics of under-represented languages in the Americas*. 2003, 2. P. 3.
- Gipper 2018 — *S. Gipper*. From similarity to evidentiality. In: *A. Foolen, H. de Hoop, G. Mulder* (eds.). *Evidence for evidentiality*. John Benjamins Publishing Company, 2018. P. 257.
- Glavatskih 2023 — *S. Glavatskih*. Nemnogo o vyrazhenii epistemicheskoy modalnosti v lesnom nenetskom jazyke. *Ekspeditsionnyj hendaut*, 2023. {S. Glavatskih. A bit on epistemic modality in Forest Nenets. *Handout*, 2023.}
- Hacquard 2006 — *V. Hacquard*. *Aspects of modality*. PhD thesis. Massachusetts Institute of Technology, 2006.
- Herburger, Rubinstein 2019 — *E. Herburger, A. Rubinstein*. Gradable possibility and epistemic comparison. In: *Journal of semantics*. 2019, 36. P. 165—191.
- Hirayama, Matthewson 2022 — *Y. Hirayama, L. Matthewson*. Evidential-temporal interactions do not (always) come for free. In: *Journal of Pragmatics*. 2022, 193. P. 173—188.

- HSE Forest Nenets Corpus — HSE Forest Nenets Corpus. Accessed at: <https://forestnenets.ru/>
- Huijsmans 2022 — *M. Huijsmans*. Analyzing *ʔayʔajʉbetaəm* evidentials: evidence for epistemic modality. In: *Modality in underdescribed languages: methods and insights*, 2022, 357. P. 337.
- Izvorski 1997 — *R. Izvorski*. The present perfect as an epistemic modal. In: *Semantics and linguistic theory*. 1997, 7. P. 222—239.
- Jalava 2017 — *L. Jalava*. Grammaticalization of modality and evidentiality in Tundra Nenets. In: *K. Hengeveld, H. Narrog, H. Olbertz* (eds.). *The grammaticalization of tense, aspect, modality and evidentiality: a functional perspective*. Berlin: Walter de Gruyter, 2017. P. 133—162.
- Kaksin 2008 — *A. D. Kaksin*. Modal'nost' i sredstva ee vyrazheniya v khantyjskom yazyke. Khanty-Mansijsk: Poligrafist, 2008. {*A. Kaksin*. Khanty modality and the ways of expressing it. Khanty-Mansiysk: Poligrafist, 2008.}
- Koev 2016 — *T. Koev*. Evidentiality, learning events and spatiotemporal distance: the view from Bulgarian. In: *Journal of Semantics*. 2016, 1. P. 1—41.
- Korotkova 2016 — *N. Korotkova*. Heterogeneity and uniformity in the evidential domain. University of California, Los Angeles, 2016.
- Korotkova 2021 — *N. Korotkova*. The embedding puzzle: constraints on evidentials in complement clauses. In: *Linguistic inquiry*. 2021, 52. P. 210—226.
- Koshkaryova 2005 — *N. B. Koshkaryova*. Oчерки po sintaksisu lesnogo dialekta nenetskogo yazyka. Novosibirsk: Lyubava, 2005. {*N. Koshkaryova*. Studies on syntax of the Forest Nenets dialect. Novosibirsk: Lyubava, 2005.}
- Koshkaryova 2023 — *N. B. Koshkaryova*. Polipredikativnye konstrukcii v lesnom nenetskom yazyke. Doklad na lesnom nenetskom seminare Vysšej shkoly ekonomiki, 2023. {*N. Koshkaryova*. Polypredicative constructions in Forest Nenets. Talk given at the HSE Forest Nenets seminar, 2023.}
- Kratzer 2012 — *A. Kratzer*. *Modals and conditionals: new and revised perspectives*. New York: Oxford University Press, 2012.
- Labanauskas 1982 — *K. Labanauskas*. Naklonenie kazhushchegosya deistviya v nenetskom yazyke. In: *Sovetskoe finno-ugrovedenie*. 1982, 18. S. 283—292. {*K. Labanauskas*. Declension of apparent action in Nenets. In: *Soviet Finno-Ugric Studies*. 1982, 18. P. 283—292.}
- Lau, Rooryck 2017 — *M. L. Lau, J. Rooryck*. Aspect, evidentiality, and mirativity. In: *Lingua*. 2017, 186—187. P. 110—119.
- Lazard 1999 — *G. Lazard*. Mirativity, evidentiality, mediativity, or other? In: *Linguistic typology*. 1999, 3. P. 91—110
- Lee 2013 — *J. Lee*. Temporal constraints on the meaning of evidentiality. In: *Natural language semantics*. 2013, 21. P. 1—41.
- Matthewson 2011 — *L. Matthewson*. On apparently non-modal evidentials. In: *Empirical issues in syntax and semantics*. 2011, 8. P. 333—357.
- Matthewson 2012 — *L. Matthewson*. Evidence about evidentials: where fieldwork meets theory. In: *B. Støtterfoht, S. Featherston* (eds.). *Empirical approaches to linguistic theory: Studies in Meaning and Structure*. Berlin: De Gruyter, 2012, 85—114.
- Matthewson et al. 2007 — *L. Matthewson, H. Davis, H. Rullmann*. Evidentials as epistemic modals: evidence from St'át'imcets. In: *Linguistic variation yearbook*. 2007, 7. P. 201—254.
- Melenchenko 2024 — *M. Melenchenko*. Mirativity as continuative evidentiality. MA coursepaper, HSE University, 2024.
- Nikolaeva 2014 — *I. Nikolaeva*. *A grammar of Tundra Nenets*. Berlin: de Gruyter Mouton, 2014.
- Rooryck 2019 — *J. Rooryck*. Recycling evidentiality: a research program. In: *M. Bağrıaçık, A. Brietbarth, K. De Clercq* (eds.). *Mapping linguistic data. Essays in honour of Liliane Haegeman*. Ghent, 2019. P. 242—261.
- Rullmann, Matthewson 2018 — *H. Rullmann, L. Matthewson*. Towards a theory of modal-temporal interaction. In: *Language*. 2018, 94. P. 281—331.
- Salminen 2007 — *T. Salminen*. Notes on Forest Nenets phonology. In: *J. Ylikoski, A. Aikio* (eds.). *Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia {Mémoires de la société finno-ougrienne}*. 2007, 253. P. 349—372.
- Sammallahti 1974 — *P. Sammallahti*. *Material from Forest Nenets*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1974.
- Sauerland, Stateva 2007 — *U. Sauerland, P. Stateva*. Scalar vs. epistemic vagueness: evidence from approximators. In: *Semantics and linguistic theory*. 2007, 17. P. 228—245.
- Silk 2022 — *A. Silk*. Weak and strong necessity modals: on linguistic means of expressing “a primitive concept ought.” In: *B. Dunaway, D. Plunkett* (eds.). *Meaning, decision, and norms: themes from the work of Allan Gibbard*. Michigan: Maize Books, 2022. P. 203—245.
- Simeonova, Zareikar 2015 — *V. Simeonova, G. Zareikar*. The syntax of evidentials in Azeri, Bulgarian, and Persian. In: *S. Vinerte* (ed.). *Proceedings of the Annual Conference of the Canadian Linguistic Association. CLA*, 2015. P. 1—10.
- Skribnik, Aikhenvald 2024 — *E. Skribnik, A. Y. Aikhenvald*. Evidentiality in Northern Asia. In: *The languages and linguistics of Northern Asia: typology, morphosyntax and socio-historical perspectives*. 2024, 10. P. 1007.

Skribnik, Kehayov 2018 — *E. Skribnik, P. Kehayov*. Evidentials in Uralic languages. In: *A. Y. Aikhenvald* (ed.). *The Oxford handbook of evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 525—553.

Slobin, Aksu 1982 — *D. I. Slobin, A. A. Aksu*. Tense, aspect and modality in the use of the Turkish evidential. In: *P. J. Hopper* (ed.). *Tense-aspect: between semantics and pragmatics*. 1982. P. 185—200.

Smirnova 2013 — *A. Smirnova*. Evidentiality in Bulgarian: temporality, epistemic modality, and information source. In: *Journal of semantics*. 2013, 30. P. 479—532.

Speas 2010 — *M. Speas*. Evidentials as generalized functional heads. In: *V. Hill, A. M. Di Sciullo* (eds.). *Edges, heads, and projections: interface properties*. 2010. P. 127—150.

Urmanicheva 2014 — *A. Yu. Urmanicheva*. Evidencial'nye pokazateli sel'kupskogo yazyka: sootnoshenie semantiki i pragmatiki v opisani glagol'nyh grammeme. In: *Voprosy yazykoznanija*. 2014, 4. S. 66—86. {A. Urmanicheva. Evidential markers in Selkup: interaction of semantics and pragmatics in the description of verbal grammemes. In: *Voprosy yazykoznanija*. 2014, 4. P. 66—86.}

Verbov 1973 — *G. D. Verbov*. Dialekt lesnykh nentsev. Novosibirsk: Akademija nauk SSSR, 1973. {G. Verbov. Dialect of the Forest Nenets people. Novosibirsk: Akademija nauk SSSR, 1973.}

Wagner-Nagy 2018 — *B. Wagner-Nagy*. *A grammar of Nganasan*. Leiden; Boston: Brill, 2018.

Информация для авторов / Author guidelines

Журнал публикует оригинальные исследования, посвященные уральским, тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам и культурам. Статьи могут быть написаны на русском, английском или немецком языках.

Мы просим присылать статьи для публикации на электронный адрес журнала jurnaluralaltai@mail.ru.

Актуальные правила оформления статьи и библиографии опубликованы на сайте <https://ural-altai.ru/>. Однако соблюдение этих правил при подаче статьи не обязательно; если статья будет принята к печати, мы попросим авторов привести текст в соответствие с ними.

Our journal accepts original papers on Uralic, Turkic, Mongolic and Tungusic languages and cultures. Papers can be written in Russian, English, or German and should be sent on the e-mail address jurnaluralaltai@mail.ru.

The actual requirements can be found on the journal's website <https://ural-altai.ru/>. On the submission, however, papers must not comply with these rules; authors of the accepted papers will be asked to bring the article into compliance with them before publication.

Учредители
А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская

Редактор
М. Л. Максимова

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков
jurnaluraltai@mail.ru

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Дата выхода номера
31.03.2026

Founded by
Anna V. Dybo, Yu. V. Normanskaya

Editor
Maria Maksimova

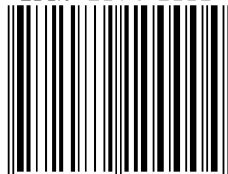
Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages
jurnaluraltai@mail.ru

Phone
+7 (495) 691-63-06

Publication date
31.03.2026

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >